

05
Δ 54
1190

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
А. В. КРУГЛОВА.

Годъ III-й.

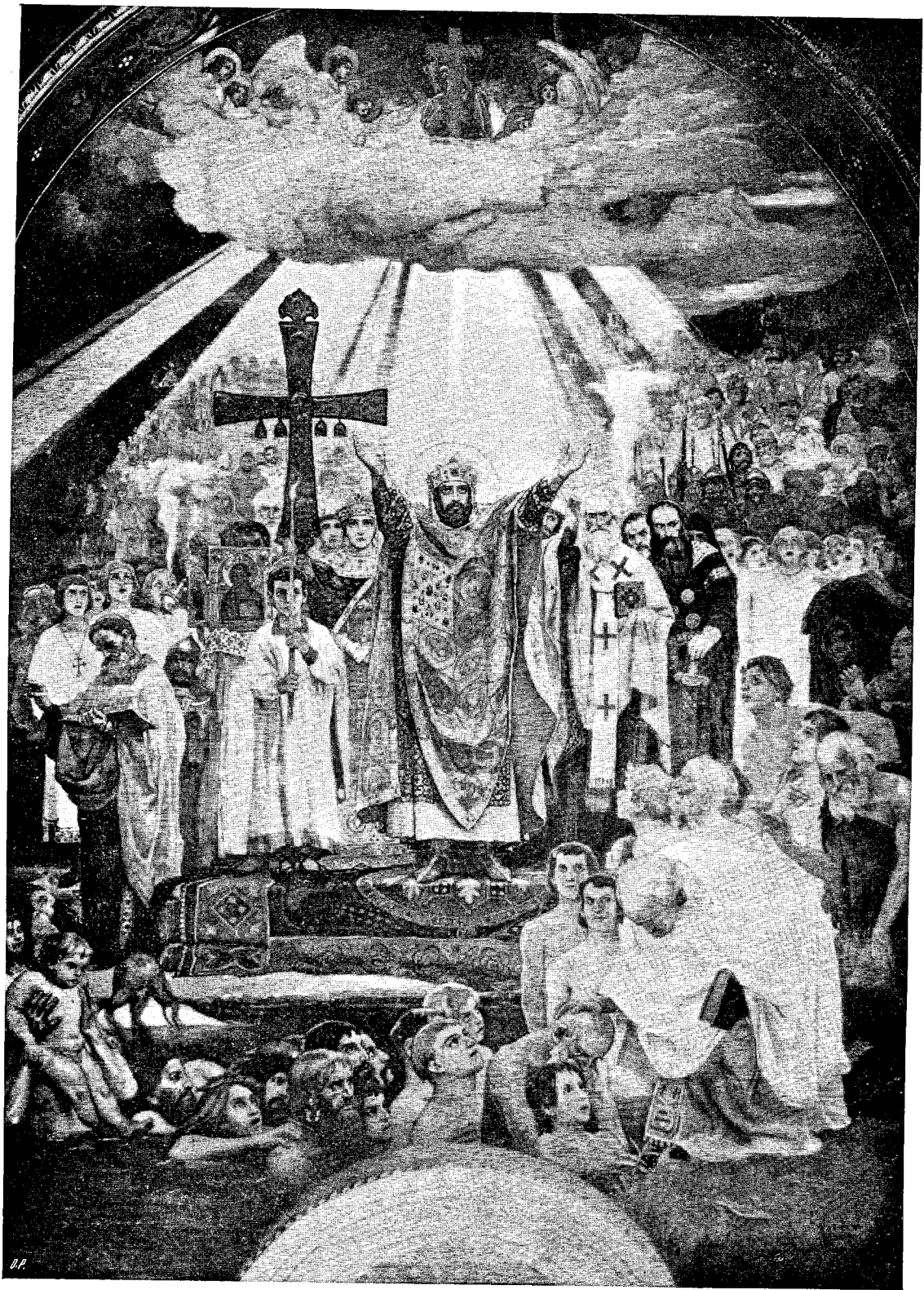
Апрѣль.

1909.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I.—КРЕЩЕНІЕ РУСИ. (В. М. Васнецова.). На отд. листъ мѣлов. бум.	
II.—ВОСКРЕСЕНІЕ.—Стих. (Съ илл.).— А. В. Круглова	5.
III.—ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ.—Стих. (Съ илл.).— Б. В. Каховскаго	6.
IV.—ПОДВОДНАЯ ПУСТЫНЬ.—Изъ заволожск. преданій. (Съ 2 илл.).— А. А. Коринфскаго	7.
V.—ЛЮБОВЬ.—Этюдъ. (Съ портр. автор. и иллюстр.) Свящ. М. И. Менстрова	11.
VI.—ДВОЙСТВЕННОСТЬ.—Сказка.— Б. В. Каховскаго	16.
VII.—ВЕНЕЦІЯ.—Стих.— Б. В. Каховскаго	17.
VIII.—ОЖИВШАЯ ПЛОТЬ.—Фантазмагорія.—(Съ портр. авт.) А. Н. Догановичъ	18.
IX.—„Я ЛЮБЛЮ ВЪ КОНЦѢ АЛЛЕИ...“—Стих. Б. В. Каховскаго (Съ илл.)	28.
X.—ПЕРЕЖИТІЕ.—Воспоминанія.—(Съ илл.). Ч. II, Гл. VII—VIII.— А. В. Круглова	29.
XI.—У ДАЛЕКАГО РУБЕЖА.—(Съ портр. авт. и 4 илл.).— С. М. Власьева	36.
XII.—ПРОБУЖДАЮТСЯ.—(Съ портр. авт.).— Д. И. Введенскаго	44.
XIII.—БИБЛЕЙСКІЯ ЖЕНЩИНЫ.—VII.—Авигея.—(Съ илл. на отд. стр.). А. Н. Никитиной	49.
XIV.—ЭПИТАФІЯ ОБЫКНОВЕННОМУ ЧЕЛОВѢКУ.—Стих. В. К. Недзвецкаго	54.
XV.—БЕСѢДА.—I—III.—(Съ виньетк. отд.).— А. В. Круглова	55.
XVI.—КЪ НЕБЕСАМЪ.—Стих.— Ф. И. Чернова	61.
XVII.—АЛЬМАНАХЪ „РОДИНА“. Библиогр. замѣтка.—(Съ 2 илл.).— А. Н. Никитиной	62.
XVIII.—ГОГОЛЕВСКІЯ СТРАНИЧКИ. (Съ 6 илл.).	64.
XIX.—ИЗЪ РАЗНЫХЪ КРАЕВЪ. (Съ виньеткой отд.).	
I. ПИСЬМА ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА.—I.—МАУСАИЛЬ РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ. (Съ портр. А. С. Суворина).— Н. А. Гребцекаго	95.
II.—ХОЛОДНО.—(Письмо изъ Парижа).— Москвича	98.
XX.—ОБО ВСЕМЪ И ОТОВСЮДУ.—(Съ виньеткой отд.).	102.
XXI.—ИСКРЫ.—(Виньетка отд.).—НОВЫЙ ХЛЕСТАКОВЪ.—Наброски.— Вес. Устюжанина	114.
XXII.—СО СТОРОНЫ.—((Виньетка отд.)—ЧТО МОЖЕТЪ ДАТЬ ГРАММОФОНЪ. М. С. Нильскаго	122.
XXIII.—СМѢСЬ.—(Съ вин. отд. и заст.).	125.
XXIV.—ПОЧТА „ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ“.	127.
—ОБЪЯВЛЕНІЯ.	
—ПРИЛОЖЕНІЕ:—„ПОДЪ НЕБОМЪ ПАЛЕСТИНЫ“.—Паломническіе очерки—свящ. М. А. Пеньковскаго .—(Листъ третій).—Съ 9-ю иллюстраціями.	

В. М. Васнецовъ.

Крещеніе Руси.

1909. Годъ третій. Апрѣль.

Дневникъ Писателя

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

иллюстрированный литературно-научный

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. В. Круглова.

Главнымъ Управл. Военно-Учебн. Заведеній „Дневникъ Писателя“ допущенъ въ ротныя библіотеки военныхъ училищъ. (Отношеніе отъ 13 авг. 1908 г. за № 18017).

Опредѣленіемъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ (за № 536) „Дневникъ Писателя“ допущенъ къ выпискѣ въ библіотеки второклассныхъ и церковно-учительскихъ школъ.

Редакція „ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ“: Москва, Тверская, д. гр. Олсуфьевой.

90611Ж

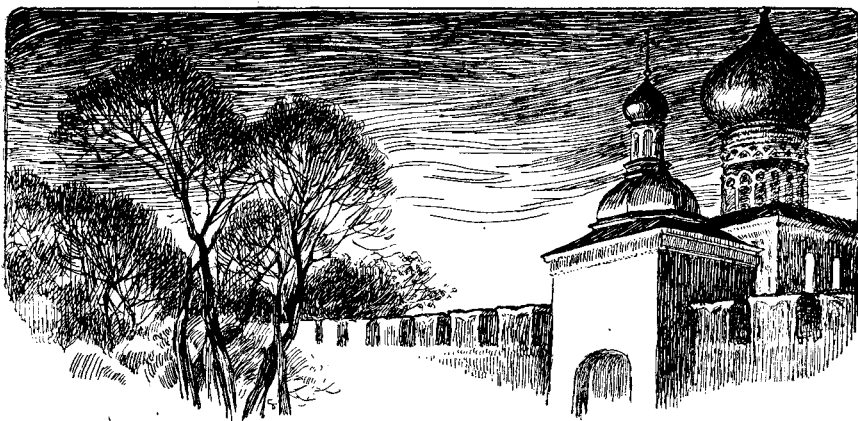
Въ журналѣ принимали, принимаютъ и будутъ принимать участіе, кромѣ **А. В. Круглова** и **А. Н. Догановичъ**, слѣд. ученые, писатели и художники: **Н. А. Акимовъ**, **П. А. Аксаковъ**, **Л. Д. Александровъ**, **Л. Н. Афанасьевъ**, **М. Н. Б.**, **И. Н. Бабанинъ**, **Н. Н. Бариновъ (Энбе)**, проф. **А. Ф. Басовъ**, **О. П. Бахмутская**, **С. М. Битюковъ**, **М. С. Бѣлкинъ**, **П. И. Бѣляевъ**, **Д. П. Варлыгинъ**, магистръ бог. **Д. И. Введенскій**, **С. В. Витимскій**, **С. М. Власьевъ**, **И. И. Вологодскій**, **Д. В. Гаринъ-Виндингъ**, **И. Н. Глухаревъ**, **К. П. Говоровъ**, **Л. Д. Гончаревскій**, прив.-доцентъ Моск. Универс. докт. мед. **С. М. Доброхотовъ**, полк. генер. штаба **М. А. Дорманъ**, проф. прот. **Н. А. Елеонскій**, **А. В. Жиркевичъ**, **И. И. Житницкій**, **В. Я. Ивановъ-Енотаевскій**, **Б. В. Каховскій**, **А. Г. Кирмалова**, **Е. Н. Клетнова**, **А. А. Коринфскій**, **М. А. Козыревъ** прис. пов. **Н. Д. Кузнецовъ**, **Р. П. Кумовъ**, **И. А. Купчинскій**, **В. П. Лебедевъ**, **К. С. Лебедевъ**, **Е. Н. Ловецкая**, **И. И. Мадробурскій**, **В. Л. Маяковъ**, свящ. **М. И. Менстровъ**, заслуженный профессоръ **П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій**, **Н. А. Мучвикъ**, **В. К. Мюръ**, докторъ медиц. **В. К. Недзвецкій**, **А. Н. Никитина**, **Н. Н. Оглоблинъ**, **Е. Н. Опочининъ**, **М. И. Орѣшниковъ**, **Х. И. Пахолковъ**, свящ. **Михаилъ Пеньковскій**, **Е. А. Полушкина**, **И. В. Поповъ-Пермскій**, **Я. Я. Полферовъ**, **Е. Н. Поселянинъ**, **П. И. Радинъ**, **П. А. Россіевъ**, **И. В. Роцинъ**, **В. Ф. Рыжковъ**, **В. Г. Рязанцевъ**, **И. А. Савченко**, **Л. А. Самарина**, **Е. И. Свѣтова**, **К. И. Смирновъ**, **Н. П. Столпянскій**, проф. Моск. Универс. **И. Т. Тарасовъ**, профессоръ **А. А. Тихомировъ**, **Н. П. Третьяковъ**, **С. Т. Тураганъ**, **А. А. Ведоровъ-Давыдовъ**, **С. Н. Хазовъ**, **Ф. И. Черновъ**, **А. А. Чуманъ**, **Ф. М. Чеботаревъ**, **С. Н. Шубинскій**, **И. П. Ювачевъ** и др. Художники: **С. В. Бенлемишевъ**, **И. Е. Полушкинъ**, **И. Рукина-Кошугъ**, **А. И. Соколовъ**, **П. Ф. Яковлевъ** и др.

Къ свѣдѣнію авторовъ.

1) Принятая статья, въ случаѣ надобности, подвергается сокращеніямъ и исправленіямъ. Авторы, несогласные на это, благоволятъ оговорить свои требованія при посылкѣ статей. Не обозначающимъ размѣра гонорара, таковой назначается по усмотрѣнію редакціи.

2) На отвѣтъ прилагается почтовая марка. Рукописи обратно высылаются только заказной бандеролью, для чего должны быть присланы марки въ соответствующемъ количествѣ.

3) Рукописи сохраняются 6 мѣсяцевъ, послѣ чего уничтожаются. На прочтеніе рукописи полагается срокъ отъ 2-хъ до 3-хъ мѣсяцевъ. Неразборчивыя рукописи НЕ ЧИТАЮТСЯ. ПРОСЯТЪ ПИСАТЬ НА ОДНОЙ СТОРОНѢ ЛИСТА. Личныя объясненія въ редакціи только по воскресеньямъ отъ 5 до 6 ч. вечера.

Воскресеніе.

(Посвящ. памяти матери и няни)

роснулась тишь, разбуженная звономъ,
Вспугнули ночь огни и голоса,—
И кажется, что сами небеса
Откликнулись пасхальнымъ перезвономъ
На гимнъ ликующей земли.

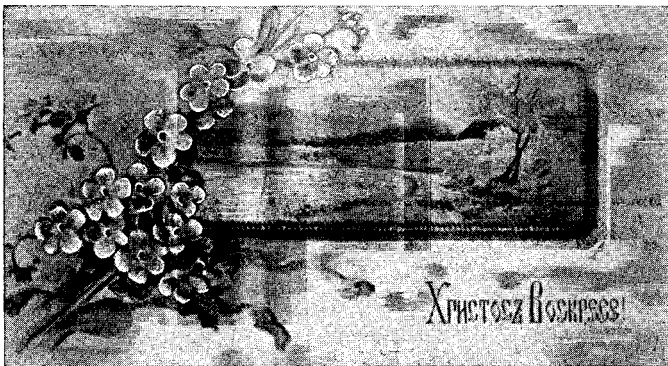
И стихла скорбь. И призраки ушли,
Терзавшіе мучительнымъ сомнѣньемъ
Пытливый духъ,—и свѣтлымъ привидѣньемъ
Мелькнули въ памяти младенческіе дни...
Ихъ благодатные огни
Проникли въ глубь души—мракъ бездны озарили,
И душу мертвую для жизни воскресили.

Святая ночь! Возможна-ли печаль,
Когда душа почуяла спасенье,
Водчю узрѣла воскресенье,
Отринувъ ветхую скрижаль,
Восприняла святое откровенье,

Коснулась ризъ цѣлительныхъ Христа,—
 Когда всей полноты блаженнаго прозрѣнья
 Безильны выразить уста!

Несется звонъ... Но не ему я внемлю,—
 Мнѣ слышатся иные голоса:
 Тѣ—свой привѣтъ пасхальный шлютъ на зѣмлю
 И Пасху празднуютъ съ землею небеса!

А. Кругловъ.

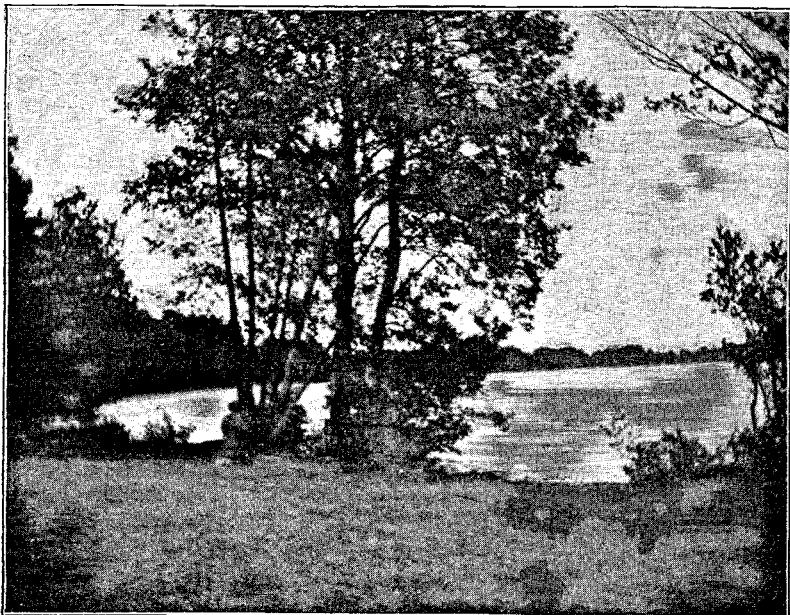
ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ.

Гудятъ, звонятъ колокола,
 Въ рукахъ—сіяющія свѣчи...
 Добрѣ взгляды, привѣтнѣй рѣчи...
 Какъ будто меньше въ мѣрѣ зла!
 Гудятъ, звонятъ колокола,
 Къ намъ ночь пасхальная сошла!

Нѣтъ ни начала, ни конца
 Нѣмымъ пространствамъ мірозданья.
 Песчинкой Божьяго созданья
 Земля плыветъ у ногъ Творца.
 Земля плыветъ среди міровъ,
 Подъ перезвонъ колоколовъ.

Б. Каховскій.

Подводная пустынь.

Изъ заволжскихъ преданій.

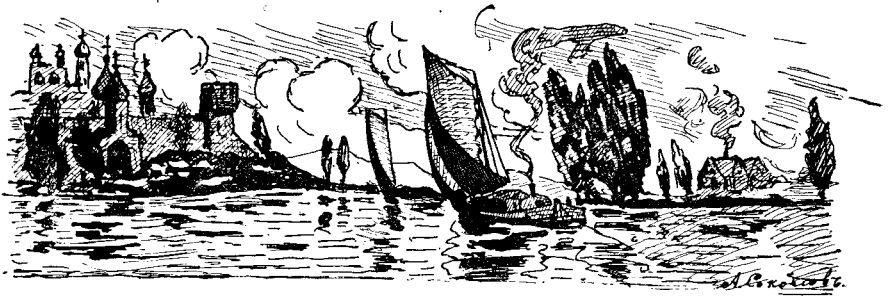
Были тяжелые дни;
Матушку-Русь полонила
Хана Батгя орда,
Злая татарская сила.
Гости лихіе пришли,
Справили пирь-новоселье:
Пьянь былъ отъ крови народъ,
Два вѣка длилось похмѣлье!
Гулко неслись за рубежъ
Страшнаго грома раскаты;
Зарево съ Волги, съ Тверцы
Видѣли даже Карпаты.
Наше Заволжье одно—
Уголь страны необъятной—
Отъ разоренья спаслось,
Только не силою ратной!
Пустынь на Волгѣ была;

Бѣдные люди простые—
 Въ ней за мірскіе грѣхи
 Старцы молились святые.
 Возлѣ опушки лѣсной
 Встала, готовясь къ налёту,
 Коршуновъ дикихъ орда
 Станомъ въ страстную субботу.
 Въ полночь воскресшій Христосъ
 Шествовалъ свѣтлой стезёю,
 Въ полночь великую звонъ
 Къ стану донёся волною.
 Тѣмень былъ лѣсъ вѣковой,
 Все-же сквозь темныя ели
 Зоркіе рысьи глаза
 Въ храмъ огни разглядѣли...
 Бросилась нехристей рать
 Волкомъ на стадо Христово,
 Тучею стрѣлы взвились
 Выше намета лѣсного...
 Смотрить—не вѣрить орда:
 вмѣсто монашескихъ келій—
 Озеро; всюду вода,
 Волны бѣгутъ изъ-за елей;
 Свѣтъ выбиваетъ со дна,
 Благовѣсть слышенъ оттуда...
 Страха исполнился врагъ,
 Въ страхъ отъ Божьяго чуда.
 Съ первою зорькою ханъ,
 Думать не думавъ по-долгу,
 Бросивъ путину свою,
 Плыть порѣшилъ черезъ Волгу...
 Дымомъ окутало Русь,—
 Вся, какъ свѣча, запылала:
 Нивы свои не дождемъ—
 Кровью людской орошала,
 Гибло княжде гнѣздо,
 Рать полегала за ратью;
 Только Заволжье одно
 Божьей спаслось благодатью:
 Мечъ и огонь пронесла
 Мимо поганая сила;
 Цѣлая матушка-Русь
 Въ жертву себя приносила!
 Много цѣпей на себѣ
 Видѣли волжскія воды,
 Только цѣпямъ не сломить
 Нашей исконной свободы:
 Вынесъ народъ-богатырь

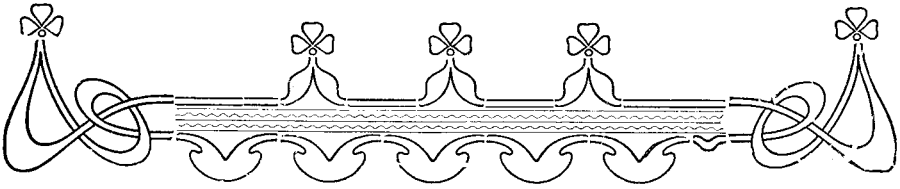
Грозной татарщины тягу;
Много тянулось другихъ
Къ старому русскому стягу!
Съ каждою новой бѣдой
Крѣпла родная держава,
Съ каждою грозой—цвѣла
Ярче народная слава.
Даже и Русь-то сама
Стала не Русь, а—Россія;
Гдѣ-же ей помнить тебя,
Дикая сила Батяя!
Все измѣнилось въ ней;
Только одно нерушимо
Слово сказаній живетъ—
Старою Волгой хранимо...
Слово сказаній родныхъ,
Мощное, вѣчное слово;
Свѣтлый, кипучій родникъ—
Кладезь богатства родного!
Каждую вѣсну въ бору,
Въ самую полночь Святую,
Озеро ломить у насъ
Кровлю свою ледяную;
Въ самую полночь со дна
Каменный островъ всплываетъ:
Кельи и стѣны и храмъ,—
Утреню клиръ совершаетъ.
Благовѣсть льется окрестъ;
И въ облакахъ еиміама
Старцы святыню несутъ,—
Ходятъ вокругъ древняго храма.
Будить священный тропарь
Сонъ заповѣднаго бора,
Къ небу доходитъ напѣвъ
Древле-уставнаго хора.
Утромъ, чуть зорька-заря
Лѣса окрасить сѣдины,—
Острова нѣтъ и слѣда,
Ходятъ по озеру льдины.
Ночью-же—сорокъ ночей—
Льется дорогой окольной,
Вмѣстѣ съ дыханьемъ весны,
Красный трезвонъ колокольный...
Правда, немногимъ дано
Видѣть своими глазами
Пустыни Божьей отцовъ,
Пѣніе слышать во храмѣ;
Только въ Святую-то ночь—
Въ ночь Воскресенья Христова—

Каждую вѣсну встаетъ
Островъ изъ озера снова:
Богомъ завѣтъ положонъ
Старцамъ на вѣчныя годы—
Силою вѣры спасать
Край отъ наносной невзгоды!... *)

Аполлонъ Коринфскій.

*) „Бывальщины“.

ЛЮБОВЬ.

Извѣстный романъ Федора Михайловича Достоевскаго „Братья Карамазовы“ получилъ у насъ историческое значеніе и породилъ особое характеристическое опредѣленіе „*карамазовщина*“. Достоевскому удалось выразить въ характерѣ героевъ своего романа нѣчто стихійное, свойственное нашей натурѣ, нашей русской жизни.

Основаніемъ для „карамазовщины“ послужили черты, сказывающіяся въ цѣлой семьѣ, въ отцѣ и трехъ его сыновьяхъ, хотя и отличающихся каждый своими особенностями, тѣмъ не менѣе носящихъ въ себѣ въ большей или меньшей степени типическій отпечатокъ Карамазовскаго рода. Отличительная черта Карамазовыхъ—*это безудержъ, который въ каждомъ изъ этихъ членовъ семьи выражается по своему.*

Въ старикѣ Карамазовѣ, развраткомѣ, безтолковомѣ самодурѣ, безудержъ этотъ выражается, конечно, въ самой грубой, матеріальной формѣ.

Одинъ изъ братьевъ, Дмитрій, былъ какой-то особенный человекъ; юность и молодость его протекли безпорядочно, въ гимназіи онъ недоучился, попалъ въ корпусъ, потомъ очутился на Кавказѣ, тамъ дрался на дуэли, былъ разжалованъ, но опять выслужился... Но, несмотря на свой карамазовскій безудержъ, Дмитрій, былъ добръ и великодушень...

Братъ Иванъ—представитель карамазовщины въ ея идейномъ смыслѣ. Ивану нуженъ безусловный просторъ въ дѣйствіи, его мучитъ „идея“, онъ готовъ на всякія жертвы, если только этою жертвою можно достигъ истины сразу, во всей ея полнотѣ... Для Ивана невысказанъ тотъ медленный, постоянный подвигъ не ради всего человѣчества, а ради ближнихъ, къ которому насъ дѣлаетъ

Свящ. М. И. Менстровъ.

способными только любовью. Вотъ эта-то любовь и есть отличительная черта младшаго Карамазова—*Алеша*.

Алеша не былъ ни фанатикомъ, ни мистикомъ, это былъ „ранній человѣколюбецъ“. Это былъ юноша, требующій правды, ищущій ее и вѣрующій въ нее, а увѣровавъ, требующій немедленно участія въ ней всею силою своей души... Едва только онъ, задумавшись серьезно, поразился убѣжденіемъ, что безсмертіе и Богъ существуютъ, то сейчасъ же сказалъ себѣ „хочу жить для безсмертія, а половиннаго компромиса не понимаю“... и поступилъ послушникомъ въ монастырь. И въ этихъ восторженныхъ словахъ Алеша легко сказывался все тотъ же родовой карамазовскій типъ съ его нетерпѣливую жаждою полного и немедленнаго достиженія, съ его неумѣніемъ удовлетворяться лишь половиною, останавливаться въ раздумьи на распутьи—куда идти?...

Монастырь, въ которомъ нашель Алеша спасеніе отъ „карамазовщины“, прославился старцами, повидать и послушать которыхъ стекались богомольцы изъ за тысячъ верстъ. Монастырь этотъ ничѣмъ особеннымъ не былъ знаменитъ, въ немъ не было ни мощей святыхъ угодниковъ, ни чудотворныхъ иконъ, не числилось за нимъ историческихъ подвиговъ и заслугъ отечеству... Монастырь исключительно поддерживался старцами и къ Зосимѣ, послѣдному изъ оставшихся въ живыхъ старцу, со всѣхъ сторонъ стекались богомольцы исповѣдать свои грѣхи, сомнѣнія, страданія и испросить у него совѣта и наставленій...

Алеша жилъ въ самой кельѣ Зосимы, который очень любилъ его и допустилъ къ себѣ. На юношеское воображеніе Алеша сильно подѣйствовали сила и слава, которыя постоянно окружали старца. Про старца Зосиму говорили, что онъ до того звалъ хорошо человѣческую душу, что съ перваго взгляда на лицо пришедшаго къ нему исповѣдывать свое сердце, угадывалъ, съ чѣмъ тотъ явился, что ему нужно, какого рода мученіе терзаетъ его сердце и этимъ, конечно, сразу смущалъ и поражалъ исповѣдника. Почти всѣ, приходившіе къ старцу на уединенную бесѣду въ первый разъ, входили къ нему со страхомъ и безпокойствомъ, а выходили отъ него свѣтлыми, радостными, и самое мрачное лицо обращалось въ счастливое и спокойное. Старецъ вовсе не былъ строгъ, напротивъ онъ былъ необыкновенно ласковъ, мягокъ и даже веселъ въ обхожденіи. Про него говорили, что онъ особенно привязывается душой къ тому, кто грѣшнѣе... Особенно поразительное зрѣлище представлялъ моментъ, когда старецъ выходилъ къ ожидавшей его толпѣ богомольцевъ, собравшихся со всей Россіи, чтобы увидѣть старца и получить отъ него благословеніе. Они повергались предъ нимъ на колѣни, плакали, цѣловали его ноги, цѣловали землю, на которой онъ стоялъ, женщины протягивали къ нему дѣтей своихъ. Старецъ благословлялъ всѣхъ, а съ иными разговаривалъ, утѣшалъ, училъ смиренію, давалъ совѣты. Для смиренной души русскаго простолюдина, измученнаго трудомъ и горемъ, не было сильнѣе потребности и утѣшенія, какъ обрѣсти святыню, святого, пасть передъ нимъ, поклониться ему. „Если у насъ грѣхъ, неправда и искушеніе, то все равно, есть на землѣ тамъ гдѣ-то святой и высшій; у того за то правда, тотъ знаетъ правду, значить не умираетъ она на землѣ, а стало быть, когданибудь и къ намъ перейдетъ и воцарится по всей землѣ, какъ обѣщано“. Звалъ Алеша, что такъ именно чувствуетъ и разсуждаетъ народъ и, глядя на эти восторженные лица плачущихъ мужиковъ и бабъ, протягивающихъ старцу своихъ дѣтей, онъ понималъ, что старецъ Зосима и есть въ глазахъ народа этотъ самый святой, этотъ хранитель Божіей правды на землѣ... Вообще, съ поступленіемъ въ монастырь, какой-то глубокій, пламенный, внутренній восторгъ все сильнѣе и сильнѣе разгорался въ сердцѣ этого чистаго, кроткаго юноши... Не смущало его даже нисколько то, что старецъ Зосима все-таки стоитъ передъ нимъ единицею, и другіе такъ далеко отъ него... „Все равно, онъ святъ, въ его сердцѣ тайна об-

новления для всѣхъ, въ его сердцѣ та мощь, которая установитъ наконецъ, правду на землѣ, и будутъ всѣ святы, и будутъ любить другъ друга и не будетъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни возвышающихся, ни униженныхъ, а будутъ все, какъ дѣти Божіи и наступитъ настоящее царство Христово“. Вотъ о чемъ грезилось сердцу Алеши. (Соч. Достоевскаго т. XII, 36-37).

„Братья,—поучаетъ насъ авторъ устами старца Зосимы,—не бойтесь грѣха людей, любите человѣка и во грѣхъ его, ибо сіе ужъ подобіе Божеской любви и есть верхъ любви на землѣ. Любите все созданіе Божіе, и цѣлое, и каждую песчинку. Каждый листикъ, каждый лучъ Божій любите. Любите животныхъ, любите растенія, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь и тайну Божію постигнешь въ вещахъ. Постигнешь однажды и уже неустанно начнешь ее познавать все далѣе и болѣе, на всякъ день. И полюбишь, наконецъ, весь міръ уже всецѣлоу, всемірною любовію“ (Соч. т. XII-379).

„Други мои, просите у Бога веселья. Будьте веселы, какъ дѣти, какъ птички небесныя. И да не смущаетъ васъ грѣхъ людей въ вашемъ дѣланіи, не бойтесь, что затретъ онъ дѣло ваше и не дастъ ему совершиться, не говорите: „силенъ грѣхъ, сильно нечестіе, сильна среда скверная, а мы одиноки и безсильны, затретъ насъ скверная среда и не дастъ совершиться благому дѣланію“. Бѣгите, дѣти, сего унынія. Одно тутъ спасеніе себѣ: возьми себя и сдѣлай себя же отвѣтчикомъ за весь грѣхъ людской. Другъ, да вѣдь это и вправду такъ, ибо чужъ только сдѣлаешь себя за все и за всѣхъ отвѣтчикомъ искренно, то точно же увидишь, что оно такъ и есть въ самомъ дѣлѣ и что ты-то и есть за всѣхъ и за вся виноватъ. А скидывая свою же лѣнь и свое безсиліе на людей, кончишь тѣмъ, что гордости сатанинской приобщишься и на Бога возропцешь“. (Тамъ же, стр. 380-381).

Живымъ примѣромъ такой святой любви и является передъ нами юный Алеша Карамазовъ. Честный по природѣ своей, любившій истину въ словахъ, требующій правды въ жизни, ищущій и вѣрующій въ нее,—Алеша не искалъ того безудержу, того самодовольнаго „простора“,—въ смыслѣ полного буйства страстей,—который увлекаетъ такъ многихъ.

Бесѣдуя со старцемъ Зосимомъ незадолго предъ кончиною послѣдняго, Алеша сказалъ ему:

„Благословите здѣсь (т. е. въ монастырѣ) остаться, прбсѣщамъ голосомъ промолвилъ Алеша.

— „Ты тамъ нужнѣе. Тамъ миру нѣтъ. Прислужишь и согласишься. Подымутся бѣси, молитву читай. И знай, сынокъ (старецъ любилъ его такъ называть)—съ тобой Христосъ. *Сохрани Его и Онъ сохранитъ тебя. Горе узришь великое и въ горѣ семъ счастливымъ будешь. Вотъ тебѣ завѣтъ: въ горѣ счастья ищи. Работай, неустанно работай*“. (т. XII стр. 92-93).

Вѣрный этому завѣту Алеша близко сталъ къ чужому горю и радости. Онъ на всѣхъ оставлялъ почти невольный, духовный слѣдъ и при томъ не только и не столько путемъ передачи какихъ либо идей или фактовъ, но самымъ своимъ существованіемъ около нравственно-больныхъ людей въ родѣ обоихъ братьевъ своихъ, отчасти отца, дѣтей-гимназистовъ и трехъ женщинъ. Всѣ они чувствуютъ его сострадательную любовь, всѣ знаютъ, что хотѣлъ бы онъ имъ сказать, отъ чего предостеречь и къ чему именно призвать; какъ бы нѣкая живительная вода орошаетъ сердца ихъ въ его присутствіи, кающіеся получаютъ въ немъ нравственную опору, а упорствующие и колеблющіеся, какъ мальчишкѣ Коля, старикъ отецъ и братъ Иванъ, мягнутся и сотрясаются подъ лучами его любви, какъ евангельскіе бѣсноватые, завидѣвъ Спасителя.

Христіанская любовь или нравственное состраданіе у Достоевскаго, какъ физическая теплота или притяженіе, проникаетъ во всѣ области жизни, не зная себѣ ни въ чемъ конечнаго препятствія. Медленно, но упорно пробиваетъ она ледяную кору сердець и преобразуетъ внутреннюю природу людей ближнихъ просто своею собственною силою, даже безъ видимыхъ обнаруженій, создавая на двѣ ихъ душъ безсознательныя добрыя расположенія. Бьется и отвертывается отъ нея злая воля людей, думаетъ грѣшникъ, что онъ вовсе свободенъ отъ всякаго вліянія, какъ вдругъ принужденный обстоятельствами жизни взглянуть въ свой внутренній міръ, онъ находитъ въ себѣ ужъ другую природу, какъ бы вмѣщающую нравственные облики душъ, его любившихъ, за него страдавшихъ, о немъ молившихся.

Любовь,—это прежде всего—возрожденіе души. На кого бы она ни простиралась, къ кому бы и къ чему бы она ни загорѣлась своимъ яркимъ пламенемъ, всюду она несетъ новую жизнь для души.

Вся личность Алеши Карамазова была великой творческой силой. Она возрождала, вызывала на лучшія чувства всѣхъ, съ кѣмъ только ни приходила въ соприкосновеніе.

„Съ тобою только *однимъ* бывали у меня добренькія минутки, а то я вѣдь злой человѣкъ“, — говоритъ ему отецъ.

„Не знаю я, не вѣдаю, ничего не вѣдаю, что онъ мнѣ такое сказалъ, сердцу сказалося, сердце онъ мнѣ перевернулъ, — говоритъ объ Аленѣ, повидимому совсѣмъ потерянная женщина—Груша. Пожалѣлъ онъ меня первый, единственный, вотъ что. Зачѣмъ ты, херувимъ, не приходилъ прежде, упала вдругъ она передъ нимъ на колѣни, какъ бы въ изступленіи.—Я всю жизнь такого ждала, какъ ты, ждала, знала, что кто-то такой придетъ и меня проститъ“. (т. XII-424).

— Я тебя больше всѣхъ люблю, — говоритъ ему далѣе братъ Дмитрій,— и мысль объ Алешѣ спасаетъ его отъ самоубійства.

Алена покоряетъ себѣ даже сухое, холодное сердце другого брата—Ивана.

Такова могучая сила любви. Достоевскимъ не только описывается дѣйствіе этой силы, но и дается ключъ къ ея философскому уразумѣнію. Любовь эта есть не субъективное настроеніе только, а нѣкая міровая, Божественная сила, жизнь Божія, удѣляемая въ братолюбивыя сердца и черезъ нихъ передаваемая любимымъ имъ. Въ Бога нѣтъ этой любви и дается она только вѣрующимъ въ Его бытіе и благодать, но за то въ сознаніи вѣрующаго самымъ основнымъ закономъ бытія, единственнымъ настоящимъ бытіемъ является эта любовь.

Одна дама спрашиваетъ старца Зосиму; „какъ доказать бытіе Божіе?“

Зосима отвѣчаетъ: „Доказать тутъ ничего нельзя, убѣдиться же возможно“.

— Какъ? Чѣмъ?

— *Опытномъ дѣятельной любви.* Постарайтесь любить вашихъ ближнихъ дѣятельно и неустанно. По мѣрѣ того, какъ будете преуспѣвать въ любви, будете убѣждаться и въ бытіи Бога, и въ безсмертіи души вашей. Если же дойдете до полнаго самоотверженія въ любви къ ближнему, тогда ужъ несомнѣнно увѣруете и никакое сомнѣніе даже и не возможетъ войти въ вашу душу. Это испытано, это точно“. (Соч. т. XII, 67 стр).

Великая идея Достоевскаго, конечно, содержится въ Божественномъ Откровеніи. Апостоль Іоаннъ Богословъ въ своемъ первомъ посланіи пишетъ: „Кто говорить, что онъ во свѣтѣ, а не навидитъ брата своего, тотъ находится во тьмѣ, и во тьмѣ ходить, и не знаетъ куда идетъ, потому что тьма ослѣпила ему глаза... Кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога, потому что Богъ есть любовь... Не любящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, котораго

не видить?“ Вотъ почему Апостоль и прибавляетъ: „дѣти мои, станемъ любить не словами и языкомъ, но дѣлами и истиною.“

Достоевскимъ идея любви изложена жизненно и ясно. Значеніе этого изложенія въ томъ, что черезъ него опредѣляется лучшее направленіе нашей любви къ людямъ, чѣмъ принято въ современной морали. Часто слышится фраза: можно разрушать заблужденія мысли, но какъ и кто можетъ сломить злую волю? поэтому благотворительность допускаютъ только вещественную. Достоевскій, призывая человѣка на подвиги любви къ ближнему, говоритъ устами своихъ героевъ: „ты въ немъ новаго человѣка воскресишь“.

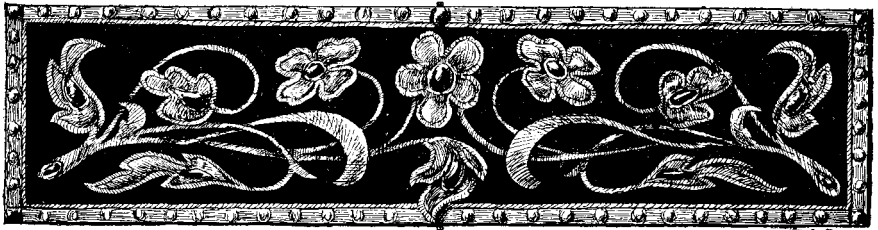
Любите... только не допускайте сомнѣнія въ любви. *Она все сдѣлаетъ*: это прекрасный цементъ, связывающій людей.

„Счастье—наша любовь, свѣтлымъ лучемъ освѣтившая слезы чужія“. Любите... ибо любовь—прежде всего сила, приводящая насъ къ Богу; это—дыханіе Божества, это кроткій ангелъ неба, возвѣщающій душѣ новое лѣто и благопріятное.

Вѣрь же... въ великую силу любви,
Свято вѣрь въ ея крестъ побѣждающій,
Въ ея свѣтъ лучезарно спасающій,
Мірѣ, погрязшій въ грязи и крови...
Вѣрь въ великую силу любви“.

Свящ. **М. Менстровъ.**

А.В.

ДВОЙСТВЕННОСТЬ.

СКАЗКА.

Омываемое шумными морями, освѣженное блестящими рѣками, подъ глубокимъ лазурнымъ небомъ раскинулось свѣтлое царство.

Все въ немъ было просто и цѣльно и потому прекрасно.

Царствомъ владѣли люди.

Владѣли они счастливымъ, свѣтлымъ царствомъ, но сами счастливы не были.

Они были двойственны.

Лѣвая ихъ сторона была соткана изъ страсти и лжи, а правая изъ любви и правды.

Люди не замѣчали этой странности и не умѣли подойти другъ къ другу.

Подойдутъ къ человѣку слѣва: „Какой онъ злой, завистливый“, а подойдутъ къ нему же справа: „Какой хорошій, добрый человѣкъ!“ говорили они.

Много несчастій и горя случалось отъ этого на землѣ.

Но / вотъ въ этомъ царствѣ появилась однажды свѣтлая фея съ ясными, чистыми глазами.

Увидала она, какъ люди не умѣютъ подойти другъ къ другу и сказала имъ:

„Неужели вы не видите, что не съ той стороны подходите другъ къ другу?“

Слова ея услышали цвѣты и вѣтеръ, услышали птицы, звѣзды и море.

И струится ароматъ отъ цвѣтовъ, и несетъ его радостный вѣтеръ; кружатся въ небѣ звонкія птицы, и мерцаютъ ночью ясныя звѣзды.

И въ ароматѣ, и въ дуновеніи,—въ сіяньи и въ пѣсняхъ звучить съ тѣхъ поръ любовь и зоветъ она людей съ любовью подойти другъ къ другу.

Ароматы цвѣтовъ,—
Щебегъ.. пѣніе..
Вѣтерка межъ кустовъ
Дуновеніе.

ДВОЙСТВЕННОСТЬ.

А стемнѣть, во мглѣ—
Звѣзды свѣтятся..
Какъ теперь на землѣ
Люди встрѣтятся?

Люди попережнему подходятъ не съ той стороны,—они по-
прежнему двойственны.

А изъ рощи
Слышенъ порошокъ,
Вѣютъ волны аромата.
„Будьте проще,—
„Въ вѣчныхъ спорахъ
„Не идите братъ на брата“.
Волны моря
Тяжко дышать—
Въ синемъ небѣ птицы рѣютъ.
Люди, споря,
Ихъ не слышать,
Вѣчныхъ словъ не разумѣютъ.

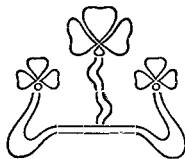
Борисъ Каховскій.

13 февраля 1909 г.
Москва.

ВЕНЕЦІЯ.

Молчитъ Венеція сурово,
Отвѣта не даетъ она;
Ей чуждо все, что въ жизни ново:
Она въ бывшее влюблена.
Что ей до нашихъ идеаловъ,
Сердечныхъ грѣзъ и нѣжныхъ словъ...
Она на зеркалѣ каналовъ
Качаетъ отблески дворцовъ.

Б. Каховскій.

ОЖИВШАЯ ПЛОТЬ.

(Фантасмагорія).

Анна Богдановичъ.

I.

Въ одной изъ столичныхъ клиникъ умиралъ молодой художникъ. Его прекрасное одухотворенное лицо съ высокимъ лбомъ, обрамленнымъ черными коротко остриженными волосами, горѣло отъ возбужденія. Выразительные сѣрые глаза съ тоскою устремились въ окно, въ которое ярко свѣтило весеннее солнце.

Только что выслушавшіе больного профессора тихо совѣщались между собою. Одинъ изъ нихъ былъ высокій и сѣдой, другой—небольшой, тучный и съ лысиной. Оба они любили талантливаго художника и стремились помочь ему не только по одной профессиональной обязанности.

Будучи друзьями въ жизни, профессора и въ клиникѣ работали вмѣстѣ, никогда не разлучаясь. Они были настоящими фанатиками науки, посвятивши ей всю свою жизнь. Зато они обогатили медицину цѣнными открытіями и имена ихъ заслуженно пользовались широкою извѣстностью.

Больной перевелъ на нихъ взоръ, въ которомъ вмѣстѣ съ отчаяніемъ свѣтилась и трепетная надежда.

— Спасите меня!—какъ стонъ вырвалась у него мольба.— Вѣдь я еще такъ мало сдѣлалъ!.. А у меня столько плановъ, столько неоконченныхъ работъ!

Онъ говорилъ правду: вся его мастерская была уставлена начатыми полотнами. Пламенная фантазія художника создавала дивные образы, которые затѣмъ онъ воплощалъ красками въ своихъ шедеврахъ. Несмотря на молодость, онъ обладалъ сильнымъ обобщающимъ умомъ, почему и его картины были всегда

полны серьезнаго значенія, выражая глубокия мысли. Каждое его новое произведеніе привѣтствовалось критикой и привлекало къ себѣ общее вниманіе. Иногда съ художникомъ не соглашались, оспаривали его, но всѣ признавали за нимъ исключительную оригинальность и самобытность. Успѣхъ молодого художника создалъ подражателей. Его манеру письма уже нарицательно называли его именемъ. Слава его казалась обезпеченной. И вдругъ рухнули всѣ надежды на будущее, казавшееся такимъ свѣтлымъ и заманчивымъ. Художникъ тяжело заболѣлъ какою то странною болѣзнью, не только не поддававшейся излѣченію, но даже и діагнозу. Профессора тщетно ломали головы и неизмѣнно ошибались въ своихъ опредѣленіяхъ. Долго пролѣчившись дома, художникъ, наконецъ, легъ въ клинику.

Время шло, а болѣзнь не поддавалась лѣченію. Художникъ тосковалъ отъ невозможности воплощать мучившіе его образы, которые какъ бы требовали себѣ плоти и крови... Сознаніе своего безсилія мучило его болѣе нежели самый недугъ.

Вопль его истерзанной души сильно тронулъ и взволновалъ профессоровъ. На ихъ лицахъ выразилось живѣйшее состраданіе.

— Не волнуйтесь, успокойтесь! — мягко и ласково произнесъ сѣдой старикъ: — у васъ организмъ молодой.. справится...

Онъ утѣшалъ пациента чисто съ материнскою нѣжностью.

— Ахъ, я такъ хочу жить! — воскликнулъ художникъ: — Я не сказалъ еще самаго главнаго!..

— Мужайтесь, мой молодой другъ, — ободряюще произнесъ лысый профессоръ: — вѣрьте въ могущество медицины... А мы со своей стороны приложимъ всѣ усилія, чтобы поднять васъ!

Сѣдой ученый вздохнулъ и прибавилъ въ раздумьѣ, отвѣчая на свою мысль: " я вполне понимаю васъ: очень обидно умереть, не дойдя до пристани!

Collega сочувственно кивнулъ головой. Въ эту минуту оба они думали о своихъ недоконченныхъ трудахъ. Въ тѣсной общности интересовъ товарищи такъ сжились между собою, что стали понимать другъ друга даже съ полуслова. Нерѣдко они и думали объ одномъ и томъ же.

— Какъ тяжело!.. простоналъ больной...

Ему подали подушку съ кислородомъ. Больной оживился, но не надолго. Дѣятельность сердца быстро падала и вскорѣ онъ опять заметался по постели.

— Душить!.. Давить!.. вскричалъ онъ, разрывая воротъ сорочки.

Съ нимъ началась агонія.

Опечаленные профессора ушликъ себѣ въ лабораторію, поручивъ его фельдшеру.

Агонія была продолжительна. Вдругъ художникъ широко открылъ глаза, какъ бы испугавшись чего-то, губы его беззвучно пошевелились... Затѣмъ онъ откинулся на подушку, вѣки его сомкнулись, а грудь всколыхнулась отъ вдоха, послѣдняго вдоха въ жизни...

Когда профессоровъ снова позвали къ пациенту, то у того уже были кончены всѣ расчеты съ жизнью.

— Finis,—тихо произнесъ сѣдой ученый, не ощутивъ болѣе пульса въ похолодѣвшей рукѣ.

Лысый ученый послушалъ сердце еще недавно столь чуткое къ красотѣ и такъ беззавѣтно любившее чистое искусство.

— Да умерь,—согласился профессоръ съ товарищемъ.

Состраданіе на лицахъ ученыхъ уступило мѣсто дѣловому выраженію. Они жалѣли больного человѣка, а теперь вѣдь передъ ними находился лишь трупъ—простой клинической матеріаль.

— Можно и за работу,—озабоченно произнесъ сѣдой старикъ:—я пойду все приготовлю.

Лысый ученый распорядился, чтобы сторожа перенесли мертвеца въ лабораторію и самъ всю дорогу суетился возлѣ носилокъ.

II.

Обнаженный трупъ положили на длинный столъ вблизи большой динамо-электрической машины.

Отпустивъ сторожей, лысый ученый заперъ за ними дверь.

Затѣмъ на голову мертвеца надѣли проволочный колпакъ, а вмѣсто простыни покрыли тѣло металлической сѣткой, послѣ чего то и другое соединили съ электрическими проводами. Пустивъ сначала слабый токъ, ученые принялись наблюдать за его дѣйствіемъ. Записывая данныя опыта въ особыя книжки, профессора то увеличивали, то уменьшали силу тока. Въ то же время они вдвали въ носъ трупа какіе то пары, клали въ ротъ особые кристаллы, обтирали лицо жидкостью рѣзкаго аромата и, вообще производили множество самыхъ разнообразныхъ манипуляцій. Оба работали молча, сосредоточенно и увѣренно, съ полнымъ знаніемъ своего дѣла. Отъ времени до времени они подходили къ другому столу и заглядывали въ развернутыя тетради, страницы которыхъ были испещрены химическими формулами и какими то сложными вычисленіями. Ученые давно уже работали надъ вопросомъ оживленія только что умершихъ людей и теоретически уже подошли къ нему. Но имъ еще никакъ не удавалось его практическое разрѣшеніе.

Много лѣтъ подрядъ они тщетно бились надъ опытами, внося въ теорію разныя поправки, измышляя новыя комбинаціи. Практика неумолимо создавала неожиданныя затрудненія... Друзья не унывали и неутомимо работали надъ перестройкой созданной теоріи, пока новое препятствіе не опрокидывало и ее... Такъ шло время... Но упорство ученыхъ не ослабѣвало. Давно уже въ ихъ рукахъ бились и трепетали вырѣзанныя и промытыя сердца, положенныя на дощечки... Давно уже поднимались и ходили трупы... Но это дѣлалось послѣдними автоматически, пока не изсякала сообщенная имъ электрическая энергія, на подобіе завода у игрушекъ... Все это было только началомъ... Оно далеко не удовлетворяло ученыхъ, которые заглядывали въ сокровенное будущее. Залогъ успѣха они видѣли въ примѣненіи электриче-

ства въ связи съ другими элементами. Эти, извѣстные лишь имъ сочетанія, раздвигали горизонты возможностей до безконечности.

Сѣдые профессора мечтали иногда какъ самые зеленые юноши. Они строили воздушные замки и въ грезахъ полновластно уже царили въ нихъ. Въ этихъ случаяхъ они испытывали неземное счастье. Лишенные домашняго очага, они вели жизнь аскетовъ. Ничего не добиваясь лично для себя, они неустанно трудились для пользы и счастья человѣчества. Оба товарища были рѣдкіе идеалисты въ вѣкъ торжества грубаго материализма.

Въ этотъ разъ ученые такъ увлеклись опытомъ, что совершенно забыли о времени, пищѣ и отдыхѣ. Время летѣло для нихъ, какъ на крыльяхъ. Только по окутавшей ихъ темнотѣ они догадались о наступленіи вечера. Отвернувъ электричество, они снова забыли о времени. Когда вставшее солнце начало мѣшать электрическому свѣту, они поняли, что наступилъ другой день. Несмотря на усиленную и лихорадочную дѣятельность, профессора не чувствовали усталости. Только лица ихъ сдѣлались мертвенно блѣдны, да на лбу проступилъ потъ отъ сильнаго напряженія. Зато выраженіе ихъ не поддавалось описанію: отъ высокаго внутренняго подъема они расцвѣли какою то особенною духовною красотой, при чемъ глаза горѣли чисто юношескимъ огнемъ.

Надежда, столько разъ мерцавшая имъ лишь болотнымъ огнемъ, вдругъ посулила имъ дѣйствительный успѣхъ.

III.

— Открываетъ глаза!—захлебывающимся шепотомъ сообщилъ лысый ученый товарищу.

Тотъ бросилъ реторту съ какою то смѣсью и подбѣжалъ взглянуть на трупъ. Вдругъ заглушенный крикъ вырвался изъ его груди:

— Вздохнулъ!.. Вздохнулъ!..

Удалившійся было другой ученый, въ одинъ прыжокъ очутился снова возлѣ стола.

Слегка поднявшаяся рука мертвеца пошевелила металлическій покровъ. Сердца профессоровъ усиленно забились въ груди. Старики предупредительно сняли сѣтку и поставили ее къ стѣнѣ. Когда они вернулись къ столу, то лежавшій уже шевелилъ ногами, словно бы онѣ у него затекли.

Свѣтлая и могущественная радость поднялась со дна души ученыхъ и разлилась по всему ихъ существу... Еще бы: вѣдь это оживалъ не вчерашній мертвецъ, а въ мертвую форму воплощались ихъ собственныя мысли, мечты и желанія, владѣвшія ими много лѣтъ. Надъ осуществленіемъ ихъ проведено столько безсонныхъ ночей, потрачено невѣроятное количество жизненной энергіи!.. Вѣрнѣе—отдана вся жизнь... И вотъ это новое существо, призываемое къ жизни—награда имъ за все!.. Въ одну ми-

нугу забыты всѣ жертвы и жизнь показалась ученымъ восхитительной поэмой полной глубокаго смысла!.. Ключъ къ міровой тайнѣ найденъ... Открытъ философскій камень, надъ которымъ тщетно бились алхимики!.. Съ этой минуты наука по произволу будетъ распоряжаться жизнью!.. И это ихъ первое дитя сердца, рожденное ими въ дозголтнхъ мукахъ страданія, они — отцы его!

А новое существо, которому ученые еще не придумали имя, взмахнуло руками. Обступивъ столъ, согнувъ слегка колѣни, профессора сложили руки, какъ бы въ молитвенномъ экстазѣ и впились жадными взорами въ лицо „возрождавшейся матеріи“. Они видѣли и не вѣрили еще своимъ глазамъ.

Вдругъ изъ горла Новаго Человѣка вырвался какой то неопредѣленный и рѣзкій звукъ... Существо разомъ поднялось и сѣло на своемъ ложѣ. Потягиваясь, оно принялось страшно зѣвать.

Сонъ сбился на яву! Воплотилась самая смѣлая мечта дерзкаго ума... Отнынѣ человѣкъ будетъ не только царемъ на землѣ, но и неограниченнымъ владыкой жизни!

Профессора не могли вмѣстить въ себѣ охватившаго ихъ безумнаго восторга и вдругъ запрыгами на мѣстѣ, словно дѣти, испуская дикіе крики радости. Затѣмъ они бросились въ объятія другъ другу, проливая слезы отъ счастья.

На минуту оба какъ бы лишились разсудка.

Новый же Человѣкъ не обращалъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія.

IV.

Переставъ зѣвать, ожившій вдругъ весь съежился, и задрожавъ отъ холода, обхватилъ себя руками.

Когда профессора пришли наконецъ въ себя и поняли, что существо озябло, они принялись спѣшно одѣвать его. Существо не выказывало сопротивленія. Очевидно, ему было пріятно согрѣться въ суконномъ костюмѣ, приготовленномъ для него заранѣе. И лишь когда профессора нѣсколько неумѣло застегивали ему подтяжки, то Новый Человѣкъ, сдѣлавъ гримасу, издалъ неопредѣленный звукъ недовольства.

— Мы васъ не будемъ беспокоить долго—ласково сказалъ лысый ученый, суетясь возлѣ своего дѣтища и натягивая на него теплый пиджакъ.

Предупредительность профессоровъ была такъ велика, что они не забыли даже положить въ карманъ пиджака чистый носовой платокъ.

Профессора снарядили ожившаго какъ куклу, и не могли налюбоваться на него, до того онъ казался имъ милымъ и симпатичнымъ. Они съ восторгомъ заключили бы его въ свои объятія, сгорая жаждою расцѣловать его, но боялись потревожить, не зная, какъ это отзовется на немъ. И восхищеніе только ли-

лось изъ ихъ глазъ, которые сіяли у обоихъ друзей, какъ звѣзды.

— Садитесь, пожалуйста!—необыкновенно любезно предложили они Новому Человѣку.

Но онъ стоялъ, какъ истуканъ, съ неподвижно устремленнымъ передъ собою, какъ бы ничего невидящимъ взоромъ и, не слышалъ или не понималъ рѣчей своихъ отцовъ.

Отъ прежней интеллигентности въ его лицѣ не осталось и слѣда. Физиономія его сдѣлалась глупой и непріятной. Безконечно-милою она могла казаться только влюбленному взору товарищей-профессоровъ.

Странное дѣло: Новый Человѣкъ имѣлъ весь обликъ красавца-художника, умершаго наканунѣ. И въ то же время все лицо его измѣнилось до полной неузнаваемости. Изъ него совершенно исчезли выраженія мысли, одухотворенности, тонкой нѣжности и изящества. Ихъ смѣнили тупость, какъ бы сомнамбулическій автоматизмъ и животная грубость въ выдавшейся впередъ нижней челюсти.

— Должно быть—онъ глухъ,—тихо замѣтилъ сѣдой.

— Или не понимаетъ еще человѣческой рѣчи, какъ существо первобытное,—извиняющимся тономъ отозвался добрякъ лысый:—какъ это поучительно видѣть предъ собою первобытнаго человѣка!.. Но онъ будетъ быстро прогрессировать въ современныхъ условіяхъ!

Существо начало развѣвать ротъ показывая, что у него тамъ все пересохло.

— Онъ хочетъ пить!—догадался лысый и поспѣшилъ налить стаканъ воды.

Новый Человѣкъ выпилъ ее залпомъ.

Сѣдой подвинулъ ему кресло, слегка толкнувъ имъ ожившаго. Колѣни послѣдняго подогнулись и онъ непроизвольно упалъ на сидѣнье.

Немного погодя существо страшно зачавкало челюстями.

Ученые всполошились.

— Онъ хочетъ ѣсть! Какъ мы не догадались!

— Я побѣгу распорядиться!—крикнулъ на ходу лысый, исчезая за дверью.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже вернулся со сторожемъ, который несъ приборъ и судокъ съ кушаньемъ.

Все это было тотчасъ же размѣщено на небольшомъ столѣ, придвинутомъ къ Новому Человѣку.

Пристально приглядѣвшись къ послѣднему, сторожъ произнесъ:

— Оживѣлъ таки!.. вишь, какой сталъ!

Сторожъ покачалъ головой съ видомъ соболѣзнованія.

Профессора не стали посвящать его въ свою тайну и отпустили его.

Вкусный паръ пищи раздражилъ обоняніе Новаго Человѣка, который накинудся на нее, какъ голодный звѣрь. Онъ низко

склонился надъ тарелкой и схватилъ котлету прямо зубами, по собачьи, лишь придерживая ее руками.

Сѣдой хотѣлъ обратить его вниманіе на вилку и ножъ, но тотъ зарычалъ на него, словно боясь, чтобы у него не отняли нищу. Затѣмъ онъ вылакалъ изъ тарелки супъ и, руками же сталъ набивать ротъ пшенной кашей. Онъ весь вымазался ѣдой, имѣя самый отвратительный видъ.

При всей своей благосклонности, профессора брезгливо отстранились отъ него.

— Онъ жретъ, — сдѣлалъ сѣдой лаконическое опредѣленіе.

— Да, ѣсть какъ животное, — согласился съ нимъ collega.

Покончивъ съ кушаньями, Новый Человѣкъ принялся отдѣльно за черный и бѣлый хлѣбъ, который онъ засовывалъ въ ротъ огромными кусками и ѣлъ давясь, отчего на глазахъ даже проступили слезы.

Пищи было принесено въ изобиліи; ее могло хватить на пятерыхъ, но Новый Человѣкъ поглотилъ ее всю одинъ. Уничтоживъ все онъ громко икнулъ и тогда откинулся на спинку кресла. Желудокъ его замѣтно оттопырился, а дыханіе стѣснилось въ груди. Онъ принялся зѣвать во весь ротъ.

— Ахъ, какъ мы оплошали, — воскликнулъ лысый ученый: — не поставили здѣсь кровати!

Но Новый Человѣкъ уже сползъ съ кресла и растянулся навзничъ на полу.

Профессора поспѣшили отодвинуть отъ него столъ съ посудой и кресло, чтобы спящій не ушибся.

Вскорѣ лабораторію огласилъ храпъ такой сильный, какого не раздавалось въ ней еще никогда. Гортанныя ругады съ носовымъ присвистомъ напомнили собою музыку дикихъ. Дыханіе съ шумомъ вырывалось изъ груди сквозь плепавшія губы. Весь этотъ вихрь звуковъ словно леталъ и кружился подъ сводами, находя сочувственные отзвуки въ тонкихъ колбочкахъ и другой стеклянной лабораторной посудѣ.

Профессора не могли воздержаться отъ улыбки.

— Ну, и дрыхнетъ же онъ! замѣтилъ лысый.

— Цѣлый оркестръ!.. отозвался другой.

Обоихъ душилъ смѣхъ.

Чтобы не разбудить Новаго Человѣка, они удалились въ смежную комнату, изъ которой могли наблюдать за спавшимъ и ясно слышать необыкновенную какофонію.

V.

Профессора успѣли привести себя въ надлежащій порядокъ и даже пообѣдать, послѣ чего храпъ въ лабораторіи вдругъ прекратился.

Сѣдой заглянулъ въ дверь и увидѣлъ, что Новый Человѣкъ поднимался съ пола.

Профессора вошли въ лабораторію.

Существо зѣвало и потягивалось. Затѣмъ оно принялось ходить по комнатѣ, неловко за все задѣвая.

Ученые забѣгали впередъ, отстраняя все съ его пути.

— Надо выпустить его для прогулки въ корридоръ,—сказалъ съдой и отворилъ дверь, куда Новый Человѣкъ и вышелъ.

Но ученые не рассчитали, что ихъ „живая машина“ двинется именно въ прямомъ направленіи, къ выходу изъ клиники.

— Вы не туда пошли!—закричали они со страхомъ, бросаясь въ догонку и желая остановить его у двери, которую загородилъ собою также и швейцаръ.

Но существо вдругъ выразило самое рѣшительное сопротивление: вытянувъ впередъ голову, оно оскалило зубы и зацекало челюстями съ озлобленнымъ рычаніемъ. Короткіе черные волосы, какъ шерсть, ошетинились на головѣ.

Лицо приняло характерное зѣриное выраженіе.

— Онъ насъ перекусаетъ! въ ужасѣ воскликнулъ лысый.

— Сбѣсился, должно быть! поддержалъ швейцаръ.

И всѣ невольно отпрянули въ стороны.

Новый Человѣкъ безпрепятственно вышелъ на улицу и автоматически зашагалъ по тротуару, толкая прохожихъ.

Всѣ сторонились отъ него, какъ отъ безумнаго.

Когда къ профессорамъ вернулось самообладаніе, то они сказали:

— Неужели онъ уйдетъ отъ нашихъ наблюденій? Вдругъ мы совсѣмъ лишимся его!

— Скатертью дорога этому идолу!—вставилъ швейцаръ.

Но ученые не раздѣляли его мнѣнія. Они рѣшили устроить за нимъ погоню, прихвативъ съ собою и швейцара. Послѣднему это очень не понравилось. Но дѣлать было нечего... Онъ неохотно послѣдовалъ за профессорами.

Новый Человѣкъ былъ уже далеко. Онъ шелъ крупной, равномерной походкой, размахивая руками и не оглядываясь по сторонамъ.

Казалось, что солнце вызвало эту „живую машину“ на уличный просторъ и, своею теплотою, привело ее въ дѣйствіе. Эта живая плоть какъ нельзя болѣе напоминала собою извѣстную статую Родена—стремительно идущаго человѣка безъ головы и безъ рукъ. У существа была голова лишь номинально, а руки соответствовали щупальцамъ. Но тамъ и тутъ осуществлялась одна общая идея—стихійнаго поступательнаго движенія плоти.

Безъ пальто и шапокъ профессора и швейцаръ гнались за бѣглецомъ, стараясь не терять его изъ вида.

На встрѣчу существу шелъ здоровенный мужикъ со своею молодою женою. Забѣвавшись, женщина нечаянно столкнулась лицомъ къ лицу съ существомъ, которое тотчасъ же заключило ее въ объятія. Почувствовавъ въ рукахъ трепетавшее живое

тѣло, Новый Человѣкъ запечатлѣлъ поцѣлуй на щекѣ бабы. Все это произошло въ одно мгновеніе.

Баба съ крикомъ стала вырываться отъ него:

— Аль, опалѣлъ! Пустя, сатана!

Но руки сдавили ее еще крѣпче, какъ желѣзные клещи.

Одной женщиной было бы не справиться съ этимъ чудовищемъ, — но ее выручилъ мужъ. Онъ ударилъ кулакомъ въ бокъ Новаго Человѣка съ такою силою, что тотъ не устоялъ на ногахъ. Отлетѣвъ въ сторону, онъ ударился головою о карнизъ дома и упалъ.

Освободившаяся женщина продолжала путь съ мужемъ, озираясь на лежавшаго и награждая его бранью:

— У, чудище! Испугалъ до смерти!

Этотъ случай очень сократилъ разстояніе между бѣглецомъ и его погоней. Приблизившіеся профессора и сторожъ, общими усиліями помогли ему подняться.

Очнувшись, Новый Человѣкъ издалъ короткій вой и принялся растирать себѣ бокъ.

Ученые съ ласковой настойчивостью убѣждали его вернуться въ клинику.

Но когда боль у того прошла, онъ обнаружилъ намѣреніе продолжать свой путь.

На лицахъ профессоровъ выразилось отчаяніе. Добровольно они не хотѣли выпустить изъ рукъ своей жертвы, которая была въ то же время и ихъ деспотомъ. О, они предъявятъ на него свои права, наконецъ силою возьмутъ его себѣ!

И уцѣпившись за его руки, они рѣшительно преградили ему дорогу.

Но въ немъ опять ясно пробудился звѣрь. Онъ заскрежеталъ зубами и двинулъ плечами.

Его противники рѣшились не уступать въ борьбѣ.

Издавъ яростное рычаніе, ожившій съ такою силою взмахнулъ руками, что преслѣдователи, какъ мухи, разлетѣлись въ разныя стороны. Преодолѣвъ препятствіе, существо пустилось въ дальнѣйшее путешествіе, какъ ни въ чемъ не бывало.

По счастью, сѣдой ученый со сторожемъ отдѣлались однимъ испугомъ: сторожъ упалъ на узелъ мягкой рухляди, который женщина только что сняла съ извозчика; сѣдой профессоръ упалъ на сторожа. Зато лысый ученый чувствительно пострадалъ, стукнувшись головою о фонарный столбъ. Онъ лишился сознанія, а изъ раны на лбу его проступила кровь.

Поднявшись на ноги, сѣдой профессоръ со сторожемъ устремились на помощь къ лысому ученому, привели его въ чувство и наложили изъ платка повязку на голову. Послѣ этого сѣдой усадилъ на извозчика своего colleg'у и отправилъ его домой со сторожемъ, которому велѣлъ немедленно призвать къ раненому знакомаго хирурга.

Самъ же сѣдой ученый, сгорая отъ нетерпѣнія, опять пустился въ погоню за Новымъ Человѣкомъ.

— Убьетъ васъ этотъ оборотень! предупреждающе крикнулъ ему во слѣдъ сторожъ.

Но ученый не могъ оставить на произволъ судьбы дѣтища своего сердца. Старикъ бѣжалъ, словно кѣмъ то подгоняемый. Лицо его покрылось каплями пота. Онъ задыхался и готовъ былъ упасть отъ изнеможенія, когда вдругъ увидѣлъ не вдалекѣ знакомую фигуру безъ шапки. Это придало силы ученому. Онъ видѣлъ, какъ Новый Человѣкъ дошелъ до перекрестка, гдѣ пролегалъ трамвайный путь, и сталъ пересѣкать улицу. Мчавшійся съ боку электрическій вагонъ, сталъ подавать тревожные звонки, въ предупрежденіе страннаго пѣшехода.

Видѣвшій опасность ученый, летѣлъ какъ на крыльяхъ, махая кондуктору рукою и крикомъ стараясь остановить вагонъ. Не обращая на послѣдній вниманія, Новый Человѣкъ передъ самымъ приближеніемъ вагона, вступилъ на рельсовый путь. Кондукторъ въ ту же секунду повернулъ ручку тормоза. Но было уже поздно. Катастрофа совершилась: чугунное чудовище налетѣло на Новаго Человѣка. Раздался оглушительный ревъ и ожившая было плоть перестала существовать. Добѣжавшій до мѣста катастрофы съдой ученый, безъ чувствъ упалъ возлѣ трупа Новаго Человѣка.

VI.

На другой день оба профессора въ урочное время явились въ клиническую лабораторію. Отъ пережитыхъ мукъ и волненій ихъ нельзя было узнать. Взоры ихъ погасли, движенія сдѣлались вялыми, спины согнулись и оба словно постарѣли разомъ на десять лѣтъ.

Они молча и холодно пожали другъ другу руки и опустились въ кресла, тяжело дыша отъ какой то нравственной усталости. Они уставили другъ на друга угрюмые взоры. Брови ихъ были сурово сдвинуты, образовавъ на лбу глубокія морщины. Мрачныя думы шевелились въ умахъ товарищей. Въ нихъ шла своего рода переоцѣнка цѣнностей... Словно происходило какое то глухое броженіе въ самыхъ сокровенныхъ нѣдрахъ души, подготавливавшихъ роковое изверженіе... И оно произошло самымъ неожиданнымъ образомъ. Движимые одной и той же мыслью, профессора вдругъ, какъ отъ электрическаго удара, сорвались со своихъ мѣстъ; словно по уговору они бросились къ столамъ, трясущимися отъ волненія руками вытащили изъ ящичковъ завѣтныя тетради, испещренныя химическими формулами и таинственными вычисленіями и—разорвали ихъ въ клочки...

Совершивъ эту казнь надъ своей мыслью, они, потирая руки съ чувствомъ удовлетворенія, обмѣнялись взглядами, въ которыхъ выразилось сознаніе исполненнаго долга.

Анна Догановичъ.

* * *

Я люблю въ концѣ аллеи
Старыхъ ивъ тѣнистый рядъ.
Надъ обрывомъ, словно змѣи,
Корни сѣрые висятъ;

И высоко надо мною.
Неподвижно листья спятъ:
Утомленные отъ зною
Шевельнуться не хотятъ.

А подъ осень здѣсь часами
Я гляжу, какъ съ высоты,
Словно бабочки кругами
Вьются желтые листы.

И развѣсистыя ивы
Надъ обрывомъ мнѣ милѣй—
Средь лужайки горделивыхъ—
Неподвижныхъ тополей.

Борисъ Каховскій.

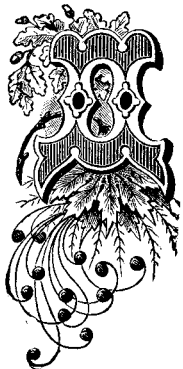

ПЕРЕЖИТОЕ.

(ЖИТЕЙСКІЯ И ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ).

Часть вторая.

VII*).

енги, полученныя отъ Столпянскаго таяли. Изъ конторы „Дѣтскаго Чтенія“ пришлось получить „пустячки“, какъ выражался пріятель, который ходилъ за полученіемъ по моей запискѣ (я прихворнулъ). Впереди ничего не предвидѣлось. Наброски для „Дѣтскаго Чтенія“ представляли изъ себя только черныя,—скорѣе даже лишь намѣченныя программы очерковъ. Пробовалъ написать что нибудь для „Школьной Жизни“—выходило вяло и блѣдно. Послѣ нервнаго подъема—наступила временная реакція: упадокъ энергіи. Я хандрилъ и „дегутанилъ“ по выраженію Вѣры Дмитриевны.

Поборовъ себя, я написалъ статью для газеты „Русскій Міръ“,—но эту статью постигла неудача. Принять-то ее приняли, но она затерялась въ типографіи. Просили возобновить. Но возобновить я не могъ. Это уже моя черта: повторять не могу. Такъ у меня однажды погибъ очеркъ. Я далъ его прочесть знакомому литератору, а тотъ оставилъ свертокъ въ бібліотекѣ. Черныя у меня не осталось—а написать вновь я не могъ. Не могъ приняться за повтореніе: я уже охладѣлъ къ сюжету настолько, что онъ сталъ чуждымъ. Я пишу при извѣстномъ подъемѣ, идея захватываетъ меня, но разъ я написалъ—все кончено. Обдѣлывать, передѣлывать, дополнять, вынашивать я могу... Но если я рассказалъ сюжетъ подробно, до мелочей—я уже не примусь писать. Если написанное потеряно—вновь писать не могу. Но прерванную работу—могу продолжать, возвра-

*) См. „Дневникъ Писателя“, 1909, мартъ, стр. 38.

щаясь къ ней снова и снова. Но и тутъ я долженъ выждать тогоже настроенія, въ какомъ ее началъ. А *это* уже отъ меня не зависитъ. Приведу фактъ.

Я писалъ романъ „Веселыя похороны“, помѣщенный въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (въ 1902 г.). Романъ задуманъ еще въ 1893 году, въ Одессѣ, и первоначально я предполагалъ написать очеркъ. Но потомъ программа расширилась, задача усложнилась—и очеркъ выросъ въ романъ. Набросавъ схему—я забросилъ работу и приступилъ къ ней только въ январѣ 1901 года. Я весь отдался роману и писалъ его съ увлеченіемъ. Работа шла быстро и легко. Оставалось написать только послѣднюю главу, когда болѣзнь близкаго человѣка оторвала меня отъ работы. Цѣлый мѣсяць я не имѣлъ возможности написать главы. Когда потомъ, успокоенный—я принялся за окончаніе, у меня ничего не выходило. Словно я разучился писать. Все что писалось—было не въ тонъ ко всему роману—и я рвалъ. Я бросилъ работу и уѣхалъ на лѣто къ роднымъ. И неожиданно кончилъ романъ лѣтомъ въ Любани. Выйдя какъ то на балконъ, я сталъ просматривать написанныя главы—и вдругъ меня потянуло къ работѣ. Я почувствовалъ тоже настроеніе, съ какимъ писалъ романъ ранѣе. Я сѣлъ и въ какой нибудь часъ—написалъ заключительную главу. Въ тотъ же вечеръ романъ былъ сданъ редактору „Ист. Вѣстника“, Сергѣю Николаевичу Шубинскому, который всегда проводитъ лѣто въ Любани, гдѣ у него свой домикъ—прелестный какъ игрушечка, устроенный любовно съ полнымъ комфортомъ.

Возвращаюсь къ прерванному разсказу.

Очерки не писались. Но зато въ одинъ день я написалъ два стихотворенія. Я прочелъ ихъ товарищу и Вѣрѣ Дмитріевнѣ. Обоимъ стихи понравились.

— Куда же отдашь? спросилъ товарищъ. — Ужели въ „Листокъ“?

— Конечно, не туда.

— Неси въ „Ниву“.

— Попробуйте въ „Сынъ Отечества“, сказала Вѣра Дмитріевна.—Это болѣе скромно, но вѣрнѣе, что возмутъ.

Я послушался ее и послалъ стихи по почтѣ Успенскому, которому тогда принадлежалъ „Сынъ Отечества“.

Я не помню, какъ звали этого Успенскаго, который не былъ въ родствѣ съ извѣстными писателями Успенскими (Николаемъ и Глѣбомъ), какъ не былъ въ самомъ отдаленномъ родствѣ съ литературою. Онъ былъ сначала пѣвчимъ, а потомъ сдѣлался издателемъ газеты. Онъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ журнальныхъ хозяевъ, для которыхъ журнальное дѣло только коммерческое предпріятіе безъ всякой идеальной окраски и высшей цѣли. Для издателей этого типа все равно: издавать ли газету или содержать трактиръ и игорный домъ. Чтò выгоднѣе, то и лучше. Литературный богатъ Успенскаго, хозяина „Сына Отечества“, былъ настолько малъ, что онъ печаталъ стихи Ни-

житина, которые выдавалъ за свои одинъ „поэтъ“. Въ оправданіе Успенскій говорилъ:

— Развѣ можно знать всего Никитина!

— Но это стихотвореніе: „И вечерней и ранней порою:“ всѣмъ извѣстно. Во всякой хрестоматіи найдете никитинскаго „Нищаго“.

— А я не читаю хрестоматій!

Посылая стихи, я приложилъ для отвѣта марки, и просилъ увѣдомить меня о „рѣшеніи“. Прошло больше недѣли — отвѣта не было. Я отправился въ редакцію.

Въ полутемной комнатѣ сидѣлъ какой-то господинъ, смахивавшій по наружности и костюму на уличнаго „аблаката“.

— Вамъ что надо? грубо спросилъ онъ меня.

— Могу я видѣть господина Успенскаго?

— Зачѣмъ?

— Какъ редактора...

— Зачѣмъ, спрашиваю васъ?

— Я послалъ стихи на прошлой недѣлѣ.

— Тутъ такая масса всякаго хлама посылается, что и въ мѣсяцъ не разберешься.

— Позвольте узнать: съ кѣмъ я говорю? спросилъ я, волнуясь.

— Секретарь, а то конторщикъ... зовите какъ хотите — все едино.

— Ваша компетентность для меня болѣе чѣмъ сомнительна.

— Да вамъ что же угодно?

— Видѣть редактора, кажется, ясно говорю!

— Нельзя его видѣть.

— Почему? Его нѣтъ дома?

— Дома или нѣтъ, все равно нельзя. Мало тутъ васъ всякихъ шляется... всѣхъ и принимай!

— Вы забываетесь! съ гнѣвомъ воскликнулъ я. — Вы невѣжа!

Я сильно повысилъ голосъ. Въ этотъ мигъ дверь изъ сосѣдней комнаты отворилась и въ контору выглянулъ, какъ оказалось, самъ Успенскій.

— Что тутъ такое? спросилъ онъ, обращаясь къ конторщику.

— Васъ вотъ спрашиваетъ...

— Что вамъ угодно?

— Стихи прислалъ...

— Ваша фамилія?

Я сказалъ

— Не помню... Да все равно... не взялъ бы.

— Почему?

— Много стиховъ безъ того. Я печатаю только извѣстныхъ поэтовъ.

— Никитина... и Пушкина? рѣзко спросилъ я.

— Прошу безъ... дерзостей!

Онъ съ шумомъ захлопнулъ дверь.

— Ну, вотъ и увидѣли редактора... довольны?

— Любопытно повидать редактора, который не знает стихотвореній извѣстныхъ каждому гимназисту!

Я засмѣялся и вышелъ. Въ моей душѣ кипѣла буря... „Какой-то пѣвчій, быть можетъ, пишущій ши черезъ „ять“, и такое отношеніе! И въ то же время Достоевскій!.. Да, тоже рѣзкій, но сколько же любви, вниманія, заботы!

Къ досадѣ примѣшивалась жгучая обида.

Я отправился въ черкесовскую бібліотеку, гдѣ въ уютномъ кабинетѣ, при газовомъ освѣщеніи, любилъ отдыхать, уносясь мечтами далеко отъ будничныхъ тревогъ и горькихъ думъ. Иногда я просиживалъ въ кабинетѣ по нѣскольку часовъ...

Одно изъ стихотвореній, посланныхъ мною въ „С. Отеч.“— въ послѣдствіи я отдѣлалъ и напечаталъ въ „Нивѣ“. Вотъ оно:

Счастливъ тотъ, кто даръ природный
Свѣтомъ знанья укрѣпилъ,
И для пользы всенародной
Честно, доблестно служилъ.
Счастливъ тотъ, кто правды знамя
Въ жизни несъ какъ гражданинъ;
Кто сберегъ святое пламя
Свѣтлой вѣры до сѣдинъ;
Счастливъ тотъ, кто, умирая,
Смѣло можетъ повторить,
Что онъ въ лѣтописяхъ края,
Для потомства будетъ жить!
Но и тотъ извѣдалъ счастье,
Для кого любовь была
Яркимъ свѣточемъ въ ненастье
И источникомъ тепла.

VII.

Скоро намъ пришлось переѣхать „на новую квартиру“, потому что Вѣрѣ Дмитріевнѣ съ Песковъ было далеко ходить въ красильню, гдѣ она помогала теткѣ—какъ конторщица. Мы наняли комнату съ удобной нишей, загороженной ширмами. Въ первый же вечеръ, на новосельи, мой пріятель предложилъ мнѣ произвести „необходимый опытъ“—испытать чувство пьянаго человѣка. Сначала я рѣшительно отказался. Но онъ промолвилъ:

— Какъ же ты будешь описывать чувства такого человѣка? Напримѣръ, въ разсказѣ?.. надо же *знать это*... Пойдемъ, выпьемъ... Ты будешь знать, что чувствуетъ человѣкъ—напившись, а я—буду слѣдить, какъ ты станешь выражаться и что дѣлать.

— Достоевскій говорилъ...

— Но вѣдь не можетъ быть, что бы онъ никогда не пилъ?.. Навѣрное, случалось...

— Но я не пью... я опьянѣю сразу.

— Что-жъ такое? Разъ-то... для психологіи надо...

Онъ принялся горячо убѣждать, и я поддался. Мы отпра-

вились въ трактиръ, который находился въ этомъ же домѣ. Мы потребовали бутылку вина... и быстро ее выпили... Потомъ—мы выпили по рюмкѣ коньяку... И... я дальше ничего не помню. Не помню какъ я очутился дома... Я проснулся ночью съ ужасной головной болью. Въ груди жгло и ныло... Я кинулся въ кухню и освѣжилъ голову холодной водой изъ подъ крана... Такъ и заснулъ съ мокрыми волосами. На другой день—я заболѣлъ и пролежалъ около недѣли. „Вотъ и психологическій опытъ!“. Пріятель сконфуженно оправдывался:

— Мы переборщили... не такъ слѣдовало... надо, братъ...

— Ну, нѣтъ, больше ни за что! промолвилъ я.

Пришелъ Трапезниковъ и, узнавъ о нашемъ опытѣ, прінялся смѣяться...

— Вотъ выдумали! Для опыта... Такъ если все испытывать, то надо писателю и жену избить, дабы вѣрно описать ощущение, и мало ли еще что... комики вы, земляки—телятники! *) А вотъ что, земляче, добавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—надо тебѣ какое-нибудь мѣсто найти... а то жить трудно...

— Какое же мѣсто?

— Погоди, я имѣю въ виду одну комбинацію. Пока умолчу... не спрашивай. Если выгорить—сообщу.

Два слова о Трапезниковѣ.

Сынъ вологодскаго портного—онъ, благодаря своимъ недюжиннымъ способностямъ и энергіи скоро выбился въ люди. Я засталъ его уже завѣдующимъ книжнымъ магазиномъ Черкесова. Строго говоря, de jure управляющимъ былъ Евдокимовъ, но de facto—Трапезниковъ, знавшій превосходно книжное дѣло. Высокій, коренастый, жгучій брюнетъ съ черными смѣлыми глазами, онъ мало походилъ на сѣверянина. По Петербургу ходилъ даже анекдотъ, что одна дама, пріѣхавшая изъ провинціи, и побывавшая въ магазинѣ Черкесова, говорила потомъ:

— Да, это магазинъ черкесовъ, управляющій очень красивый черкесь... и по русски объясняется прекрасно... словно русскій, но какой взглядъ... я все время боялась, разговаривая...

— Чего же боялись?

— Сама не знаю... Все-таки черкесь; а вдругъ... вскочить и... выхватить кинжалъ!

— Да развѣ онъ съ кинжаломъ?

— Кажется!..

Трапезниковъ находился въ близкихъ отношеніяхъ со многими писателями и любилъ оказывать имъ услуги. Передъ Достоевскимъ онъ благоговѣлъ, но и чувствовалъ большое тяготѣніе къ „Отеч. Запискамъ“. Онъ издалъ нѣсколько книгъ, причемъ одну изъ нихъ—„Шагъ за шагомъ“ Оммулевскаго цензура не пропустила и книгу уничтожили. Это „чувствительно ударило меня по карману“—признавался Трапезниковъ. А Минаевъ шутилъ говорилъ:

— И наука тебѣ... не издавай зловерднаго!.. Будь пачинкой!

* Телятниками зовутъ вологжанъ.

Трапезниковъ познакомилъ меня съ Николаемъ Успенскимъ и съ нѣсколькими сотрудниками изъ „Петерб. Газеты“.

Случилось такъ.

Изъ черкесовской библіотеки я зашелъ какъ-то въ магазинъ, который находился въ томъ же домѣ, гдѣ помѣщалась и библіотека. До закрытія магазина оставалось всего нѣсколько минутъ.

— Хочешь познакомиться съ Николаемъ Успенскимъ? спросилъ меня Трапезниковъ.

-- Не прочь. Я люблю его народные рассказы...

— Талантливый парень!.. Но... горькій пьяница!..

— Гдѣ же онъ живетъ?

— Ну, этого я не знаю. Ты думаешь, я тебя къ нему поведу? нѣтъ!.. Я и самъ у него не бываю... А пойдемъ... тутъ

есть погребокъ—портерная... Тамъ онъ и разная литературная братія изъ богемы засѣдаетъ каждый вечеръ до... до тѣхъ поръ, пока не упьются!

Эти слова охладили и разочаровали меня. Но все-таки мнѣ хотѣлось повидать автора тѣхъ рассказовъ, которые привели въ восторгъ Чернышевскаго.

Мы отправились въ погребокъ.

Полутемный грязный низокъ. Воздухъ пропитанъ табачнымъ дымомъ и запахомъ пива и снѣди. Шумъ...крикъ... У стола—группа пьющихъ и о чемъ-то разсуждающихъ людей. Среди нихъ—Н. Успенскій. Всѣ съ

Н. В. Успенскій.

шумной радостью привѣтствовали Трапезникова.

— А вотъ я вамъ привелъ... новичка... новобранца!.. сказалъ онъ, указывая на меня.

— Какъ новобранца?

— Новобранецъ... литературной арміи!.. Мой землякъ!

— А... телятникъ!.. Милости просимъ!.. за славой пріѣхали?..

Кто-то продекламировалъ:

Хотѣлъ онъ въ храмъ славы попасть,

А радъ, что попалъ и въ больницу!

— Чуръ, не смущать моего земляка! остановилъ Трапезниковъ.

Успенскій,—который какъ-то смутно теперь представляется мнѣ,—произнесъ уже заплетающимся языкомъ:

— Садись и пей!.. Дайте ему пива!

— Ну, мы немножко опоздали... Никола уже взвинченъ! сказалъ Трапезниковъ.

— Молчи, книжникъ и фарисей! У Николы... сердце болитъ!

— И печень! добавилъ кто-то.

Подали пива мнѣ и Трапезникову.

Я отказался.

— Пей! Тебя посвящаетъ... самъ Николай Успенскій.

— Пиво не водка... кружку выпить можно... даже полезно! сказалъ Трапезниковъ:—

Мы чокнулись... Я отхлебнулъ пива. Горькое, пѣнистое— оно мнѣ понравилось.

— За новаго члена нашего кружка! провозгласилъ Успенскій.

— Ну, врядъ ли... онъ будетъ въ нашемъ кружкѣ! засмѣясь, сказалъ Трапезниковъ...

— Это аллегорія, книжникъ!

Мы просидѣли около получаса... Успенскій пьянѣлъ все болѣе и болѣе. Онъ вспомнилъ Чернышевскаго... хотѣлъ что то рассказать, потомъ залпомъ выпилъ кружку пива и заплакалъ... Становилось тяжело.

— Не пора ли идти? шепнулъ я земляку.

— Пойдемъ! Я думалъ, что еще застанемъ... не въ такихъ градусахъ... Допивай!

Я допилъ кружку и мы поднялись съ мѣста.

— Приходи опять! сказалъ Успенскій, цѣлуясь со мной.— Не обвиняй... меня... я погибъ... но... талантъ не погибъ въ Николаѣ Успенскомъ!.. Кто виноватъ? Кто?

Онъ махнулъ рукой.

Мы вышли

Былъ чудный вечеръ... Трапезниковъ проводилъ меня до дому, но не зашелъ къ намъ. Прощаясь, онъ сказалъ:

— Жаль Николу!.. Погибнетъ совсѣмъ!..

И онъ погибъ... Я не встрѣчался съ нимъ болѣе, но рассказы о его несчастной жизни достигали до меня. Ему приходилось ютиться въ углахъ, собирать милостыню, добывать деньги въ роли рассказчика, которому публика бросала копейки. Онъ одѣввалъ мальчикомъ свою дочь и заставлялъ ее плясать подъ звуки гармоники. Публика—въ вагонахъ или въ тавернахъ— давала дѣвочкѣ деньги, кормила ее и ея отца.

Эти грустные факты занесены на страницы лѣтописи русской литературы

Когда я узналъ въ 1889 году, что Н. Успенскій зарѣзался гдѣ-то у забора, въ глухомъ переулкѣ Москвы, сердце мое сжалось отъ боли, и живо припомнилась далекая сцена въ тавернѣ. И я невольно повторилъ вопросъ:

— Кто виноватъ?

А. Кругловъ.

С. М. Власьевъ.

У далекаго рубежа.

I.

а самомъ краю Стараго Свѣта, у восточной оконечности азиатскаго материка, вдоль Берингова, Охотскаго и отчасти Японскаго морей сошлись лицомъ къ лицу на морскомъ рубежѣ Россія и Японія.

Россія представлена здѣсь Приморской областью, которая тянется узкой прибрежной полосой по склонамъ горъ отъ Берингова пролива на крайнемъ сѣверѣ до залива Посѣта на югѣ у корейской границы. Японія подошла къ этому рубежу и всей своей метрополіей, островной въ полномъ своемъ составѣ и главнымъ образомъ—узкою цѣпью Курильскихъ острововъ, протянувшихся отъ Японіи до нашей Камчатки. Кромѣ того, послѣ войны мы уступили Японіи южную половину Сахалина и съ 1905 года на этомъ островѣ протянулся ровно по 50 параллели сѣверной широты также русско-японскій рубежъ.

Но въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ невозможно установить сферы вліянія такъ точно, какъ это устанавливается чисто-географически. За цѣлость своихъ географическихъ границъ намъ пока бороться не приходится; но въ отношеніи преобладанія политическаго и экономическаго, пожалуй даже—этнографическаго и культурнаго, борьба идетъ серьезная и рѣшительная.

Эта борьба за культурно-этнографическое и политико-экономическое преобладаніе, борьба глухая и упорная, не видна въ своемъ прогрессивномъ ходѣ, но ощутительна по своимъ серьезнымъ политическимъ результатамъ.

Не силу оружія, не героизмъ боевого патріотизма противопоставляютъ здѣсь противники одинъ другому, но свою культурную жизненность, свою энергію въ области экономическаго творчества и промышленной жизнеспособности. Здѣсь, въ этой безкровной борьбѣ одолеваетъ то государство, которое выше стоитъ на ступеняхъ культурнаго развитія, народъ котораго энергичнѣе и жизнеспособнѣе при глубокомъ чувствѣ того истиннаго патріотизма, который основывается на національномъ самосознаніи и развитой государственности. Въ этой борьбѣ рѣ-

пнаются не скоропреходящее политическое преобладаніе одного народа надъ другимъ, достигаемое силою оружія, но историческія судьбы племенъ и народовъ, ихъ будущность и будущность государствъ.

Тутъ у волнъ мірораздѣльнаго океана, сошлись лицомъ къ лицу бѣлая и желтая расы: Россія—издревле стоявшая передовымъ стражемъ Европы и европейской культуры, оплотомъ отъ нашествій монголовъ и Золотой Орды, и Японія—еще такъ недавно варварская страна Восходящаго Солнца, но быстро усвоившая себѣ всю внѣшнюю европейскую культуру, восполненную глубокимъ патріотизмомъ

Военный губернаторъ Приморской области,
Василій Георгіевичъ Флугъ.

и уже успѣвшая показать себя и свою энергію рѣшительнымъ боевымъ натискомъ на Россію.

Этотъ ударъ и его послѣдствія уже отошли въ область исторіи и теперь Японія вызываетъ насъ на новый экзамень,—на безкровное соперничество въ совершенно иной области, гдѣ нѣтъ ни пушекъ ни броненосцевъ, но гдѣ рѣшаются грядущія судьбы міровой исторіи.

Не отъ насъ зависѣло въ свое время принять или не принять смѣлый вызовъ Японіи на боевой поединокъ. Японія незамѣтно, но дѣятельно приготвилась къ войнѣ и неожиданно ударила на насъ въ то время, когда мы утѣшали себя мыслью, что „они не дерзнутъ“. Точно также и теперь не отъ насъ зависитъ принять или отвергнуть вызовъ Японіи на культурно-экономическое состязаніе.

Столкнувшись въ своей исторической миссиі съ Японіей и, стоя теперь передъ этой новоявленной носительницей культуры лицомъ къ лицу на ру-

бежѣ Старога и Новаго Свѣта, мы не можемъ уклониться отъ соперничества съ сею въ отношеніи укрѣпленія и развитія въ этомъ краю своего политическаго и культурнаго вліянія. Здѣсь мы, какъ и въ военномъ соперничествѣ не имѣемъ возможности ссылаться на то, что мы заняты государственнымъ строительствомъ въ центральной части Россіи. Мы должны выбирать одно изъ двухъ: развивать этотъ край, приобщая его къ нашему культурному и промышленно-экономическому прогрессу, усиливая и укрѣпляя наше вліяніе здѣсь, или этотъ край уйдетъ отъ насъ и сдѣлается колоніей Японіи, которая завоеуетъ его мирнымъ путемъ, безъ пролитія капли крови и безъ грома пушекъ.

Мы уже испытали боевую силу Японіи. Теперь настало время узнать культурную силу Японіи, чтобы снова не плакаться, оказавшись совершенно неподготовленными къ состязанію, которое предстоитъ намъ послѣ того, какъ мы уже дали Японіи возможность укрѣпиться и усиливаться у насъ и выступить серьезной соперницей нашей въ отношеніи культурнаго и экономическаго вліянія у далекаго рубежа, гдѣ кончается Старый Свѣтъ и начинается Новый.

II.

Опытъ минувшей войны убѣдительно показалъ намъ, что Японія представляетъ собою страну, полную здоровыхъ силъ и энергій, съ правильно развитою государственностью, съ глубокимъ чувствомъ національнаго самосознанія и вытекающаго отсюда патріотизма и государственной сплоченности. Рѣдкая страна въ мірѣ отличается столь правильнымъ и здоровымъ пониманіемъ ближайшихъ государственныхъ задачъ при полной готовности всѣхъ гражданъ принести и все свое достояніе и самую жизнь на выполненіе этихъ задачъ. Въ каждой странѣ всѣ граждане, за исключеніемъ ничтожныхъ по своей численности отщепенцевъ, желаютъ искренно и глубоко, блага своей родинѣ; но въ рѣдкой странѣ это благо понимается такъ солидарно всѣми гражданами и такъ ясно и просто. Именно такимъ счастливымъ исключеніемъ является Японія: ближайшія задачи государства для всѣхъ японцевъ ясны и просты, и при ихъ природной энергій, подвижности и патріотизмѣ, на достиженіе этихъ задачъ тотчасъ-же направляются всѣ силы, весь умъ и вся жизнедѣятельность народа.

Вѣстѣ съ тѣмъ, обладая предусмотрительностію и упорствомъ, японцы детально разрабатываютъ планъ и неуклонно проводятъ этотъ планъ въ его мельчайшихъ частяхъ съ настойчивостію, неотступностію и умѣренной осторожностію. Отчаянные въ натискѣ и неудержимые въ напорѣ, японцы никогда не бросаются на авось и необдуманно, но не иначе, какъ строго разсчитавъ, хорошо подготовившись и соединивъ упорство и силу натиска съ осторожною плановитностію.

Такъ было въ манчжурскую кампанію, такъ ведется и теперь въ отношеніи культурно-экономическаго соперничества, имѣющаго конечною цѣлю мирное завоеваніе того, на захватъ чего оружіемъ не хватило ни силъ, ни средствъ.

Всѣмъ японцамъ совершенно ясно, что поставить дѣло насажденія и развитія японской культуры и политическаго и экономическаго вліянія на берегахъ Берингова и Охотскаго морей является прямой и ближайшей задачей ихъ государственности.

Открыто колонизировать Приамурье и его острова японскими поселенцами разумѣется, невозможно при настоящемъ положеніи, но тѣмъ не менѣе Японія все-же энергично выступаетъ въ борьбѣ за культурно-экономическую гегемонію въ этомъ краѣ.

На первомъ планѣ стоитъ широкое и дѣятельное развитіе судоходства, ибо въ этомъ именно лежитъ ключъ къ господству на моряхъ. Въ этомъ отношеніи Японія уже успѣла создать и развить нѣсколько большихъ пароходныхъ кампаній и безчисленное множество рыболовныхъ шхунъ и всевозможныхъ промысловыхъ судовъ.

Для всѣхъ этихъ пловучихъ японскихъ опорныхъ точекъ нужна, разумѣется, сплоченность, организованность и удобная база для дирижированія и объединенія разрозненныхъ дѣйствій, для планомѣрнаго веденія общаго дѣла, не говоря уже о необходимости опорной морской базы для флотилии, несущей на себѣ отвѣтственную культурно-экономическую миссію выдающагося государственнаго значенія.

Такою базой для японской промышленной флотилии Берингова, Охотскаго и Японскаго морей является гавань Хокодате, расположенная въ юго-восточной части самаго сѣвернаго изъ японскихъ острововъ—Иезо. Есть основаніе предполагать, что эта опорная база японскаго порубежнаго культуртрегерства и расширения и укрѣпленія японскаго господства на порубежныхъ моряхъ, неразрывно связана съ базирующей на ней флотиліей безпроводнымъ телеграфомъ, охватывающимъ нашу Камчатку, группу Курильскихъ острововъ, Сахалинъ и примыкающія моря съ Татарскимъ и Лаперузовымъ проливами.

Этотъ телеграфъ объединяетъ пловучую Японію въ одно цѣлое и сосредоточиваетъ въ Хокодате всю силу и всю энергію этой самой пловучей Японіи въ порубежныхъ сѣверныхъ водахъ.

Хокодате одинъ изъ самыхъ старыхъ японскихъ городовъ и торговыхъ портовъ, установившихся исторически съ населеніемъ искони привыкшимъ къ мореходству и морской торговлѣ. Городъ построенъ на скатѣ хокодатской горы и занимаетъ площадь свыше $3\frac{1}{2}$ тысячъ квадратныхъ саженъ, что для японскаго города является громаднмъ пространствомъ, такъ какъ въ Японіи вообще нѣтъ большихъ на европейскую мѣрку городовъ. Населеніе Хокодате превышаетъ 100 тысячъ человекъ и весьма характерно, что при такой населенности, да еще въ крупномъ торговомъ порту, всего на всего насчитывается по оффиціальному подсчету только 144 иностранца. Но и въ этомъ числѣ 144 человекъ включены 76 китайцевъ—родственный японцамъ желтолицый народъ и притомъ въ положеніи полной безправности. Всего же дѣйствительныхъ иностранцевъ въ Хокодате насчитывается, не болѣе (по тѣмъ же оффиціальнымъ даннымъ) только 43 человекъ, въ такомъ составѣ: англичанъ—14 мужчинъ и 8 женщинъ, американцевъ—5 мужчинъ и 12 женщинъ и французовъ—4 мужчинъ. Иначе говоря, въ большомъ торговомъ приморскомъ центрѣ (огромнаго торгово-промышленнаго района) на 100 тысячное населеніе приходится 43 иностранца и при томъ почти ни одного русскаго, а вѣдь мы—сосѣди, и во Владивостокѣ, нашей порубежной базѣ, соответствующей по своему значенію японскому Хокодате, проживаетъ не одна тысяча японцевъ.

Портъ и пристань Хокодате прекрасно оборудованы всѣми новѣйшими техническими приспособленіями для стоянки судовъ и ихъ нарузки и вырузки; между прочимъ, имѣются морской докъ для судовъ до 10.000 тоннъ и сухой—для судовъ до 1.400 тоннъ. Любопытно отмѣтить, что грузы разрѣшается выгружать на десяти улицахъ: Синхама, Нисихама, Сайвай, Накахама, Кобуна, Хигасихама, Фунаба, Тоскава, Масаго и Вакамацу, а грузъ иностранный разрѣшается выгружать исключительно только на самой пристани, на пространствѣ всего на всего 30 саженей. Ясно, что при такомъ положеніи дѣла, какая бы то ни была иностранная торговля убита въ самомъ своемъ зародышѣ физической невозможностью выгружать привозимый товаръ. Таможенное управленіе Хокодате

имѣтъ два пакгауза, но оба они въ общей суммѣ имѣютъ 240 квадратныхъ сажени; недавно открытъ еще дополнительный складъ для нуждъ таможенного вѣдомства пространствомъ въ... 5 квадратныхъ сажени, т. е, маленькая кладовушка для маленькаго хозяйства по нашимъ понятіямъ. Ясно что по части импорта въ Японію не разгуляешься и, открывая хокодатскую гавань для иностранной торговли, японцы сумѣли такъ поставить дѣло, что и помимо высокихъ таможенныхъ пошлинъ торговый балансъ всегда обезпечиваетъ прочно и неизменно національные экономическіе интересы.

Внутренняя торговая жизнь Хокодате развита довольно энергично, хотя и весьма недавно: въ городѣ имѣется 11 торгово-промышленныхъ большихъ акціонерныхъ компаній и къ услугамъ ихъ—8 коммерческихъ банковъ. Эта пропорція кажется странной на европейскій взглядъ, но дѣло въ томъ, что въ Японіи банки не имѣютъ чисто-финансоваго и фондоваго значенія, но сами по себѣ занимаются торговыми товарными операціями, такъ что даже Національный Японскій банкъ имѣетъ въ Хокодате свои собственные товарные склады.

Насколько Хокодате является центромъ японскаго торговаго мореходства, видно хотя бы изъ того, что отсюда организованы правильные грузовые и пассажирскіе пароходные рейсы свыше 20 направленій, включая сообщенія со всеми портами Японскихъ острововъ, а также и съ нѣкоторыми портами Сахалина, Китая, Сѣверной и Южной Америки.

Все это въ высшей степени наглядно показываетъ, какъ энергично и широко умѣютъ японцы поставить и развить свое экономическое вліяніе и вмѣстѣ съ тѣмъ ловко и радикально устранить всякое иностранное вліяніе тамъ, гдѣ базируется ихъ національная коммерческая дѣятельность.

III.

Такова главнѣйшая база японцевъ у нашего далекаго рубежа—городъ Хокодате.

Но помимо этой главной базы у японцевъ имѣется еще и авангардъ въ видѣ селенія на островѣ Шимшу во второмъ Курильскомъ проливѣ. Это довольно большой рыбацкій поселокъ съ населеніемъ, занимающимся исключительно морскими промыслами и главнымъ образомъ—рыболовствомъ. Тутъ есть и склады, и довольно удобная гавань и станція безпроводнаго телеграфа и всѣ необходимые для морскихъ промысловъ припасы.

Всецѣло опираясь на Хокодате, какъ на главную базу, Шимшу дѣйствительно является авангардомъ японскаго натиска на экономическую и промышленную будущность всего Охотско-Камчатскаго края. Вмѣстѣ съ тѣмъ Шимшу служитъ опорнымъ пунктомъ для всѣхъ японскихъ предпріятій въ порубежныхъ моряхъ, а главное—и для всѣхъ японскихъ хищниковъ, промышленяющихъ и въ моряхъ, и на Камчаткѣ. А эти хищники, помимо прямого вреда, приносятъ еще и косвенный, имѣющій для насъ, однако, первостепенное государственное значеніе: они пріучаютъ населеніе смотрѣть на Японію, какъ на силу, большую, чѣмъ Россія, такъ какъ населенію постоянно приходится ввоочію убѣждаться, что русскія власти съ этими хищниками ничего не могутъ подѣлать.

Что же мы, русскіе, противопоставляемъ этому дружному и планомѣрному натиску японцевъ у нашего далекаго рубежа?

Какъ и слѣдовало ожидать, мы не только не даемъ нашимъ желтолицымъ сосѣдямъ активнаго отпора, но и пассивно-то сопротивляемся очень слабо.

Всего разительнѣе и нагляднѣе ничтожество нашего сопротивленія можно

видѣть хотя бы на рыбномъ промыслѣ, который въ этомъ краѣ является важнѣйшимъ, ибо рыба составляетъ болѣе чѣмъ $\frac{2}{3}$ части прокормленія по количеству съѣдаемаго. Рыбой кормятся собаки исключительно, а безъ собакъ жизнь на сѣверѣ почти не мыслима и, наконецъ, въ обмѣнъ за рыбу населеніе получаетъ разные продукты и вещи, начиная съ муки и кончая гвоздемъ, и отъ—кого—странно сказать, отъ японскихъ хищниковъ.

Помимо той рыбы, которую добываетъ населеніе на прокормленіе, весь рыбный уловъ легальнымъ или нелегальнымъ образомъ попадаетъ къ иностранцамъ, въ особенности къ японцамъ. Кромѣ того, благодаря нашей беспомощности, громадное количество рыбы остается втунѣ. А между тѣмъ рыбное дѣло настолько важно въ этомъ краю, что оно затмѣваетъ всѣ остальные, взятые вмѣстѣ, и отъ цѣлесообразной постановки этого дѣла зависитъ буквально вся будущность сѣверныхъ уѣздовъ Приморской области.

Лѣтъ 20 тому назадъ, въ Охотскомъ и Беринговомъ морѣ, кромѣ китобойства, не было никакого рыбнаго промысла на вывозъ за границу. Но въ теченіе этихъ 20 лѣтъ, народонаселеніе въ Японіи съ 35 милліоновъ увеличилось до 50 милліоновъ душъ. Пропорціонально съ увеличеніемъ населенія стали ощущаться въ Японіи недостатокъ въ рыбѣ и чѣмъ больше этотъ недостатокъ ощущался, тѣмъ болѣе и тѣмъ чаще стали японскіе промышленники отлучаться изъ своихъ водъ и посѣщать наши воды, богатая рыбой.

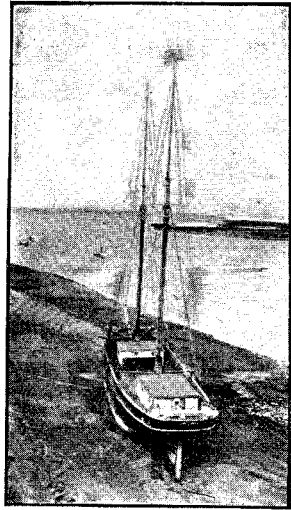
Но чѣмъ болѣе стало являться японскихъ промышленниковъ, тѣмъ болѣе стали озабочиваться наши власти объ урегулированіи рыбнаго дѣла. Наконецъ было учреждено въ Приамурскомъ генераль-губернаторствѣ управленіе государственными имуществами, къ которому и перешло вѣдѣніе о рыбныхъ промыслахъ всецѣло.

Съ тѣхъ поръ было издано нѣсколько правилъ и нѣсколько разъ измѣнялись взгляды и постановленія о рыбной ловлѣ на Камчатско-Охотскомъ побережьи, такъ что послѣдующіе отмѣняли предшествующіе. Конечно, этого не могло бы быть, если бы предшествующіе не были найдены на практикѣ нецѣлесообразными и на основаніи этого невольно является вопросъ, цѣлесообразны-ли теперешнія условія рыбной ловли.

Но увы,—цѣлесообразности тутъ совершенно нѣтъ.

Прежде всего требуется отъ предпринимателя-рыбопромышленника, что бы судно было подъ русскимъ флагомъ и что бы люди на шхунахъ, исключая трехъ, были русскіе. Что касается перваго, нужно сказать, что каждая шхуна стоитъ отъ 7 до 10 тысячъ рублей и больше, а условія выдаваемые управленіемъ государственныхъ имуществъ такія, что никогда ни одинъ русскій капиталистъ, или просто денежный человѣкъ, не вложитъ ни одной копейки въ это дѣло.

Говорятъ, что всѣхъ японскихъ шхунъ, рыбопромышленяющихъ по нашему побережью болѣе 300, а людей отправляющихся на нихъ въ наши предѣлы—отъ 6000 до 8000 человѣкъ. Цифры эти, по всей вѣроятности, приблизительно вѣрны и ихъ подтверждаетъ русскій консулъ въ Хокодаге.

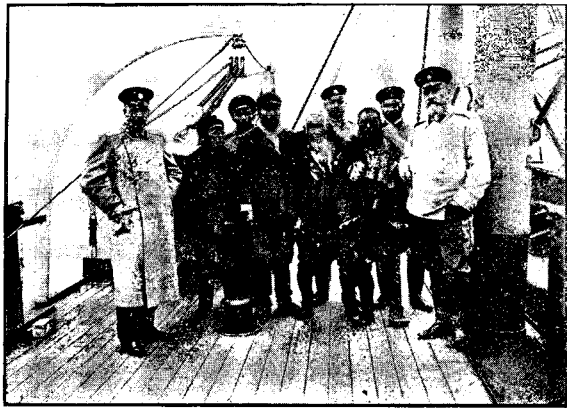

Японская шхуна.

Гдѣ возьмемъ мы 300 шхунъ, стоящихъ около 3. 000 000 рублей, что бы водрузить на нихъ рускій флагъ?

Но положивши, даже, что государство или богатый частный человекъ и дастъ эту сумму денегъ, гдѣ возьмемъ мы отъ 6 до 8 000 человекъ русскаго экипажа на нихъ?

Чтобы рельефно освѣтить, какъ это невозможно, нужно имѣть въ виду, что по всей Приморской области, если не считать Никольскъ-Уссурийскаго и Удскаго уѣздовъ и г. Владивостока, едва ли найдется такое количество взрослога и способнаго къ работѣ мужскаго населенія. Говорятъ: „привеземъ изъ Россіи“. Но для каждаго, кто немного знакомъ съ развитіемъ русскаго каботажна на Черномъ и Азовскомъ морѣ, ясно какъ божій день, что это только слова. Какъ трудно „привести“ изъ Россіи, служить тому доказательствомъ переселенческое дѣло въ Уссурийскомъ краѣ.

На борту судна.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что ни шхунъ подъ русскимъ флагомъ, ни необходимый на нихъ русскій экипажъ мы не можемъ имѣть, по крайней мѣрѣ теперь и въ ближайшіе будущіе годы. Но это пока вовсе и не нужно, а нужно получить отъ японцевъ тѣ деньги, которыя они получаютъ отъ насъ сейчасъ даромъ.

А сколько они получаютъ, можно видѣть изъ того, что любой японскій предприниматель, имѣя всего нѣсколько сотъ рублей въ карманѣ, и заработавши въ теченіе 5-ти мѣсяцевъ 3.500 рублей, сумму сравнительно огромную, беретъ у насъ совершенно даромъ 14.000 рублей на каждой шхунѣ, а если вычестъ тѣ 700 рублей, которые съ нихъ берутъ русскіе Джакомни и другіе, обходя законъ, то и чѣтыхъ 15.000 рублей.

По слухамъ, въ Охотскомъ и Камчатскомъ морѣ, работаетъ теперь до 200 шхунъ, но если и уменьшить эту цифру на половину, то останется всетаки 100 шхунъ, на которыхъ увезутъ японцы въ этомъ году совершенно даромъ, не сказавши даже за это спасибо, 1.500.000. рублей.

А между тѣмъ отъ безденежья гложетъ и гибнетъ нашъ Приморскій край.

Прошло 200 лѣтъ съ присоединенія Сѣвернаго края къ Россіи. За это

время не выстроено ни одного зданія, заслуживающаго этого названія. На огромномъ пространствѣ отъ Амура до Чукотскаго полуострова нѣтъ ни одной больницы, ни одного моста, ни одного телеграфнаго столба, ни одной версты устроенной грунтовой дороги, не говоря о шоссейной или желѣзной.

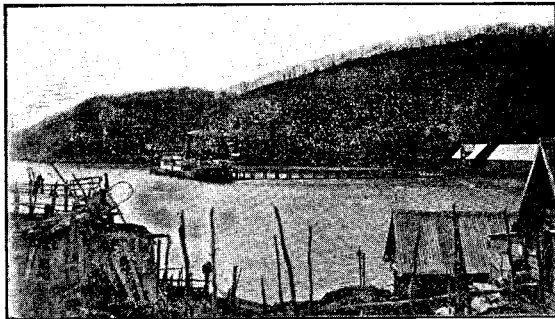
Но всѣ эти недочеты происходили и происходятъ вслѣдствіе неимѣнія денегъ, а между тѣмъ мы ежегодно отдаемъ даромъ японцамъ золотора милліона рублей.

Японцамъ наша рыба нужна и безъ нея они обходиться не могутъ, какъ сказано, вслѣдствіе увеличенія народонаселенія, а также оскуднѣнія ихъ водъ рыбой. Отъ Амура до Чукотскаго полуострова сотни рѣкъ и рѣчекъ, и если бы мы, распредѣливши мѣста, гдѣ сколько шхунъ можетъ ловить рыбу, и организовавши дѣло, пожелали ловить въ теченіе года столько рыбы, что бы нагрюзить 100, или даже 200 шхунъ, то лова ея даже и въ въ самыхъ рѣчкахъ и рѣкахъ, нашей рыбы хватило бы до скончанія вѣковъ. И мы бы зарабатывали на этомъ дѣлѣ отъ полутора до трехъ милліоновъ ежегодно. Но пусть даже половина, пусть бы и $\frac{1}{4}$ часть этой суммы была употреблена на нужды Сѣвернаго края, и онъ скоро сдѣлался бы неузнаваемъ!

А такой результатъ далъ-бы намъ ясный перевѣсъ въ роковомъ спорѣ народовъ у нашего далекаго рубежа.

Но мы преступно равнодушны къ этому важному государственному дѣлу и не оказываемъ даже пассивнаго сопротивленія японскому натиску на нашъ обширный порубежный край.

С. Власевъ.

Пристань въ Петропавловскомъ портѣ.

Д. И. Введенскій.

ПРОБУЖДАЮТСЯ...

Стрѣлокъ весной малиновку убилъ.
Ужъ пусть бы кончилось на ней несчастье злое;
Но нѣтъ, за ней еще должны погибнуть трое:
Онъ бѣдныхъ трехъ ея птенцовъ осиротилъ...

То бурливо всколыхнется, то тихо задремлетъ Русь...

Но по временамъ чувствуется, что это тихое забвеніе есть только отдыхъ предъ тяжелымъ подвигомъ, предъ новою сложною работою по устроению общественнаго порядка.

И всякій разъ, какъ вторгается въ сознаніе тревожный вопросъ, когда же, наконецъ, общественная жизнь войдетъ въ нормальное русло, то слышится въ душѣ отвѣтъ, что это будетъ лишь тогда, когда животворящая общественный организмъ нравственность станетъ управлять общимъ теченіемъ жизни. А это, въ свою очередь, мыслимо только при улучшеніи нравовъ, при надлежащемъ воспитаніи тѣхъ, кто долженъ смѣнить насъ, кто долженъ будетъ трудиться послѣ насъ.

Такъ, вопросы социальныя тѣсно сливаются съ вопросами воспитанія.

А, между тѣмъ, что мы видимъ? Какъ мало стремится педагогика къ удовлетворительному рѣшенію вопросовъ религіозно-нравственнаго воспитанія!.. Какъ мало и самая жизнь даетъ добрыхъ уроковъ, которые могли бы назидать юность!..

Не трудно было, видно, всколыхнуть жизнь... Но не легко ее, однако, успокоить...

Мы знаемъ, что въ общественную нравственную непогоду гибли сначала лишь единичныя личности, не закалившія себя въ борьбѣ съ житейскими невзгодами, не воспитавшія въ себѣ нравственнаго мужества. Но въ силу того, что примѣры всегда заразительны, за однимъ гибли десятки, сотни. Сгибнетъ одна — одна только душа, а около нея и по ея примѣру гибнуть и гибнуть новыя юныя души. Такъ соблазнительнъ нравственный распадъ! Такъ гибельна зараза

нравственная! Какъ сильный скрытый ядъ, она всегда опаснѣ недуговъ плоти и всегда носить опустошительно-эпидемическій характеръ.

И никому, какъ будто, нѣтъ дѣла до этой гибели взрослыхъ и дѣтей!

Къ тому же въ гуманизмѣ умѣютъ и поскорѣть, къ случаю, за счастье дѣтей:

Какъ можно не страдать,
Малютокъ этихъ видя,
И сердце чье о нихъ не заболить?..

Слышится иногда здѣсь не всегда искренній, голосъ состраданія.

Но, вѣдь, это у Крылова лисица птицамъ говорить... И тотъ же Крыловъ даетъ предостерегающій совѣтъ:

Читатель, не дивись!
Кто добръ по истинѣ, не распложая слова,
Въ молчаньи тотъ добро творить,
А кто про доброту лишь въ уши всѣмъ жужжить,
Тотъ часто только добръ на счетъ другого —
Затѣмъ, что въ этомъ нѣтъ убытка никакого...

И видѣ, кажется, нѣтъ такого обилія обманчивыхъ рѣчей, сколько мы ихъ находимъ въ современной педагогикѣ... Здѣсь слышно много вздоховъ надъ дѣтьми, но такъ немного видно пользы въ нихъ... Во всѣхъ подобныхъ вздохахъ какъ будто слышно только одно проницательное пожеланіе спокойной ночи, что бы въ минуту усыпленія можно было спокойно „кушать“ души дѣтей...

— И о чемъ только не вздыхаетъ педагогика?!

О всемъ, какъ будто бы, беспокоится она, до всего ей дѣло. Одно лишь ей только дорого особенно, что бы душа дѣтей все болѣе и болѣе склонялась долу, что бы запросы духа были не выше запросовъ тѣла.

И плоть съ ея безудержными требованіями совсѣмъ взяла въ неволю душу дѣтей.

Малютки тернять голодъ
И холодъ,

И пискомъ жалобнымъ напрасно зовутъ взрослыхъ къ своей душѣ...

Но въ то время, какъ засыпаетъ въ насъ любовь къ малюткамъ, на западѣ—на томъ самомъ западѣ, который для насъ всегда служилъ указкой, замѣтно пробужденіе отъ тяжелаго нравственнаго усыпленія.

Конечно, тамъ, гдѣ утрачивается подъ ногами путь, долгое время возвращаются къ утерянной дорогѣ неровными путями. Свообразно и пробужденіе запада отъ усыпленія духовнаго.

Для насъ знаменателенъ самый фактъ этого пробужденія. А мы видимъ, какъ силятся здѣсь, хотя бы и судорожно сжимающимися руками, удержать вырванный насильно символъ спасенія—Крестъ Господень, какъ снова ищутъ здѣсь, Христа, какъ снова ищутъ душу у людей, какъ снова хотятъ возратить чрезъ вѣру въ Господа покой истерзанной душѣ своей...

Вотъ понятная, по крайней мѣрѣ, и всѣмъ намъ скорбь объ утраченной вѣрѣ:

„Я чувствую себя глубоко несчастнымъ. Не разъ въ беспокойномъ снѣ мнѣ видится, что я борюсь съ бѣдной сумашедшей, которая хочетъ покончить съ собой. Я силюсь вырвать изъ ея рукъ ножъ и просыпаюсь, испуганный, въ холодномъ поту. Съ тоской вспоминаю я свой сонъ—кошмаръ; и нахожу, что моя бѣдная, дорогая Франція, съ ея безумными сынами похожа на сившуюся мнѣ

безумную, желавшую покончить съ собой. Опасность велика, но ее можно предотвратить. Сколько честныхъ людей готовы подняться на защиту своей родины. Я счастливъ примкнуть къ нимъ и отдать на это весь остатокъ своихъ силъ. Каждый день я молюсь за свою дорогую родину, и вѣрю, что скоро великая нація воспрянетъ духомъ и что само Провидѣніе придетъ на помощь. Но сколько придется пережить еще тяжелыхъ минутъ! Кто знаетъ, доживу ли я, чтобы только увидѣть, хотя зорю лучшей жизни? Я прошу вѣрить, что лично я глубоко страдаю, но не хочу говорить о тяжелыхъ думахъ, напротивъ, я хочу рассказать о тѣхъ минутахъ счастья, которыя я пережилъ въ эти тяжелые годы. Я долго принадлежалъ къ числу сомнѣвающихся, и не такъ давно совершилось мое обращеніе къ религіи... Съ тѣхъ поръ я глубоко признателенъ матери моей, давшей мнѣ первоначальное воспитаніе христіанина. Благодаря этому, я понялъ всю благодѣтельную вѣру, которая облагораживаетъ и украшаетъ послѣдніе годы моей жизни. Я былъ еще невѣрующимъ, когда ко мнѣ подкралась старость. Для человѣка безъ вѣры, она темна и грустна. Невѣрующей идетъ, къ могилѣ, съ низко опущенной головой, съ уныніемъ глядя, какъ кругомъ него осыпаются поблекшіе листья. Но для вѣрующаго смерть не страшна. Когда приходитъ осень его жизни, онъ еще выше поднимаетъ свою голову и сквозь обнаженные вѣтви ему яснее видно небо. Вѣра кидаетъ меня въ битву для спасенія родины и я радъ послѣ жизни поэта кончить ее вѣрнымъ гражданиномъ. Глубоко ошибаются невѣрующіе, думая, что религія уменьшаетъ энергію; воскресшая вѣра разбудила во мнѣ патріота. Религія, сколько бы ея враги на нее не нападали, не запрещаетъ любить родину. Для меня кусочекъ земли, на которомъ я родился, видъ старой колокольни родного городка смѣшиваются въ моемъ воображеніи. Я нахожу, что религія увеличиваетъ нравственную силу и способствуетъ къ жертвамъ. Заинтересованный политической бурей, я имѣлъ солидную опору—религію. Цѣлуя крестъ, я походилъ на моряка, который крѣпко держится за мачту своего разбитаго корабля. Если понадобится, я способенъ отречься отъ всего: отъ дружбы, отъ общественныхъ связей, отъ любви къ уединенію, отъ самой жизни. До сихъ поръ я не зналъ въ себѣ этой силы. Среди новыхъ тревоженій, что я переживаю, мои лучшія минуты—это минуты благочестія. Я захожу въ церковь по окончаніи литургіи, потому что предпочитаю для молитвы полную тишину. Церковь еще пропитана запахомъ ладона. Я становлюсь на колѣни, закрываю лицо руками и силюсь забыть свое жалкое тѣло, столько грѣшившее, полное гордости и эгоизма.

Я не ищу себѣ оправданій въ тѣхъ обидахъ, что нанесли мнѣ мои противники. По Твоей заповѣди, милосердный Богъ, я имъ простилъ заранѣе, и даже не ставлю себѣ это въ заслугу, такъ какъ мое обращеніе къ Богу сдѣлало меня нечувствительнымъ къ оскорбленіямъ, нанесеннымъ лично мнѣ... (Богъ знаетъ, что вся путаница моихъ мыслей происходитъ отъ сыновней любви къ Франціи). Но я не могу видѣть хладнокровно какъ терзаютъ мою бѣдную Францію. За нею-то я теперь и молюсь! Господи! спаси ее въ этотъ часъ, когда несчастье освѣщаетъ ея небеса! Раздается звонокъ. Священникъ приступаетъ ко второй половинѣ служенія. Я прерываю молитву, не хочу ни о чемъ теперь думать, кромѣ Распятаго, который далъ мнѣ благодать окончить жизнь христіаниномъ и патріотомъ, совмѣстить эти два чувства въ моемъ сердцѣ и видѣть небо "... *).

Развѣ это не голосъ, не вопль когда то апатичнаго къ своей душѣ и родинѣ мыслителя-поэта? Развѣ это не пробужденіе отъ усиленія духовнаго?..

*) Франсуа Коппэ.

А вотъ и еще мечта о мирѣ, о сладостномъ переживаніи того, чего нельзя найти въ обычной суетѣ мирской *).

„Въ одинъ чудный тихій лѣтній вечеръ онъ—рѣчь идетъ объ учителѣ—сидѣлъ въ бесѣдкѣ на одинокой скамьѣ. Уже темно. По рѣкѣ на лодкахъ катается веселая компанія. Слышится гвѣние, смѣхъ и веселый говоръ. Воздухъ полонъ сладкаго аромата. Становится все темнѣе и таинственнѣе. Постепенно все стихаетъ, фонари одинъ за другимъ тушатся, гвѣние прекращается, говоръ и смѣхъ смолкають, водворяется полная тишина. Теперь все еще болѣе таинственно, красиво, торжественно. Сидитъ онъ, погружившись въ созерцаніе прекрасной ночи, смотреть, прислушивается, и вѣетъ на него отъ всего этого настроеніемъ чудной сказки лѣтней ночи.

Вдругъ онъ слышитъ шаги на дорожкѣ. Медленно и тихо кто-то приближается, входитъ въ бесѣдку и садится напротивъ на скамейку. Онъ видитъ предъ собою незнакомаго старика. Оба нѣкоторое время молчатъ. Вдругъ заговорили. О чудномъ вечерѣ. О тайнахъ прекрасной ночи. О звѣздахъ и о тоскѣ по нимъ и по невѣдомой родиѣ людей. О Богѣ. Говорили долго, тихо, сердечно. И хотѣлось говорить, была сильная потребность говорить, говорить безъ конца...

„Богъ—это совершенство—сказалъ старикъ просто.—И все, что стремится къ совершенству, стремится къ Богу. Оно божественно. Оно часть Бога. Оно стремится къ тому, чтобы слиться съ Богомъ... Быть на пути къ Богу—это самое высокое въ жизни. На пути къ Тому, Кто есть завершеніе всего, исполненіе всего, высшая цѣль развитія и жизни... Нѣтъ ничего выше и прекраснѣе, чѣмъ сознательное стремленіе къ Нему, къ утвержденію Божественнаго начала, живущаго въ насъ. Богъ—это совершенство и исполненіе. Это сознаніе есть высшее счастье.“

Онъ глядѣлъ на своего собесѣдника спокойными, ясными глазами, и его голосъ звучалъ увѣренно и радостно. Когда старикъ всталъ и уходилъ, то собесѣдникъ его долго смотрѣлъ ему вслѣдъ. Какъ спокойна, какъ увѣрена была походка стараго незнакомца! Какъ отъ всей его фигуры вѣяло спокойною мудростью и радостью жизни! Какъ при каждомъ словѣ его чувствовалось, что все, о чемъ онъ говорилъ, пережито, передумано, проверено на жизни! И какъ затруднительно было то настроеніе, которымъ онъ былъ проникнутъ!

Съ радостнымъ чувствомъ сердечной благодарности сидѣвшій въ бесѣдкѣ учитель смотрѣлъ вслѣдъ медленно уходившему старику. Имъ овладѣло вдругъ чувство безумной жизнерадостности.

Стремиться къ Богу! къ исполненію! къ завершенію! къ совершенству!

Да, онъ пойдетъ, пойдетъ этой дорогой къ Богу, пойдетъ бодрый, радостный, полный вѣры и надежды!

Ему представляется школа, работа, обязанности, тяжелый трудъ и задачи учителя. Но какъ мало все это его страшитъ! Какъ ничтожны ему кажутся всѣ трудности, какъ легокъ путь, какъ заманчива цѣль! Какое это будетъ счастье—идти впередъ вмѣстѣ, рука объ руку, съ дорогими его сердцу дѣтьми, идти путемъ, ведущимъ къ Богу!

Какъ онъ будетъ наблюдать и вникать во все, что происходитъ въ душѣ дѣтей! Какъ онъ будетъ стараться находить всякій малѣйшій признакъ божественной силы въ нихъ и будетъ беречь и растить любящими руками, какъ нѣжный цвѣтокъ!

Любить онъ ихъ будетъ еще сильнѣе, и никогда, никогда они отъ него не услышатъ дурного слова, не увидятъ его недовольнымъ, апатичнымъ, усталымъ, раздраженнымъ!

*) См. Вѣст. Восп. 1908 г. Объ учит.-художникѣ А. Даугѣ.

Предстоящее совмѣстное путешествіе къ Богу ему представляется какъ сплошной свѣтлый праздникъ. Не достиженіе цѣли, а самый путь, это паломничество для него самое прекрасное. „Нашъ путь—это и есть наша цѣль. Вѣчно глядя на далекую цѣль, мы не видимъ, гдѣ идемъ. И не живемъ тѣмъ, что намъ даетъ этотъ путь. Еще и еще разъ: не цѣль, но путь! Не окончаніе пути, а вѣчное движеніе, вѣчное шествіе по немъ!“

„Святая тишина! Святая звѣздная ночь! Ниспошли на меня силу и бодрость и неисчерпаемую радость къ свѣтлому путешествію!“

Въ такіе часы тихихъ размышленій у него рождаются самыя лучшія мысли. Имъ онъ обязанъ приливомъ новой энергіи и охоты къ дальнѣйшей работѣ, яснымъ сознаніемъ и пониманіемъ новыхъ задачъ.

Не тамъ, гдѣ говорятъ громкія слова, не тогда, когда происходятъ эффектные заявленія и демонстраціи, а именно въ такіе тихіе, самыя тихіе часы—тогда зарождается самое лучшее и цѣнное. И оно никогда не умретъ, не пропадетъ, не забудется; оно принесетъ богатые плоды и пробудитъ новые ростки жизни и культуры; дѣйствіе его, хотя и тихое, незамѣтное на первый взглядъ, все-же никогда не прекратится.

Сознаніе того, что скромная работа учителя, если ее исполнять въ духѣ идеальной и чистой правды и любви, можетъ быть такой именно работой, порождающей вѣчную цѣнность, его наполняетъ великою радостью. Думая о школѣ, о своемъ классѣ, о дѣтяхъ, онъ теперь не понимаетъ, какъ это онъ могъ когда-то скучать, негодовать, брезгать, временами даже ненавидѣть все это, этотъ источникъ счастья и радости жизни! то, что въ немъ породило самое лучшее и сильное! что его научило сильнѣе ощущать жизнь, крѣпче любить ее и глубже понимать ея смыслъ и значеніе.

Вотъ они, его дѣти, какъ живыя, стоятъ передъ нимъ. Онъ видитъ передъ собой всѣ ихъ лица, и онъ улыбается имъ и шлетъ имъ привѣтъ: „Спасибо, вамъ, дорогія: это не только я васъ училъ, но и вы меня учили, своего учителя. Вы ставили вопросы, хотѣли отвѣтовъ, ждали отъ меня удовлетворенія вашихъ запросовъ, вы требовали, а я долженъ былъ вамъ дать. И, поэтому, я долженъ былъ приобрѣтать, обогащаться и углубляться. А въ этой работѣ я самъ росъ и сталъ жить лучше и богаче, и вся жизнь мнѣ показалась въ новомъ красивомъ освѣщеніи, и жить стало веселѣе.“

И вотъ, веселый и счастливый я приду къ вамъ снова и дамъ вамъ все, что знаю, что имѣю, дамъ самого себя, потому что я васъ люблю“... Правда, это какой-то только неясный, смутный бредъ, какое-то неопредѣленное смутное исканіе чего-то выше человѣческаго, чего-то примиряющаго... Здѣсь Богъ—не личный Богъ, а только Совершенство... Но важно, что западъ заговорилъ о совершенствѣ, оглядываясь на свою несовершенную жизнь... Важно, что онъ начинаетъ мечтать о сердечной настроенности учителя, о какой-то внутренней работѣ, о воспитаніи души... Важно это не въ томъ смыслѣ, чтобы съ этого начался какой-либо переворотъ въ духовной жизни западныхъ христіанъ, а въ томъ, что здѣсь съ неотразимостью дается психологическое обосновааніе необходимости жить не только плотью, но и духомъ...

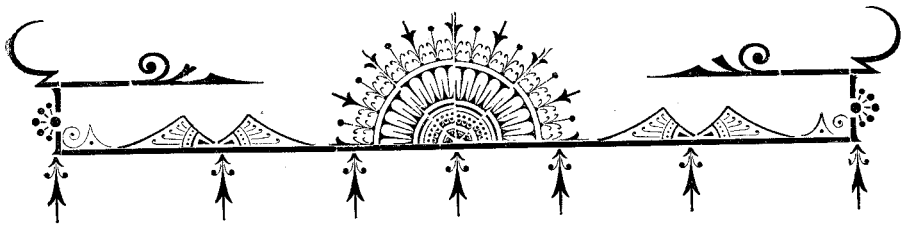
И эта мечта такъ искренна, что забывъ примѣры духовной жизни родныхъ сыновъ родной земли—ихъ благодатное богонахожденіе, мы переносимъ къ себѣ съ любовью хотя бы чуждыя намъ переживанія!..

Такъ настоятельна потребность въ нихъ!

А если дѣйствительно намъ дороги чистыя радости души, то пока еще Христосъ не далекъ отъ насъ, проснемся и пойдемъ за Нимъ...

Вѣдь пробуждаются уже другіе...

Димитрій Введенскій.

Библейскія женщины.

VII.

Авигея.

Библия сохранила намъ образъ Авигеи, чтобы показать, какая мощь кроется въ существѣ хотя и слабомъ, но одаренномъ умомъ въ связи съ кроткимъ и нѣжнымъ сердцемъ. Природный умъ, это такое сокровище, которое не приобрѣтешь никакимъ обученіемъ, не купишь никакой цѣною. Это истинный даръ небесъ. И счастливые люди имъ обладающіе, на какихъ бы ступеняхъ развитія или общественнаго положенія они ни находились. Проявленіе его въ поступкахъ и дѣйствіяхъ людей всегда отмѣчено печатью такой разумности и цѣлесообразности, что невольно вызываетъ къ себѣ не только удивленіе, но даже приводитъ всѣхъ въ восхищеніе. Такова именно и цѣнность исторической личности Авигеи, жены богача Навала изъ горъ Маона. Маонъ, Фаранъ и Кармилъ были маленькіе сосѣдніе городки, давшіе свои названія обширнымъ равнинамъ, гдѣ они были расположены и ближайшимъ къ нимъ горнымъ возвышенностямъ. Находились эти городки во владѣніяхъ Иудина колѣна, невдалекѣ отъ Мертваго моря. Скаты горъ и равнины, покрытые густою и сочною травою, представляли собою тучныя пастбища, на которыхъ пасся скотъ окрестныхъ жителей. И самое богатство обитателей, главнымъ образомъ, измѣрялось тогда количествомъ головъ домашнихъ животныхъ. Мясомъ и молокомъ послѣднихъ люди питались, шерсть шла на одежду, а плоды и овощи въ сыромъ и сухомъ видѣ, служили дополненіемъ къ ихъ незатѣйливымъ кушаньямъ.

Богатство Навала заключалось въ скотѣ, хлѣбныхъ поляхъ и виноградникахъ.

Въ данномъ случаѣ супружество соединило двухъ совершенно различныхъ, не похожихъ одинъ на другого людей.

Всѣ высокія добрыя качества какъ физическія, такъ и нравственныя, которыми щедро была надѣлена Авигея,—совершенно отсутствовали въ ея мужѣ, самое имя его въ переводѣ значило безумный. На приложенномъ рисункѣ данъ типичный обликъ Авигеи. Она изображена слѣшно собирающей обильные дары Давиду: плоскіе небольшіе хлѣбы, какіе пекли тогда на востокѣ, вино и разные другіе съѣстные припасы. Стоитъ взглянуть на выразительное и прекрасное лицо Авигеи съ живыми умными глазами, чтобы тотчасъ же понять всю силу обаянія этой женщины на всѣхъ окружающихъ. Правда, у нея нѣсколько низко лобъ, ея мысль не стремится въ высоту, зато она превосходно видитъ и понимаетъ жизнь и въ совершенствѣ обладаетъ практически приспособленіемъ къ ней. Мягкость же чертъ лица и разлитая въ немъ ласка свидѣтельствуютъ объ утонченной женственности и чуткости нѣжнаго сердца.

Такова Авигея была и въ дѣйствительности.

Изъ этого видно, что природа во всемъ ищетъ равновѣсія и недостающія качества одного человѣка стремится пополнить соответственными чертами другого, отчего и можно натолкнуться на разительныя противоположности при супружескихъ подборахъ.

Здѣсь мы видимъ это съ особенной ясностью: на сколько была умна, добра, кротка и скромна Авигея, на столько же Наваль былъ глупъ, золь, надменъ и дерзокъ, что и обнаружилъ при своемъ столкновеніи съ Давидомъ—будущимъ царемъ израильскимъ и великимъ псалмопѣвцемъ.

Когда пророкъ Самуиль посвятилъ Давида на царство, то отъ гнѣва Саулова онъ былъ принужденъ въ бѣгствѣ искать себѣ спасенія. Сауль преслѣдовалъ его потому, что ревновалъ къ любви народной. Между прочимъ Давидъ, съ вѣрными себѣ 600 воиновъ, поселился на горѣ Кармилъ, вблизи Маона. Несмотря на столь значительную свою численность, они не обижали никого изъ сосѣдей, желая расположить ихъ въ свою пользу. Пастухи наваловы по близости пасли стада, и воины Давида охраняли ихъ по ночамъ отъ нападеній разбойниковъ и четвероногихъ хищниковъ. Естественно, что пастухи дружили съ ними и чрезъ нихъ же знали какъ всю исторію Давида, такъ и его намѣренія, о чемъ, несомнѣнно, передавали своимъ хозяевамъ. Вообще, съ полной вѣроятностью, можно предположить, что сосѣди все знали другъ про друга.

Принимая во вниманіе дурной характеръ Навала, Давидъ и не обращался ни зачѣмъ къ нему въ обыкновенное время.

Но вотъ началась стрижка овецъ. Прежде всѣ такія хозяйственныя событія сопровождались празднествами. Люди рады были нарушить свои трудовые будни и придирались ко всякому удобному случаю, чтобы повеселиться. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Тщеславный Наваль сдѣлалъ для праздника обильныя заготовки и пригласилъ на пиршество друзей и знакомыхъ. Давидъ узналъ объ этомъ и, рассчитывая, что жестокое сердце богача въ такую пору естественно должно смягчиться,

Авиґея.

послалъ къ Навалу десять отроковъ, чтобы привѣтствовать его. Тѣ исполнили порученіе своего господина и, для большей внушительности, напомнили Навалу о своихъ заслугахъ передъ нимъ:

— За все время у твоихъ пастуховъ ничего не пропало, — сказали они: — потому что мы охраняли ихъ днемъ и ночью, тогда какъ силой мы могли бы лишить тебя всего... И вотъ мы явились къ тебѣ въ твой добрый день и просимъ: дай намъ чего только не жаль тебѣ, потому что мы терпимъ нужду даже въ хлѣбѣ.

Напоминаніе о заслугахъ разсердило гордаго богача. Къ тому же онъ не вѣрилъ въ въцареніе Давида. Вскочивъ съ мѣста, онъ высококомѣрно отвѣтилъ посламъ:

— Кто такой Давидъ и отецъ его — Иссей? Много развелось нынче всякихъ рабовъ, бѣгающихъ отъ своихъ господъ!.. Неужели я долженъ отнять у своихъ друзей и рабочихъ, приготовленную для нихъ пищу, и все отдать людямъ, которые неизвѣстно откуда и зачѣмъ явились здѣсь.

Обиженные послы ушли и въ точности передали Давиду рѣзкія слова Навала. Давидъ разсердился въ свою очередь и рѣшилъ отомстить Навалу, истребивъ его домъ и предавъ огню все имущество.

Одинъ изъ слугъ Навала, освѣдомленный о мести Давида, извѣстилъ Авигею о надвигавшейся на нихъ смертельной опасности, прибавивъ въ заключеніе:

— Вотъ я сказалъ тебѣ все, думай и поступай сама, какъ знаешь. Господину же своему я не скажу ничего, потому что онъ человѣкъ злой.

Словно ударъ грома разразился надъ головою бѣдной женщины, которую охватилъ ужасъ. Дому ея грозила скорая и совершенная гибель, а мужъ ея въ это время безвѣчно шировалъ и бражничалъ съ пріятелями, не подозрѣвая, какая участь готовилась ему. Сообщать ему объ этомъ было бесполезно, такъ какъ Навалъ находился подъ властію виновныхъ паровъ. Но и медлить оказывалось невозможнымъ. Слѣдовало тотчасъ же принять какое-нибудь рѣшеніе. Авигея все это понимала и напрягала мысль, обдумывая, что ей предпринять. Планъ дѣйствій быстро созрѣлъ въ ея головѣ. Наслышавшись объ умѣ и сердцѣ Давида, Авигея приняла смѣлое рѣшеніе: явиться къ Давиду съ повинной и принести ему щедрые дары. Одно это уже обличало въ Авигеѣ незаурядный умъ и большое знаніе души человѣческой, а прямой и смѣлый образъ дѣйствій указывалъ на благородство ея открытаго характера. Она не остановилась въ выборѣ хотя и очень рискованной, но зато прямой и кратчайшей дороги къ своей цѣли. Любившіе Авигею вѣрные слуги, одобрили ея планъ и со рвеніемъ бросились помогать своей госпожѣ привести его въ исполненіе.

Въ тѣ времена женщины не смѣли проявлять свою самостоятельность и произвольно распоряжаться мужнинымъ имуществомъ. Это происходило лишь въ самыхъ исключительныхъ

случаяхъ, для спасенія жизни и дома, когда іерархическое нарушеніе женщинѣ не ставилось въ вину. На этомъ основаніи и Авигея рѣшилась принять на себя всю отвѣтственность своего самостоятельнаго шага.

Работа закипѣла въ ея домѣ. Отдавъ надлежащія распоряженія, молодая хозяйка сама принялась отсчитывать 200 хлѣбовъ, 5 рѣзанныхъ и совѣмъ приготовленныхъ барановъ, 2 огромныхъ кувшина вина, 5 мѣръ муки, 100 связокъ изюму и 200 связокъ винныхъ ягодъ.

Все это Авигея велѣла уложить и навьючить на ословъ, которыхъ послала со слугами впередъ, а сама, тоже на ослѣ, послѣдовала за своимъ караваномъ.

У подошвы горы Кармилъ они встрѣтились съ Давидомъ, который съ 400 вооруженныхъ воиновъ уже отправился въ походъ.

Приблизившись къ дружинѣ, Авигея сошла съ сѣдла и распростерлась ницъ передъ Давидомъ, выражая ему свою покорность, и смиренно попросила себѣ слова. Получивъ согласіе, она заговорила искреннимъ и горячимъ тономъ, убѣждая Давида не обращать вниманія на рѣзкій отказъ мужа, котораго не даромъ называли безумнымъ. А она-то вѣдь не виновата, потому что даже и не видѣла пословъ Давида.

Она закончила:

— И да сбережетъ тебя Богъ отъ мщенія и пролитія крови, за которую взыщеть Онъ съ тебя, когда поставитъ царемъ израильскимъ.

Завѣтное желаніе Давида, какъ бы подтвержденное устами этой прекрасной женщины, сразу смягчило его сердце. А едва Авигея напомнила объ обязанностяхъ будущаго владыки и его отвѣтственности передъ Богомъ, какъ жажда мести тотчасъ же погасла въ его душѣ, распаленной гнѣвомъ. Давидъ боялся согрѣшить и черезъ то лишиться Божьяго благоволенія. И онъ вернулся къ присущему ему благоразумію.

— Благословенна ты за то, что не допустила меня пролить кровь и совершить мечь, сказалъ онъ Авигеѣ.

И онъ благосклонно принялъ отъ нея всѣ предложенные ему дары.

Давидъ со своей стороны понялъ выдающіяся качества ума и сердца этой незаурядной женщины и по достоинству оцѣнилъ ихъ.

Послѣ этого бесѣда ихъ приняла уже дружественный характеръ. При прощаніи Авигея просила не забыть ее, когда Давидъ сдѣлается царемъ, что онъ и общалъ.

Вернувшись домой, Авигея предпочла ничего не говорить до утра мужу о своемъ путешествіи къ Кармилу. На другой же день, когда Наваль проспался и отрезвился, жена передала ему въ сильныхъ выраженіяхъ объ угрожавшей имъ опасности.

Это такъ потрясло Навала, столь-же трусливаго, сколько и наглаго, что онъ черезъ десять дней умеръ.

Узнавъ объ этомъ, Давидъ отправилъ пословъ къ Авигеѣ— просить ее себѣ въ супружество.

Авигея выразила согласіе и съ пятью служанками своими отправилась въ станъ къ Давиду, гдѣ и сдѣлалась женою послѣдняго. У нея родился сынъ Далуія, о которомъ больше ничего не говорится въ Священномъ Писаніи, такъ какъ онъ умеръ въ отроческомъ возрастѣ.

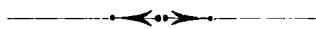
Не мало скорбей выпало на долю Авигеи.

Спасаясь отъ гнѣва Саула, Давидъ бѣжалъ къ филистимлянамъ со всѣмъ семействомъ своимъ и приверженцами, среди которыхъ также было много людей семейныхъ. Они поселились въ городъ Сисилегъ, въ южной части Іудеи. Но однажды, когда Давидъ съ дружиной ушли на войну, къ Сиселегу подошли Амалекитяне, предали городъ разграбленію и огню, а женщинъ и дѣтей взяли въ плѣнъ. Въ числѣ полонянокъ была и Авигея. По счастью, Давидъ находился недалеко. Унавъ о происшедшемъ, онъ бросился въ погоню за врагами и настигъ ихъ въ то время, когда они пировали и веселились, празднуя свою побѣду. Онъ перебилъ ихъ, отнялъ добычу и освободилъ плѣнниковъ.

Въ тотъ же годъ погибъ Саулъ въ несчастной битвѣ съ филистимлянами. Давидъ вернулся въ Хевронъ, гдѣ колѣномъ Іудинымъ онъ былъ провозглашенъ царемъ.

Такъ была вознаграждена судьбою выдающаяся по уму Авигея, которая, по справедливости, можетъ служить добрымъ примѣромъ всѣмъ семьянкамъ въ разумномъ веденіи и поддержаніи домашняго очага.

А. Никитина.

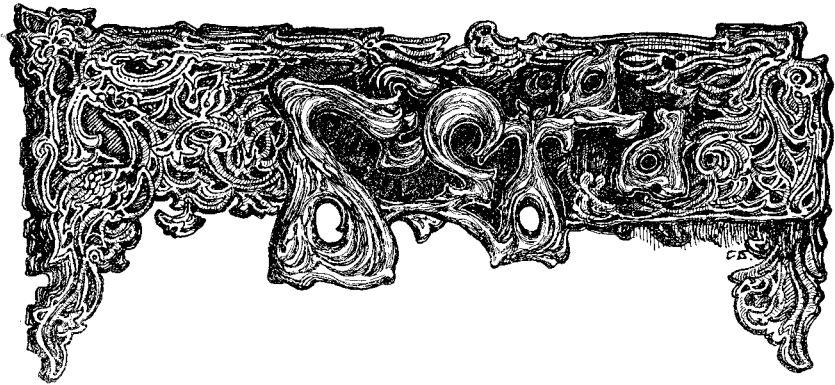

Эпитафія обыкновенному человѣку.

Ты подвигъ не свершилъ и славой не вѣнчался,
 Но долго на землѣ съ спокойнымъ сердцемъ жилъ;
 Ты мнѣніемъ людей ни мало не смущался,
 Работалъ, сколько могъ, молился и любилъ.
 И правъ, усопшій братъ, что жизнью дорожилъ
 И ради спорныхъ благъ безспорныхъ не лишался.

В. Недзвецкій.

1.

Плоть и духъ.

еобъятна наша Родина. По ея раздолью раскинуты маленькія деревенскія церковки—эти маяки немеркнущаго свѣта, на который идутъ труждающіеся и обремененные, жаждущіе Живой воды. Въ этихъ убогихъ храмахъ съ истиннымъ смиреніемъ мытаря и съ любовью жены, омывшей ноги Учителя, молятся тѣ русскіе люди, у которыхъ одно утѣшеніе—храмъ, одна радость—бесѣда съ Богомъ, ибо Онъ одинъ только чутко внимаетъ ихъ скорбной мольбѣ и слышитъ стоны измученнаго сердца. Смиренные и терпѣливые, они какъ дѣти (и какъ дѣти часто непослушливые) приходятъ къ Богу-Отцу и во имя голгоетской жертвы, принесенной Сыномъ, просятъ простить ихъ грѣхи: „Боже, помилуй насъ грѣшныхъ“!

Они молятся, ищутъ исцѣленія отъ скорби. И стоны ихъ несутся со всѣхъ сторонъ земли Русской.

Храмъ воздыханья, храмъ печали,
Убогій храмъ земли твоей;
Тяжелѣ стоновъ не слышали
Ни Римскій Петръ, ни Колизей.
Сюда народъ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносили
И облегченный уходилъ.

Пока *это* приложимо къ деревнѣ (въ ея цѣломъ, исключенія не причемъ), пока ея стонъ не перешелъ въ злобный крикъ, и молитва мытаря не смѣнилась признаніемъ кичливаго фарисея,—еще не погибла народная душа и возможно ея воскресеніе для жизни свѣтлой, христіанской. На Кремлевскій звонъ деревня отзывается своимъ краснымъ звономъ и не будетъ этотъ звонъ только мѣднымъ гуломъ, но сердечнымъ откликомъ всей народной Руси: „Воистину воскресе!“

Тютчевъ сказалъ:

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа—
Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа!
Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная
Въ рабскомъ видѣ Царь небесный
Исходилъ, благословляя.

Что могъ благословлять Онъ, терпѣвшій поруганіе на землѣ?
Смиреніе, кротость или буйство и мятежь?

Простившій мучителей своихъ на крестѣ—что Онъ можетъ
принять отъ людей? Прощеніе обидъ, незаслуженныхъ страданій—
или жажду мести за оскорбленіе и муки?

Отвѣтъ ясенъ.

Нужно имѣть вѣру.

Но вѣра у разбойника, сказавшаго распятому и унижен-
ному Христу: „Помяни меня во царствіи Твоемъ“,—а не у вож-
дей еврейскихъ, говорившихъ: „сними со креста и всѣ увѣрюють
въ Тебя!“

Безъ вѣры нѣтъ—счастливой жизни. Счастье жизни при
вѣрѣ во Христа, какъ Единого Устроителя жизни. Безъ Него
нѣтъ ни свѣта, ни правды, ибо „правда Его правда во вѣки и
слово Его—истина“.

А Онъ сказалъ:

„Поднявшій мечъ отъ меча погибнетъ“.

Значить не въ мечѣ сила жизни и не *имъ* достигается и
добывается счастье. Духъ животворить, плоть не пользуется ни
мало. Въ духѣ вся сила, правдою Божіей строится жизнь.

Мы всѣ заботимся о внѣшнемъ счастьи и забываемъ внут-
реннее. Можно быть сытымъ и не отозваться на гулъ пасхаль-
наго колокола. Можно быть „свободнымъ“—и не знать истинной
свободы. Счастье здороваго сытаго животнаго все таки только
счастье животнаго, которое ничто предъ счастьемъ инока, ле-
жавшаго безъ движенія на одрѣ своемъ и ощущавшаго около
себя Бога. Жизнь безъ духа и искры Божіей—только жизнь
плоти, которая въ сущности мертва. Это очень удачно и ярко
изобразила Догановичъ въ своей фантазмагоріи „Ожившая
плоть“. Не воскресеніе—а оживленіе плоти.

Наука никогда не перешагнетъ той грани, за которой со-
крыта тайна божественнаго творчества... Человѣкъ упорно стре-
мится знать все, внимая соблазнительному обѣщанію: „будете
сами яко боги“. Но человѣческому знанію положенъ предѣлъ—
и попытки перешагнуть его—кончатся пораженіемъ, какъ въ
фантазмагоріи „Ожившая плоть“.

Тоже самое и въ общественной, государственной жизни.
Никакѣ знаніе, никакія политическія формы, права и „свободы“
не воскресятъ человѣчества, тотъ или иной народъ т.-е. не дадутъ
ему *духа*, а лишь внѣшне оживятъ его, и это будетъ лишь.

оживленіемъ плоти. Только правда Божія, только сила благодатнаго ученія Христа, проникновеніе его въ жизнь—воскресить человѣчество, тотъ или иной народъ духовно. Но какое же воскресеніе нужно нашей родинѣ—измученной и лежащей „во гробѣ“? Только воскресеніе въ духѣ Христа, въ духѣ Его ученія. Но возможно ли это воскресеніе, если мы хотимъ своею силою, безъ силы благодатнаго слова Христова ожить и возстать! Мы останемся мертвыми, хотя и будемъ считать себя живыми. Мы явимся только ожившей плотью, но лишенные духа, который все животворить.

Мы мертвы,—но, не сознавая этого, хотимъ оживить и тѣхъ, которые если и дѣти передъ нами по земному знанію, то сердцемъ болѣе живы, чѣмъ мы. И вотъ мы идемъ къ нимъ съ земнымъ знаніемъ, съ земной правдой и стараемся затушить свѣтъ той правды, которая вѣчна. Но что же ждетъ ихъ—если они, познавъ эту правду, лишатся вѣчной истины? Ихъ ждетъ тотъ же душевный холодъ, который знобитъ насъ—на высотахъ земнаго знанія...

Нѣтъ! Воскресимъ же прежде всего съ самихъ себѣ правду Христову и, со свѣтомъ Его ученія, начнемъ устраивать жизнь нашей родины на основахъ Его правды, и яркій животворный факелъ понесемъ во тьму народную.

Еще много добраго таятся въ этой, уже смущенной *деревнѣ*. Глядите: мученики-воины, подвижники, труженики-пахари... Почва удобная для посѣва зерна правды Господней. Нужно и земное знаніе. Но оно *безплодно* безъ правды Христовой. Дадимъ это земное знаніе, но и поведемъ народъ къ правдѣ Господней путемъ, указаннымъ Христомъ. И когда деревня, трезвенно-бодрая, просвѣщенная знаніемъ и укрѣпленная правдой евангельской, оживетъ духовно—тогда настанетъ во истину воскресеніе нашей родины...

II.

Грѣхъ противъ дѣтей.

„Не воспрещайте дѣтямъ приходите ко Мнѣ“—сказалъ Спаситель.

А мы какъ разъ дѣлаемъ иное: ведя дѣтей къ знанію научному, къ научной правдѣ—мы проходимъ мимо правды Христовой, отнимаемъ у дѣтей Христа, скрываемъ Его слово—которое есть истина. Недавно одинъ изъ почтенныхъ пастырей на вопросъ: „какъ заставить дѣтей здоровѣе проводить досуги“? отвѣтилъ: „такъ проводить время самимъ взрослыми.“!

Да, лучше отвѣтитъ нельзя. Развѣ можно чему нибудь *научить* въ области этики, когда мы, взрослые—будемъ нарушать всѣми шагами своей жизни теоретическія наставленія. Молись самъ и ребенокъ научится молиться съ тобою. Учи—примѣромъ. Слова безъ подтвержденія пустой звукъ. Развратный

отецъ—не достигнетъ ничего своей проповѣдью. У лицемѣровъ всегда скверныя дѣти, если только чужіе не сумѣютъ повліять спасительными примѣрами, — но тогда дѣти лицемѣра почувствуютъ къ нему одно презрѣніе. Не мало грѣховъ у современнаго юношества, но это прежде всего наши грѣхи. Мы ведемъ безобразную жизнь, дѣла наши скверны и отдыхи грязны. Мы толкаемъ дѣтей на путь зла, разврата, на путь грѣха во всѣхъ его видахъ. Тутъ безсильно слово... Но даже и оно становится въ послѣднее время орудіемъ развращенія юной души. Не живя по божьему, мы и не говоримъ о Богѣ дѣтямъ, каея въ своей слабости. Мы совсѣмъ забываемъ о небесномъ и живя сытою жизнью животнаго—къ этой же скотской жизни готовимъ и дѣтей. Возьмите дѣтскую литературу, — дѣтскіе журналы. Они чуждаются религіознаго элемента, они говорятъ о лягушкѣ и молчатъ о Богѣ, указываютъ на буйныхъ міра сего и не говорятъ о святыхъ праведникахъ.

Оставлены даже чудные библейскіе рассказы. Они исчезли со страницъ дѣтскихъ журналовъ. Страницы этихъ журналовъ пропитаны политической краской и не согрѣты тепломъ религіозной настроенности. Между тѣмъ, каждый празникъ нашей Церкви можетъ дать поводъ и возможность рассказать дѣтямъ то или иное евангельское, церковно-историческое событіе. Выростая ребенокъ уходитъ въ изученіе наукъ, и чѣмъ дальше тѣмъ болѣе отодвигается на задній планъ то, о чемъ онъ такъ мало слышалъ въ золотую пору своей жизни. Есть вѣдь взрослые, которые не знаютъ жизнеописаніе святого, имя котораго носятъ. Ребенокъ различаетъ игральныя карты и не отличить иконы Преображенія отъ Воскресенія. Съ дѣтства не вкладывается въ душу любви и интереса къ Церкви и религіи. *Духовная* книга чужда, скучна. Мы знакомимъ ребенка съ жизнью изсѣстныхъ полководцевъ, писателей, вообще земною славою прославленныхъ, съ картинами политической жизни и не знакомимъ со свѣточами христіанства, съ событіями церковной исторіи. Виновата семья, виновата школа, обращающа мало вниманія на самое главное, — и виноваты наши дѣтскіе журналы, подробно говорящіе о многомъ, чего дѣтямъ и знать не надо и молчащіе о томъ, о чемъ слѣдуетъ говорить много, горячо и громко... Дѣтство — лучшая пора для добраго посѣва. Посѣянное въ дѣтскую душу *доброю рукою* — не погибаетъ. Могутъ немного повредить искашующія повѣтрія — но совсѣмъ не вывѣтрятъ и бури, если ихъ придется испытать человѣку. Надо озаботиться, чтобы съ дѣтскихъ лѣтъ человѣку было близко все то, что грѣетъ душу, даетъ опору въ жизни. Большое заблужденіе думать, что полезны только біографіи борцовъ въ области знанія и полтики. Несомнѣнно болѣе полезны и благотворны жизнеописанія героевъ духа, тѣхъ праведниковъ, которые являются отобразителями небесной истины на землѣ. Величавые образы ихъ служатъ примѣромъ высокиихъ христіанскихъ добродѣтелей и какъ свѣточичи озаряютъ мракъ будничной жизни. Кругомъ слабые, грѣшныя и лживыя, — и вотъ эти стойкіе, чистые, искрен-

не до мученичества подвижники поднимаютъ духъ и говорятъ своею жизнью: „вѣрите вѣчной правдѣ — мы тому свидѣтели. Если васъ смущаютъ лживые лицемѣры, то глядите и учитесь у насъ. Мы выполнили то, къ чему зовутъ неисполняющіе. Значить, ученіе не ложно; отдѣлите его отъ недостойныхъ проповѣдниковъ, а не отменяйте самое слово истины. Люди христіанскаго подвига служатъ *просвѣщенію* и преступно не замѣчать ихъ. Жизнь такихъ свѣточей должна быть извѣстна дѣтямъ, дабы въ памяти и въ сердцѣ ихъ запечатлѣлись *подвиги и лики*—героевъ духовной красоты...

Но наши дѣтскіе журналы идутъ совсѣмъ инымъ путемъ. Вспомните открытіе мощей св. Серафима Саровскаго. Большая часть дѣтскихъ журналовъ пропустила это событіе и замолчала его. Они не нашли нужнымъ говорить дѣтямъ о благодатномъ старцѣ и ярко нарисовать его дивный образъ. Они испугались „Марьи Алексѣевны“, т. е. того, что будутъ осмѣяны за „мракобѣсничество“... Либералы, стоящіе на запяткахъ „освободительнаго движенія“ — не нашли нужнымъ говорить и объ о. Іоаннѣ Кронштадтскомъ. Они даже ни словомъ не упомянули о его кончинѣ. Они рядятся въ тогу друзей „маленькаго народа“ и не находятъ нужнымъ сказать о томъ истинномъ другѣ дѣтей и школы, котораго сердце билось отцовскою любовью къ „дѣтямъ—цвѣтамъ нашей жизни“ и болѣло скорбью, какой не знаютъ сердца этихъ равнодушныхъ, себялюбивыхъ, лицемѣрныхъ друзей народа!.. А вѣдь если бы они хотя капелъку любили дѣтей—они не могли бы молчать о великомъ народномъ пастырѣ, который такъ беззавѣтно служилъ дѣтямъ, спасая ихъ своею ласкою, цѣля ихъ душу и тѣло... Но этимъ ученикамъ пророковъ безвѣрія, этимъ рабамъ, мнящимъ себя свободными—неизвѣстна совсѣмъ жизнь великаго священника: ни его законоучительски-пастырская дѣятельность, ни его безкорыстная служба утѣшителя среди бѣдняковъ, съ которыми онъ дѣлился сокровищами своего чистаго сердца и тѣми скудными средствами, какія были у него въ первые годы священства. Восхваляя лицемѣрствующихъ развратителей народной и дѣтской души, они боятся сказать доброе слово о праведникѣ—совершившемъ подвигъ апостольскаго служенія. Чуждые добродѣтели, они не вѣрятъ добродѣтели праведниковъ. Чистота всегда раздражаетъ тѣхъ, у кого ея нѣтъ. Пьяницы не выносятъ трезвенниковъ и развратники цѣломудренныхъ. И потому то многимъ понятенъ Толстой, говорящій одно и дѣлающій другое, и не понятенъ о. Іоаннъ—не знавшій раздвоенности. Потерявшіе Бога и немогущіе поднять къ Нему взоры, они не понимаютъ и тѣхъ, кто живетъ въ Богѣ и чьи взоры всегда устремлены къ Его чертогу. И вотъ они писали статьи и стихи—по случаю юбилея Толстого, кощунственно называя его учителемъ жизни—и не дали ни строчки о праведномъ служителѣ Бога Живого... Они сдѣлали изъ Толстого идола, какъ евреи въ пустынѣ и поклоняются ему вмѣсто Учителя жизни—Христа... То, что писалъ одинъ изъ дѣтскихъ журналовъ о Толстомъ въ по-

ученіе дѣтямъ—есть ни что иное, какъ оправданіе антихристіанскаго ученія Толстого, поносящаго Церковь. Дѣтей призываютъ идти не съ Церковью, а съ „жестоко-холоднымъ“ Толстымъ, приписываютъ ему добродѣтели, которыхъ у него нѣтъ, величаютъ его—какъ проповѣдника истины. Если еще понятно, когда такъ говорятъ дѣтямъ инородцы, взявшіе въ свои руки просвѣщеніе „маленькаго народа“, то уже совсѣмъ не понятно, когда имъ вторятъ—русскіе, говорящіе о своей духовной связи съ православнымъ русскимъ народомъ. Или они забыли объ утрѣ своей жизни, или оно было чуждо того свѣта, коимъ только и согрѣвается, озаряется вечеръ жизни?.. Жалкіе слѣпцы и рабы моды!

Но только ли дѣтскіе журналы обошли молчаніемъ кончину Кронштадтскаго пастыря? Нѣтъ, къ великому прискорбію не они одни... Волна безумія—заливаетъ и тѣ высокія ступени, на которыя дерзновенно взошли нѣкоторые народныя проповѣдники... Не усопшіи пастырь теряетъ... теряютъ они сами въ своемъ гордомъ ослѣпленіи,—но вѣдь они „обкрадываютъ“ и своихъ слушателей—читателей... Какія дивныя, умилительныя страницы вырваны изъ книгъ, не предъявлены читателямъ! Какого тепла и яркаго свѣта лишены тысячи взрослыхъ и дѣтей!.. Какъ же не сгущаться тьмѣ и не ликовать злу!.. Вожди слѣпые, берущіеся вести другихъ! Великій отвѣтъ понесете вы всѣ, соблазняющіе „малыхъ“ и дающіе камень, просящимъ у васъ хлѣба!

III.

Добрый сѣятель.

Этотъ сѣятель—Евгеній Васильевичъ Богдановичъ.

Много лѣтъ онъ бросалъ зерна на ниву народную, и питались духовнымъ хлѣбомъ тысячи людей, алчущіе слова истины.

Восемьдесятъ лѣтъ минуло сѣятелю и со всѣхъ концовъ земли Русской шлютъ ему спасибо русскіе люди.

„Каѳедра Исаакіевскаго Собора“... Около 20 милліоновъ экземпляровъ этого прекраснаго изданія для народа разошлось по городамъ и весямъ... Лучи свѣта озаряли далекіе уголки Руси, грѣли зябнуція души. Есть слова отъ „нижнихъ“ и есть слова отъ „вышнихъ“. Слово отъ „нижнихъ“ не даетъ мира душѣ, не согрѣваетъ ее тепломъ нагорной проповѣди, не умиляетъ разсказами о жизни тѣхъ, которые горятъ на землѣ, какъ искупительныя свѣчи передъ Богомъ. Слово отъ „вышнихъ“ напоминаетъ о вѣчной правдѣ, о той голгоеской Жертвѣ, Которою искуплено человѣчество. *Совершилось*—и проведена грань между ветхимъ и новымъ пониманіемъ жизни. Новая заповѣдь дана міру и уже она одна свѣтитъ ему на пути нравственнаго совершенствованія. Слово отъ „вышнихъ“ несетъ успокоеніе сердца—свѣтитъ и въ дни радости, чтобы она была чистой, и во дни скорби—чтобы иго было благомъ. „Каѳедра Исаакіевскаго Со-

бора“—это слово отъ „вышнихъ“,—это отзвуки нагорной проповѣди, отсвѣтъ Креста, призывъ къ Богу. И *эту службу* юбилея народу мы отмѣчаемъ и ей придаемъ особенное значеніе въ то время, когда раздается другая проповѣдь—„восхваленіе буйныхъ“ и призывъ къ антихристіанской борьбѣ. Какъ разлитое масло утишаетъ морское волненіе, такъ и проповѣди „Исаакіевской каведры,“ въ миллионѣхъ листовъ, разливаясь по океану русской жизни, гасятъ злобу и несутъ миръ и покой сердцамъ—труждающихся и обремененныхъ. Да хранить же Богъ неустаннаго сѣятеля и да посылаетъ больше и больше такихъ сѣятелей нашей Родинѣ, ибо предстоитъ упорная борьба съ врагами Христа и Его Церкви.

А. Кругловъ.

КЪ НЕБЕСАМЪ.

Къ вамъ, голубыя небеса,
Къ вамъ, отъ земли грѣховно-бренной,
Я обращаю жадный взоръ
Съ моей молитвою смиренной.

Отъ васъ однихъ я жду чудесъ,
Отъ всѣхъ сомнѣній разрѣшенья;
На радость, муки бытія,
На жизнь и смерть—благословенья!

Филаретъ Черновъ.

Альманахъ „Родина“.

(„РОДИНА“.—Альманахъ для нижнихъ чиновъ на 1909 г. Одесса.—
Ред.-Изд. А. Пилипенко,—Ц. 2 р.)

Вышеназванный Альманахъ представляетъ собою довольно объемистый сборникъ свыше 17 листовъ, отпечатанный на прекрасной бумагѣ и украшенный многими хорошими рисунками. Помѣщенные въ немъ статьи и стихотворенія принадлежатъ разнымъ авторамъ, сочувствовавшимъ благородной цѣли изданія сборника (50 коп. съ каждаго экземпляра „Родины“ отчисляются на Храмъ—Памятникъ русскимъ воинамъ, павшимъ на полѣ брани въ послѣднюю войну). Мы обязаны быть благодарными нашимъ братьямъ, которые защищая насъ, въ лишеніяхъ и страданіяхъ сложили свои головы на далекой чужбинѣ. Подобные памятники имѣютъ большое воспитательное значеніе для народа, а сооруженіе ихъ является дѣломъ не только высокопатріотическимъ, но и святымъ, будя лучшія чувства въ душѣ человѣческой.

Эпиграфомъ къ книгѣ стоитъ „Слава и честь павшимъ и побольше духовнаго свѣта живымъ“,—отсюда и задача сборника: содѣйствовать умственному и нравственному росту солдатъ и укрѣплять въ нихъ чувства любви къ Церкви, родинѣ и Царю.

Программа Альманаха довольно обширная и разнообразная. Матеріалъ помѣщается прировненный къ пониманію солдатъ, но способный заинтересовать и интеллигентнаго читателя.

Изъ прозаическихъ произведеній обращаютъ на себя вниманіе: „Наставленіе новобранцамъ“, Архіепископа Антонія Волынскаго; „Почему намъ дороги народныя герои“ В. Жерве—историческая справка; „Полтавская битва и ея значеніе“ П. М. Андрианова; „Какіе бываютъ военныя корабли“ Н. Кладо; „На воздушномъ шарѣ“ А. П.; „Суворовъ“ В. А. Кулешова и др. Стихотворенія принадлежатъ слѣдующимъ авторамъ: А. И. Писанецкому, А. В. Круглову, К. Павлюку, Л. Кологривовой, Ѳ. Ѳ. Тютчеву и др.

Приводимъ очень недурное стихотвореніе Л. Кологривовой, посвященное Цесаревичу:

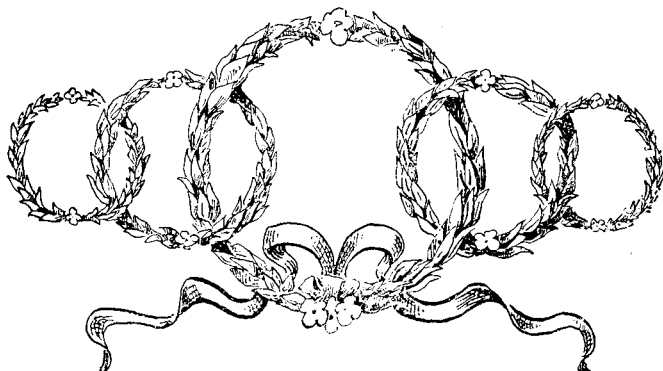
Какъ въ часъ, когда тѣснятся тучи
На небѣ мрачной пеленой,

Прорѣзавъ ихъ навѣсъ летучій,
 Восходитъ мѣсяцъ молодой,—
 Такъ въ годъ тяжелый и несчастный,
 Въ годъ нестроенья и войны,
 Взошелъ и Ты надеждой ясной
 Для нашей страждущей страны.
 Съ тѣхъ поръ къ ногамъ Твоимъ Россія,
 Твой дѣтскій обликъ возлюбя,
 Несетъ всѣ помыслы благіе
 И шлетъ молитвы за Тебя;
 И славы лучшія преданья
 Къ надеждамъ свѣтлымъ сопричтя,
 Отчизны видитъ упованье
 Въ Тебѣ, державное Дитя.

Альманаху „Родина“, какъ всякому доброму начинанію, остается только отъ души пожелать самаго широкаго распространенія и матеріальнаго успѣха, ибо чѣмъ большее количество экземпляровъ альманаха разоидется, тѣмъ больше денегъ наберется на святое и патріотическое дѣло.

А. Никитина.

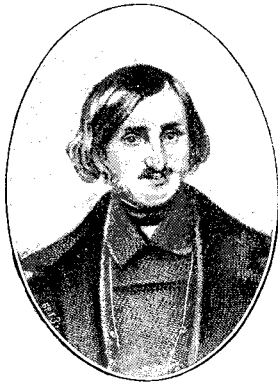

ГОГОЛЕВСКІЯ СТРАНИЧКИ.

Описывать „Гоголевскій праздникъ“,—открытие памятника великому художнику слова, еще нельзя, ибо настоящая книжка журнала выходит до этого событія. *Отчетъ* приходится отложить до майской книжки. Чему же посвятить „гоголевскія странички“? Излагать подробно его біографію—совершенно излишне, ибо она известна каждому школьнику; давать отрывки изъ его художественныхъ произведеній—значить перепечатать то, что у всѣхъ подъ рукою: у кого же нѣтъ сочиненій Гоголя? Благодаря Марксу, этому нерусскому человѣку, понявшему лучше коренныхъ русскихъ издателей насущную потребность *русскаго читателя*—сочиненія Гоголя широко распространены даже въ массѣ. Поэтому мы рѣшили дать: 1) краткую біографію Гоголя (какъ бы памятку), 2) статью „Сатирикъ-христіанинъ“, освѣщающую Гоголя—нѣсколько иначе, чѣмъ это обшкноленно принято;—3) отрывокъ изъ статьи Бѣлинскаго о Гоголѣ, 4) отрывки изъ писемъ Гоголя, изданныхъ въ 4-хъ томахъ,—почти совсѣмъ не распространенныхъ въ широкихъ читающихъ кругахъ; эти отрывки поучительны сами по себѣ и въ то же время освѣщаютъ личность писателя съ той стороны, которая игнорируется критикой или истолковывается безъ должнаго проникновенія и пониманія. За симъ мы даемъ стихотворенія, посвящ. Гоголю, а также тѣ извѣстія, взятая изъ періодической печати, которыя говорятъ о приготовленіяхъ къ торжественному народному празднику.

Ред.

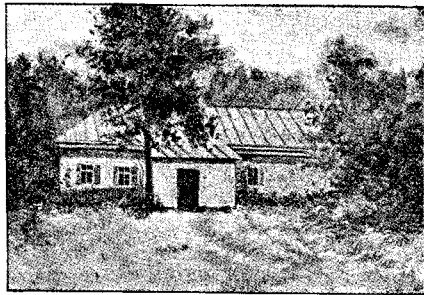

I.

Николай Васильевич Гоголь.

Н. В. Гоголь.

Николай Васильевич Гоголь родился 20 марта 1809 года, въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ, Миргородскаго уѣзда Полтавской губерніи, въ семьѣ небогатаго помѣщика. Онъ росъ на полной деревенской свободѣ, въ имѣніи отца—Васильевкѣ. Онъ съ самого дня рожденія сдѣлался, какъ говорится, кумиромъ матери, Марьи Ивановны, женщины золотого сердца, очень религіозной,—и эту религіозность она передала своему сыну, которому просто, но задушевно рассказывала событія священной исторіи и очень ярко, съ глубокой народной вѣрой, рисовала мальчику картины загробнаго блаженства и мукъ. Эти ея рассказы имѣли сильное вліяніе на впечатлительный умъ сына. Она же заложила въ сынѣ основу пламенной любви къ родинѣ, той любви, которая всегда горѣла въ душѣ великаго писателя (см. статью: „Какъ надо любить Россію“). Эта восторженная любовь

Домъ, гдѣ родился Гоголь.

и вдохновляла Гоголя, создаващаго столько яркихъ картинъ и такъ увлекательно воспѣващаго природу русскую... Такъ и слышится въ нихъ тотъ восторгъ, какимъ было полно дѣтское сердце Гоголя. „Это сладостное обаяніе—говорить одинъ изъ его біографовъ—сохранило на писателя свою власть на всю жизнь,“—и оттого-то, скажемъ мы, изъ Гоголя вышелъ не только сухой обличитель-сатирикъ, а тотъ поэтъ-художникъ, который если и смѣялся, то смѣхомъ сквозь слезы.

Послѣ слабой домашней подготовки, Гоголь поступилъ въ Нѣжинскую гимназію, гдѣ впервые обнаружилия его литературный талантъ и его любовь къ театру.

Изъ гимназіи будущій великій писатель вынесъ очень немного научныхъ знаній, но развился въ ней „необыкновенно“, по выраженію Кулиша. Уроками онъ занимался мало; обладая хорошею памятью, онъ быстро все заучивалъ и переходилъ изъ класса въ классъ успѣшно. Математику онъ ненавидѣлъ—къ

языкамъ нѣмецкому и англійскому всегда питаль отвращеніе. Вспомните его слова „не хочется вѣрить, что Шиллеръ Гете писали на нѣмецкомъ языкѣ. По англійски произнесутъ какъ слѣдуетъ птицѣ и даже физиономію сдѣлаютъ птичью“.

Въ гимназіи Гоголь написалъ нѣсколько сатирическихъ стихотвореній, балладу „Двѣ рыбки“ и трагедію „Разбойники“. Тамъ же онъ издавалъ журналъ „Звѣзда“. По этому поводу Кулишъ рассказываетъ слѣдующее: „Гоголь хлопоталь изо всѣхъ силъ, чтобы придать своему изданію наружность печатной книги, просиживаль ночи, разрисовываль заглавный листокъ. Книжка выходила перваго числа и Гоголь бралъ на себя трудъ читать вслухъ свои и чужія статьи“. Но скоро журналъ былъ брошенъ и Гоголь отдался весь театру. Вернувшись съ кавикулъ въ гимназію, онъ привезъ съ собою чью-то комедію на малороссійскомъ языкѣ и изъ „редактора“ превратился въ „директора театра“. Кулисами служили классныя доски, а недостатокъ въ костюмахъ дополняло воображеніе артистовъ и публики. Потомъ на свои средства наняли актеровъ, устроили кулисы и приобрѣли костюмы.

Послѣ окончаніе курса, Гоголь пробылъ нѣкоторое время въ родительскомъ имѣніи, а затѣмъ отправился въ Петербургъ, съ цѣлью поступить на службу. Здѣсь онъ прожилъ семь лѣтъ—и въ эти года совершилось развитіе его могучаго творческаго таланта. Служба въ департаментѣ была кратковременна, Гоголь поняль что призванъ не для этого труда и отдался литературѣ. Его первые опыты были неудачны и нашли осужденіе со стороны Полевого. Пытался Гоголь сдѣлаться актеромъ—но эта попытка потерѣла неудачу. Появленіе „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“—сразу опредѣлило призваніе писателя и онъ заняль опредѣленное и высокое мѣсто въ литературѣ. Книга была встрѣчена съ восторгомъ какъ лучшими критиками такъ и публикой. Теперь Гоголь поняль—что его призваніе быть художникомъ слова, а не чиновникомъ или учителемъ (онъ нѣкоторое время состояль учителемъ въ Патріотическомъ Институтѣ и даже адъюнктомъ по каедрѣ исторіи при университетѣ).

Въ то же время Гоголь помѣщаль разныя статьи въ журналахъ и завязаль литературныя отношенія. Онъ сошелся близко съ Дельвигомъ, Жуковскимъ, Плетневымъ и наконецъ съ Пушкинымъ, передъ которымъ онъ благоговѣль. Гоголь вдругъ испыталъ какое-то фантастическое счастье: онъ сразу почувствовалъ себя перенесеннымъ въ высшія сферы литературнаго міра и испыталъ наслажденіе успѣха.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ столичной жизни онъ вернулся на родину. Въ это время въ его головѣ была мечта о комедіи, содержаніе которой было бы взято изъ дѣйствительной обыкновенной жизни. Онъ съ юности отличался рѣдкой наблюдательностью, которая помогала ему улавливать повидимому мельчайшія черты жизни, но въ то же время черты характерныя. Тогдашній театральнй репертуаръ отличался ходульностью. Замыслы Гоголя являлись именно „откровеніемъ“ для русской сцены. На родину Гоголь возвратился—говорить его биографъ Шенрокъ—уже не тѣмъ юношей, какимъ ѣхаль въ столицу. За прожитые годы онъ утратиль радужное царство молодыхъ мечтаній. Розовая целена спала и омутъ житейской пошлости предсталъ во всей наготѣ. Все это отразилось на перемѣнѣ господствующаго настроенія въ послѣдующихъ произведеніяхъ Гоголя: „Миргородъ“, „Страшной мести“ и особенно же „Ревизоръ“—этой гениально-безсмертной комедіи, значеніе которой непонято и до сихъ поръ во всей полнотѣ.

Успѣхъ—изданныхъ рассказовъ и постановка „Ревизора“ на сценѣ—принесли Гоголю и матеріальныя средства, которыя ему дали возможность уѣхать за границу, что требовало и его пошатнувшееся здоровье.—„Съ выѣздомъ за границу—писать Кулишъ—начинается въ жизни Гоголя новый періодъ, въ которомъ онъ, по его письмамъ—является сперва безпечнымъ, радующимся, что

вырвался на просторъ, яснымъ какъ южное небо, потомъ все болѣе и болѣе задумчивымъ и наконецъ загадочно-торжественнымъ.“

Въ Римѣ онъ написалъ первую часть „Мертвыхъ Душъ“—лучшее изъ своихъ произведеній, въ которомъ отразилось спокойствіе, лежащее надъ *вѣчнымъ городомъ* и видѣнъ широкій ходъ эпопеи, проникшіи и охватившіи душу поэта при безконечномъ чтеніи эпоса Рима.

Въ 1839 году Гоголь вернулся въ Россію. Живя у Погодина въ Москвѣ, онъ ни словомъ не обмолвился о „Мертвыхъ душахъ“. Изъ Москвы Гоголь уѣхалъ въ Петербургъ, поселился у Жуковского, жившаго въ его дворцѣ, и только ему сказалъ о новомъ произведеніи, назвавъ его трудомъ, завѣщаннымъ ему Пушкинымъ, добавивъ, что считаетъ этотъ трудъ задачей своей жизни. Изъ Петербурга Гоголь снова перебрался въ Москву—и здѣсь уже читалъ главы изъ „Мертвыхъ душъ“. Между тѣмъ его настроеніе начало мѣняться. Вотъ что объ этой перемѣнѣ писалъ С. Т. Аксаковъ: „Это не значило, что онъ сдѣлался дру-

Село Яновщина.

гимъ человѣкомъ, чѣмъ онъ былъ прежде. Внутренняя основа всегда лежала въ немъ, даже въ самыхъ молодыхъ годахъ; но она скрывалась, такъ сказать, наружностью вѣшняго человѣка. Отсюда начинается постоянное стремленіе Гоголя къ улучшенію въ себѣ духовнаго человѣка и преобладанія религіознаго направленія достигшаго впоследствии такого высокаго настроенія, которое уже едва совмѣстимо съ тѣлеснымъ организмомъ человѣка“.

Да, Гоголь наконецъ *выразился—выросъ*. Начавъ писать „Мертвыя Души“ какъ забавный анекдотъ,—онъ вдругъ поваялъ всю серьезность задачи и „ничтожный сюжетъ“ навелъ на сильныя мысли.

„Мертвыя души“ кончены. Началось ихъ печатаніе. Въ это время появились въ обществѣ слухи, что Гоголь ѣдетъ за границу. На вопросы Гоголь отвѣчалъ: „можетъ быть“. И вотъ однажды послѣ обѣда, вдругъ Гоголь вопелъ въ гостинную съ образомъ Спасителя въ рукахъ, съ сіяющимъ лицомъ и сказалъ: „я все ждалъ, чтобы кто нибудь благословилъ меня образомъ; но никто не сдѣлалъ этого. Наконецъ Иннокентій благословилъ меня, и теперь я могу объявить, что ѣду ко Гробу Господню“.

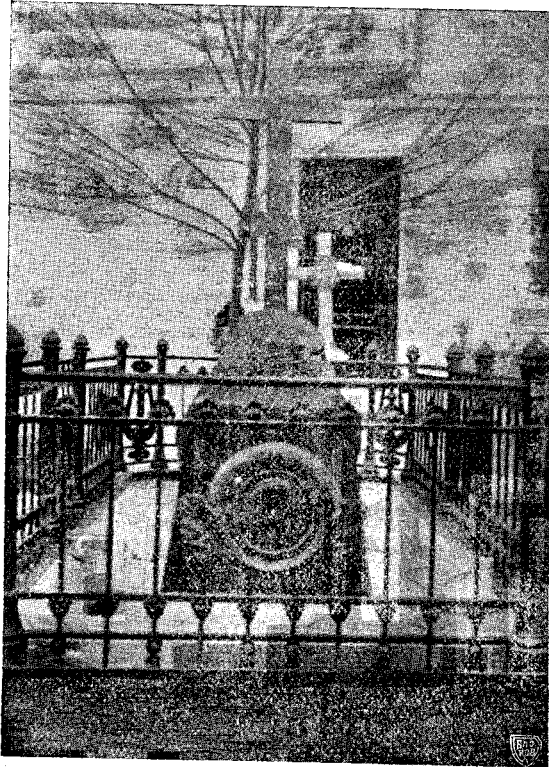
Но онъ не сразу отправился туда. Онъ снова лобывалъ въ Римѣ, гдѣ работалъ надъ второй частью „Мертвыхъ душъ“,—и только 1848 году—онъ выполнилъ свое давно задуманное намѣреніе и отправился въ Іерусалимъ.

Изъ Іерусалима онъ вернулся въ Васильевку и привялся за дальнѣйшую обработку второй части своего гениальнаго творенія.

Проведя лѣто въ имѣніи матери, къ осени онъ перебрался въ Москву. Здѣсь друзья встрѣтили его съ восторгомъ и окружили самыми искренними заботами. Въ Москвѣ Гоголь—скончался, 21 февраля 1852 года, на 44 году

жизни. Отпѣваніе тѣла Гоголя, какъ почетнаго члена Моск. Университета, происходило въ Университетской церкви—24 февраля. Погребенъ великій сатирикъ-христианинъ на кладбищѣ Даниловскаго монастыря, подлѣ друга своего, поэта Языкова.

М.—Др.

Могила Гоголя.

II.

„Сатирикъ-христианинъ“. *)

Нѣтъ на Руси человѣка, который не слышалъ бы о Гоголѣ. „Пушкинъ и Гоголь“ ... Родныя и дорогія имена съ дѣтства! Но какъ не поняли перваго, такъ и второй для многихъ, знакомыхъ съ его произведеніями—остается въ сущности невѣрно освѣщеннымъ. О Гоголѣ думаютъ какъ о писателѣ, „который все осмѣивалъ“. Его знаютъ какъ „человѣка, который смѣялся“. Но навѣр-

*) Перепечатаваемъ эту статью изъ „Дн. Пис.“ 1907 г., ибо новымъ подписчикамъ (а ихъ почти $\frac{2}{3}$) она не извѣстна.

ное „никто больше Гоголя, говоритъ г. Айхенвальдъ, не былъ объять великой тревогой писателя, мучительнымъ сознаіемъ отвѣтственности, какую несетъ художникъ за то, что онъ посланъ въ міръ, за тѣ впечатлѣнія и чувства, которыя будетъ рождать среди людей воплощеніе его прихотливой мечты“. И загадочный портретъ, о которомъ разсказалъ намъ Гоголь, до сихъ поръ не уничтоженъ, и страшные глаза его не смежаются. Талантъ обязываетъ: „на будничныхъ одеждахъ незамѣтны пятна, а праздничныя ризы небеснаго избранника не должны быть запятнаны ничѣмъ“. Сознаніе великой отвѣтственности передъ Тѣмъ, Кто раздаетъ дары. Тутъ не можетъ быть и слова объ орлѣ, превращающемся въ гада. Орелъ—и на высотѣ! Одежда—безъ пятна. Одежда избранника, посланна Слова, для возвышенія словомъ божественныхъ истинъ. Допустимо ли обличеніе? возможно ли смѣхъ? Да—обличеніе для пробужденія. Картины пошлости, порока для осмѣянія лишь пошлости и порока, а не человѣка. Всегда ли писатель вѣренъ этому завѣту? И вотъ Гоголя „томить мысль, что Богъ требуетъ его къ отвѣту за то осмѣянное и обиженное человѣчество, которое онъ въ своихъ книгахъ воззвалъ къ жизни, что и сами обиженные преслѣдуютъ его за грѣхъ насмѣшки и осужденія“.

Таковы муки того смѣющагося человѣка, „смѣющагося „сквозь слезы“, но смѣющагося и „немилосерднаго“ въ своемъ смѣхѣ. И вотъ онъ самъ говоритъ: „горькимъ словомъ моимъ посмѣюсь“. И вотъ онъ, творецъ множества комическихъ типовъ и картинъ жизни, высказываетъ желаніе: старайтесь лучше видѣть во мнѣ христіанина и человѣка, чѣмъ обличителя,—т. е. не смотрите на меня какъ только на писателя осмѣивающаго, обличающаго, желающаго все предать бичу насмѣшки,—не смотрите на меня какъ на холоднаго сатирика, умѣющаго смѣяться и не умѣющаго страдать,—но смотрите на меня какъ на писателя—христіанина, вынашивающаго въ своемъ сердцѣ болѣзнь родины и пороки человѣческой души, узнайте не только мои творенія, а и меня самого, какъ человѣка, ибо безъ этого знанія не поймете какъ слѣдуетъ и меня какъ писателя, невѣрно объясните мои творенія, ихъ цѣль. Вотъ что хотѣлъ сказать Гоголь о себѣ самомъ. И это вѣрно, ибо еще великій нѣмецкій поэтъ Гете сказалъ: „кто хочетъ понять писателя, тотъ долженъ войти въ его область“.

Все знаютъ Гоголя, и очень немногіе понимаютъ его, потому что оставляютъ въ сторонѣ его міросозерцаніе, открывающееся въ его перепискѣ, въ его задуманныхъ листкахъ, найденныхъ въ бумагахъ,—во всемъ томъ, что дополняетъ собою художественныя произведенія и даетъ имъ вѣрное освѣщеніе, истинный смыслъ и настоящее, присущее имъ значеніе. Надо знакомиться, изучать художественныя творенія великаго писателя, но не надо игнорировать и его „исповѣдальные листки“, его письма, имѣющія громадное значеніе для уясненія личности писателя и человѣка.

Изданы четыре тома писемъ. Эти письма чрезвычайно цѣнны, потому что онѣ проливаютъ свѣтъ на писателя, помогаютъ понимать его самого и его сочиненія. Глубоко вѣрно сказано, что когда читаешь эти письма, предъ умственнымъ взоромъ встаетъ не холодный обличитель, а страстный проповѣдникъ высшей правды, вдохновенный пророкъ, сознающій всю громадную отвѣтственность взятаго имъ на себя подвига,—„великое явленіе русскаго народнаго духа“. Писательство—подвигъ, искусь, послушаніе, возлагаемое Богомъ. Это Гоголь сознавалъ всегда,—и напрасно его обвиняютъ въ измѣнѣ своимъ убѣжденіямъ, въ перемѣнѣ пути. Гоголь говоритъ: „отъ ранней юности у меня была одна дорога, по которой я иду“. И онъ продолжаетъ свою *исповѣдь*: „я не возвращался съ моего пути. Я шелъ одной и той же дорогой. Предметъ у меня былъ

всегда одинъ и тотъ же—жизнь, а не что иное. Жизнь я преслѣдоваль въ ея дѣйствительности, а не въ мечтахъ воображенія, и пришелъ къ Тому, Кто есть Источникъ жизни, пришелъ къ Тому, Который одинъ полвыи вѣдатель души, и отъ Кого одного только я могъ полнѣе узнать человѣческую душу“. И затѣмъ Гоголь въ той же „Исповѣди“ говорить: „И вотъ душа человѣческая сдѣлалась больше чѣмъ когда либо предметомъ наблюдений. Все, гдѣ только выражалось познаніе людей и души человѣка, отъ исповѣди свѣтскаго человѣка до исповѣди анахорета (отшельника) и пустытника, меня заняло. И по этой дорогѣ нечувствительно я пришелъ ко Христу, увидѣвъ что въ Немъ ключъ къ душѣ человѣка. И что еще никто изъ душепознателей не входилъ на ту высоту познанія душевнаго, на которой стоялъ Онъ“. („Авторск.-исповѣдь“, соч. Гоголя).

И Гоголь говоритъ еще:

„Мы шли все время мимо Церкви. Едва знаемъ ее и теперь. Владѣемъ сокровищемъ, которому нѣтъ цѣны, и не только не заботимся о томъ, чтобы это почувствовать, но и не знаемъ даже, гдѣ его положили. Въ Церкви заключено все, что нужно для жизни, для русской жизни, во всѣхъ ея отношеніяхъ, всему настрою, всему направленію, всему вѣрная дорога. Въ Церкви дорога и путь, какъ устремить все въ челоѣкъ въ одинъ согласный гимнь Верховному Существоу. Мы повторяемъ безмысленное слово „просвѣщеніе“—и не задумались надъ тѣмъ, откуда пришло это слово, и что оно значить. Этого слова нѣтъ ни въ какомъ языкѣ, оно только у насъ. Просвѣтить—не значить научить, образовать, но всего высвѣтлить челоѣка, во всѣхъ его силахъ, а не въ одномъ умѣ, пронести всю природу его сквозь очистительный огонь. Это: „свѣтъ Христовъ-просвѣщаетъ всѣхъ“.

Вдумайтесь въ эти строки и вы поймете Гоголя—челоѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ его муку, какъ писателя.

Талантливый критикъ Ю. Н. Говоруха-Отрокъ превосходно понялъ Гоголя, понялъ его именно проникновенно (употребляя любимое выраженіе Достоевскаго), сказавъ свое вдохновенно-глубокое слово въ защиту Гоголя. Благодаря этому толкованію, вмѣсто холоднаго сатирика-обличителя, какимъ былъ напр. Щедринъ, передъ нами возникаетъ Гоголь иной, писатель-подвижникъ, писатель-страдалецъ за народъ и родину. Это—страдающій и плачущій въ душѣ русский писатель-христіанинъ, полный смиренія предъ Тѣмъ, Кто ему далъ талантъ, Кому онъ какъ писатель служилъ всю жизнь. Гоголь великій художникъ. Но почему? Потому что любовь и смиреніе освѣтили передъ нимъ душу челоѣческую. Безъ *этого* онъ былъ бы только ядовитымъ сатирикомъ, злобнымъ обличителемъ, какихъ не мало, но значеніе которыхъ невелико, и не долговременно, не смотря на всю ихъ политическую соль—и ненависть, переполняющую ихъ творенія. Мнимые толкователи Гоголя хотятъ и его превратить въ такого же обличителя и „поэта пошлости“, но это не только крайняя ошибка, а и большой грѣхъ предъ родиной, передъ свѣтлою памятью незабвеннаго писателя. Эту ошибку пора понять и исправить. Кто прочтетъ не только сатирическія сочиненія Гоголя, но и всѣ его письма, всѣ его листки—откровенной исповѣди, тотъ будетъ знать, что Гоголь смотрѣлъ на свое писательство какъ на обязанность предъ Богомъ, какъ на порученіе на него Богомъ возложенное,—какъ на велѣніе призывать людей къ Божьей правдѣ обличеніемъ неправды. Самую жизнь на землѣ Гоголь считалъ только приготовленіемъ къ будущей жизни. Эта мысль, какъ и другія христіанскія его мысли, вызвали и вызываютъ до сихъ поръ неодобреніе многихъ, которые упрекаютъ великаго писателя за то, что въ немъ такъ цѣнно. Но вѣдь всегда такъ было, есть и будетъ: на всѣхъ, идущихъ истиннымъ христіанскимъ путемъ сна-

нала, или вступивших на него потомъ, послѣ душевнаго перелома, — смотрятъ чуть ли не какъ на юродивыхъ тѣ, которае привыкли относиться ко всему легкомысленно и поверхностно.

Да, чтобы понять Гоголя, надо его прочесть всего, — не только его сатирическія-художественныя творенія, но и всё его разсужденія, всё его цѣнныя по глубинѣ письма, которыя и откроютъ въ Гоголѣ то, что для многихъ неизвѣстно и непонятно.

Въ нихъ ключъ къ полному пониманію того писателя, который повидимому „только смѣялся“ и котораго только за это, и съ очень узкой точки зрѣнія — чтить большинство русскаго общества.

А. Кругловъ.

III.

Бѣлинскій о Гоголѣ.

„Отличительный характеръ произведеній Гоголя“, составляютъ — простота вымысла, народность, совершенная истина жизни, оригинальность и комическое одушевленіе, всегда побѣждаемое глубокимъ чувствомъ грусти и унынія. Причина всѣхъ этихъ качествъ заключается въ одномъ источникѣ: Гоголь — поэтъ, поэтъ жизни дѣйствительной. Скажите, какое впечатлѣніе прежде всего производитъ на васъ каждая повѣсть Гоголя? Не заставляетъ ли она васъ говорить: „Какъ все это просто, обыкновенно, естественно и вѣрно, и, вмѣстѣ, какъ оригинально и ново!“ Не удивляетесь ли вы тому, почему вамъ самимъ не пришла въ голову та же самая идея, почему вы сами не могли выдумать этихъ же самыхъ лицъ, такъ обыкновенныхъ, такъ знакомыхъ вамъ, такъ часто видѣнныхъ вами, и окружить ихъ этими самыми обстоятельствами, такъ повсѣдневными, такъ общими, такъ наскучившими вамъ въ жизни дѣйствительной и такъ занимательными, очаровательными въ поэтическомъ представленіи? Вотъ первый признакъ истинно-художественнаго произведенія! Потомъ, не знакомитесь ли вы съ каждымъ персонажемъ его повѣсти такъ коротко, какъ-будто вы его давно знали, долго жили съ нимъ вмѣстѣ? Не доводите ли вы своимъ воображеніемъ его портрета и безъ того уже нарисованнаго авторомъ во весь ростъ? Не въ состояніи ли прибавить къ нему новыя черты, какъ-будто забытыя авторомъ; не въ состояніи ли вы разсказать объ этомъ лицѣ нѣсколько анекдотовъ, какъ-будто бы опущенныхъ авторомъ? Не вѣрите ли вы на-слово, не готовы ли вы побожиться, что все разсказанное авторомъ есть сущая правда безъ всякой примѣси вымысла? Какая этому причина? Та, что эти созданія ознаменованы печатію истиннаго таланта, что они созданы по непреложнымъ законамъ творчества. Эта простота вымысла, эта нагота дѣйствія, эта скудность драматизма, самая эта мелочность и обыкновенность описываемыхъ авторомъ происшествій суть вѣрные, необманчивые признаки творчества; это — поэзія реальная, поэзія жизни дѣйствительной, жизни коротко знакомой намъ. Въ самомъ дѣлѣ, заставитъ насъ принять живѣйшее участіе въ ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, насмѣшить насъ до слезъ глупостями, ничтожностію и юродствомъ этихъ живыхъ пасквилей на человѣчество — это удивительно; но заставитъ насъ потомъ пожалѣть объ этихъ идиотахъ, пожалѣть отъ всей души, заставитъ насъ разстаться съ ними съ какимъ-то глубоко-грустнымъ чувствомъ, заставитъ насъ воскликнуть вмѣстѣ съ собою: „Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“ —

вотъ, вотъ оно, то божественное искусство, которое называется творческимъ. Вотъ онъ, тотъ художническій талантъ, для котораго гдѣ жизнь, тамъ и поэзія! И возьмите почти всѣ повѣсти Гоголя: какой отличительный характеръ ихъ? что такое почти каждая изъ его повѣстей? Смѣшная комедія, которая начинается глупостями, продолжается глупостями и оканчивается слезами, и которая, наконецъ, называется жизнью. И таковы всѣ его повѣсти: сначала смѣшно, потомъ грустно.

„И какъ сильна и глубока поэзія Гоголя въ своей наружной простотѣ и мелкости! Возьмите его „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ:“ что въ нихъ? Двѣ пародіи на человѣчество: въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, пьютъ и ѣдятъ, ѣдятъ и пьютъ, а потомъ, какъ водится изстари, умираютъ. Но отчего же это очарованіе? Вы видите всю пошлость, всю гадость этой жизни, животной, уродливой, каррикатурной и, между тѣмъ, принимаете такое участіе въ персонажахъ повѣсти, смѣтаетесь надъ ними, но безъ злости, и потомъ рыдаете съ Филимономъ о его Бавкидѣ, страдаете его глубокой, неземной горести и сердитесь на негодяя-наслѣдника, промотавшаго достояніе двухъ простаковъ. И потомъ вы такъ живо представляете себѣ актеровъ этой глупой комедіи, такъ ясно видите всю ихъ жизнь — вы, который, можетъ-быть, никогда не бывали въ Малороссіи, никогда не видали такихъ картинъ и не слышали о такой жизни. Отчего это? Оттого, что это очень просто и, слѣдовательно, очень вѣрно; оттого, что авторъ нашелъ поэзію и въ этой пошлой и нелѣпой жизни, нашелъ человѣческое чувство, двигавшее и оживлявшее его героевъ: это чувство — привычка.

„Повѣсти Гоголя народны въ высочайшей степени; но я не хочу слишкомъ распространяться объ ихъ народности, ибо народность есть не достоинство, а необходимое условіе истинно-художественнаго произведенія, если подъ народностію должно разумѣть вѣрность изображенія нравовъ, обычаевъ и характера того или другого народа, той или другой страны. Жизнь всякаго народа проявляется въ своихъ, ей одной свойственныхъ формахъ; слѣдовательно, если изображеніе жизни вѣрно, то и народно. Народность, чтобы отразиться въ поэтическомъ произведеніи, не требуетъ такого глубокаго изученія со стороны художника, какъ обыкновенно думаютъ. Поэту стобитъ только мимоходомъ взглянуть на ту или другую жизнь — и она уже усвоена имъ. Почти то же самое можно сказать и объ оригинальности: какъ и народность, она есть необходимое условіе истиннаго таланта. Два человѣка могутъ сойтись въ заказной работѣ, но никогда въ творчествѣ, ибо если одно вдохновеніе не посѣщаетъ двухъ разъ одного человѣка, то еще менѣе одинаковое вдохновеніе можетъ посѣтить двухъ человѣкъ. Вотъ почему міръ творчества такъ неисощимъ и безграниченъ. Поэтъ никогда не скажетъ: „о чемъ мнѣ писать? ужъ все переписано!“ или:

О, боги, для чего я поздно такъ родился?

„Одинъ изъ самыхъ отличительныхъ признаковъ творческой оригинальности, или, лучше сказать, самаго творчества, состоитъ въ этомъ типизмѣ, если можно такъ выразиться, который есть гербовая печать автора. У истиннаго таланта каждое лицо — типъ, и каждый типъ, для читателя, есть знакомый незнакомецъ. Не говорите: вотъ человѣкъ, который во всю жизнь не вѣдалъ ни одной человѣческой мысли, ни одного человѣческаго чувства, который, во всю жизнь, не зналъ, что у человѣка есть страданія и горести, кромѣ холода, бессонницы, клоповъ, блохъ, голода и жажды; есть восторги и радости, кромѣ спокойнаго сна, сытнаго стола, цвѣточнаго чаю, что въ жизни человѣка бываютъ случаи поважнѣе съѣденной дыни, что у него есть занятія и обязанности, кромѣ ежедневнаго осмотра своихъ сундуковъ, анбаровъ и хлѣбовъ, есть честолюбіе выше увѣренности, что онъ первая персона въ какомъ-нибудь захолустьѣ; о, не трайте такъ

много фразъ, такъ много словъ—скажите просто: „вотъ Иванъ Ивановичъ Перерепенко!“ или: „вотъ Иванъ Никифоровичъ Довгочухнъ!“ И, повѣрьте, васъ скорѣе поймутъ всѣ.

„Но есть еще другая оригинальность, проистекающая изъ индивидуальности автора, слѣдствіе цвѣта очковъ, сквозь которыя смотритъ онъ на міръ. Такая оригинальность у Гоголя состоитъ въ комическомъ одушевленіи, всегда побуждаемомъ чувствомъ глубокой грусти. Въ „Старосвѣтскихъ помѣщикамъ“, вы видите людей пустыхъ, ничтожныхъ и жалкихъ, но, по-крайней-мѣрѣ, добрыхъ и радушныхъ; ихъ взаимная любовь основана на одной привычкѣ: но вѣдь и привычка все же человѣческое чувство, но вѣдь всякая любовь, всякая привязанность, на чемъ бы она ни основывалась, достойна участія; слѣдовательно, еще понятно, почему вы жалѣете объ этихъ старикахъ. Но Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ существа совершенно пустыя, ничтожныя и притомъ нравственно гадкія и отвратительныя, ибо въ нихъ нѣтъ ничего человѣческаго. Зачѣмъ же, спрашиваю я васъ, зачѣмъ вы такъ горько улыбаетесь, такъ грустно вздыхаете, когда доходите до траги-комической развязки? Вотъ она, эта тайна поэзи! Вотъ онъ, эти чары искусства! Вы видите жизнь; а кто видѣлъ жизнь, тотъ не можетъ не вздыхать!

„Комизмъ или юморъ Гоголя имѣетъ свой, особенный характеръ; это юморъ чисто русскій, юморъ спокойный, простодушный, въ которомъ авторъ какъ бы прикидывается простачкомъ. Впрочемъ, это только мапера, а истинный-то юморъ Гоголя все-таки состоитъ въ вѣрномъ взглядѣ на жизнь, и, прибавлю еще, ни мало не зависитъ отъ карикатурности представляемой имъ жизни. Онъ всегда одинаковъ, никогда не измѣняетъ себѣ, даже и въ такомъ случаѣ, когда увлекается поэзію описываемаго имъ предмета. Если Гоголь часто и съ умысломъ подшучиваетъ надъ своими героями, то безъ злобы, безъ ненависти: онъ понимаетъ ихъ ничтожность, но не сердится на нее; онъ даже какъ будто любитъ ее, какъ любитъ взрослый человѣкъ на игры дѣтей, которыя для него смѣшны своею наивностію, но которыхъ онъ не имѣетъ желанія раздѣлить. Но, тѣмъ не менѣе, это все-таки юморъ, ибо не щадитъ ничтожества, не скрываетъ и не скрашиваетъ его безобразія, ибо, плѣняя изображеніемъ этого ничтожества, возбуждаетъ къ нему отвращеніе. Это юморъ спокойный, и, можетъ-быть, тѣмъ скорѣе достигающій своей цѣли. И вотъ, замѣчу мимоходомъ, вотъ настоящая нравственность такого рода сочиненій. Здѣсь авторъ не позволяетъ себѣ никакихъ сентенцій, никакихъ нравоченій; онъ только рисуетъ вещи такъ, какъ онѣ есть, и ему дѣла нѣтъ до того, каковы онѣ, и онъ рисуетъ ихъ безъ всякой цѣли, изъ одного удовольствія рисовать. Послѣ „Горя отъ ума“ я не знаю ничего, на русскомъ языкѣ, что бы отличалось такою чистѣйшею нравственностію и что бы могло имѣть сильнѣйшее и благотѣльнѣйшее вліяніе на нравы, какъ повѣсти Гоголя“.

IV.

Памяти Гоголя.

(Два стихотворенія кн. П. А. Вяземскаго).

I.

Ты, загадкой своенравной
Промелькнувшій на землѣ,

Пересмѣшникъ нашъ забавный,
Съ думой скорби на челѣ.

Гамлетъ нашъ! Смѣсь слезъ и смѣха,
Виѣшній смѣхъ и тайный плачъ,
Ты, несчастный отъ успѣха,
Какъ другой отъ неудачъ.

Обожатель и страдалецъ
Славы, ласковой къ тебѣ.
Жизни труженикъ, скиталецъ
Съ бурей внутренней въ борьбѣ!

Духомъ—схимникъ сокрушенный,
А перомъ—Аристофанъ,
Врачъ и бичъ ожесточенный
Нашихъ немощей и ранъ.

Но къ друзьямъ, но къ скорбнымъ братьямъ—
Полный нѣжной теплоты!

Умъ, открытый всѣмъ понятьямъ,
Всѣмъ залетнымъ снамъ мечты.

Жрецъ, искусству посвященный
Жрецъ высокаго всего,
Такъ внезапно похищенный
Отъ служенья своего!

Въ немъ еще созданья зрѣли:
Смерть созрѣть имъ не дала!
Не достигнувша цѣли
Пала смѣлая стрѣла.

Тѣнью смертнаго покрова
Думъ затмилась красота:
Окончательнаго слова
Не промолвили уста!

Жизнь твоя была загадкой,
Намъ загадкой смерть твоя,
Но успѣлъ ты въ жизни краткой
Даръ и подвигъ бытія

Оправдать трудомъ и жертвой;
Не щадя духовныхъ силъ,
Въ суетахъ, въ ихъ почвѣ мертвой,
Ты таланта не зарылъ.

Не алкалъ ты славы ложной,
Не вымаливалъ похвалъ—
Думой скорбной и тревожной
Вышей цѣли ты искалъ.

И порокамъ, и нечестью
Обличительнымъ перомъ
Былъ ты карой, грозной местию
Предъ общественнымъ судомъ.

Теплымъ словомъ убѣжденья
Пробуждалъ ты мудрый страхъ,
Святость слезъ и умиленье
Въ облѣнившихся душахъ.

Не погибнетъ—вѣрной мздою
 Плодъ воздастъ въ урочной часъ,
 Добрый съятель, тобою
 Сѣмя брошенное въ часъ.

II.

Чтобъ ирищемъ народъ привлечь,
 Не лѣзь онъ въ гласность, какъ потѣшникъ;
 Въ порокъ вонзая острый мечъ,
 Онъ самъ былъ кающійся грѣшникъ.
 И съ нимъ идемъ рука съ рукой
 Въ одномъ сочувствіи горячемъ:
 Съ нимъ и смѣемся надъ собой,
 И надъ собой мы горько плачемъ.

Ж. В. Гоголь.

Онъ призванъ былъ пройти дозоромъ:—
 Живой душой средь мертвыхъ душъ,
 Чтобъ заклеить порокъ позоромъ,
 Пугая страшнымъ ревизоромъ,
 Чтô можетъ вдругъ нагрянуть въ глушь.

Дмитрій Варлыгинъ.

КАНТАТА,

которая будетъ исполнена съ оркестромъ музыки передъ памятникомъ
 Гоголя.

„Въ стольномъ городѣ, въ Москвѣ родной
 Собрался народъ со Руси святой:
 Онъ принесъ привѣтъ сыну славному,
 Что дарилъ людей тихой радостью,
 Поучалъ людей какъ на свѣтѣ жить;
 Заставлялъ сквозь смѣхъ тихи слезы лить;
 Воспиталъ въ любви къ своей родинѣ,
 Но Руси пошла гуслары-пѣвцы,
 Кобзари пошли, пошли лирники
 —Понесли они міру Божьему
 Вѣсти новыя, благодатныя!
 Вотъ насталъ для насъ праздникъ радостный—
 Принесла толпа всенародная
 Принесла ему до земли поклонъ
 За все доброе, что посѣялъ онъ“.

Кантата положена на музыку директоромъ московской консерваторіи М. М. Ипполитовымъ-Ивановымъ въ духѣ древнихъ русскихъ былинъ, распѣвавшихся кобзарями и гуслеями подъ звуки ихъ немудраго инструмента.

V.

Изъ писемъ Н. В. ГОГОЛЯ къ разнымъ лицамъ.

1) Къ С. Т. АКСАКОВУ— ..., „Какъ же вы хотите, чтобы въ груди того, который услышалъ высокія минуты небесной жизни, который услышалъ любовь, не возродилось желаніе взглянуть на ту землю, гдѣ проходили стопы Того, Кто первый сказалъ слово любви сей человѣкамъ, откуда истекла она на міръ? Мы движемся благодарностью къ поэту, подарившему намъ наслажденіе души своими произведеніями; мы спѣшимъ принести ему дань уваженія, спѣшимъ посѣтить его могилу, и никто не удивляется такому поступку, чувствуя, что стоитъ уваженія и самый великій прахъ его. Сынъ спѣшитъ на могилу отца, и никто не спрашиваетъ его о причинѣ, чувствуя, что дарованіе жизни и воспитанія стоятъ благодарности. Одному только Тому, Кто рай блаженства низвелъ на землю, Кто виной всѣхъ высокихъ движеній; Тому только считается какъ то страннымъ поклониться въ самомъ мѣстѣ Его земного странствія. По крайній мѣрѣ, если кто изъ среды насъ предприметъ такое путешествіе, мы уже какъ то съ изумленіемъ таращимъ на него глаза, мѣряемъ его съ ногъ до головы, какъ будто бы спрашивая: не ханжа ли онъ, не безумный ли онъ? Признайтесь: вамъ странно показалось, когда я первый разъ объявилъ вамъ о такомъ намѣреніи (ѣхать въ Іерусалимъ)?“

2) Къ М. С. ЩЕПКИНУ.... „Благодарите Бога за всякія препятствія: они необыкновенному человѣку необходимы. Вотъ тебѣ бревно подъ ноги — прыгай, а не то—подумаютъ, что у тебя куриный шагъ и не могутъ вовсе растопыриться ноги“.

3) Къ М. П. ПОГОДИНУ... „Добро нужно помнить для того, что уже иодно воспоминаніе о немъ дѣлаетъ насъ лучшими. Зло нужно помнить для того, что съ самаго того дня, какъ оно намъ причинено, на насъ наложенъ неотразимый долгъ заплатить за него добромъ“.

„...Тѣ, которые не получили отъ природы внутренняго чутія слышать людей, должны руководствоваться собственнымъ разумомъ, который давъ намъ именно на то, чтобы отличать добро отъ зла. Разумъ велитъ намъ судить о человѣкѣ прежде по его главнымъ качествамъ, а не по частнымъ, начинать съ головы, а не съ ногъ. Прежде слѣдуетъ взять все лучшее въ человѣкѣ, потомъ сообразить съ тѣмъ все замѣченное нами въ немъ дурное, и сдѣлать такую посылку: возможно-ли, при такихъ-то хорошихъ качествахъ, такія-то и такія мерзости? Которыя возможны—тѣ допустить, которыя же сколько нибудь противорѣчатъ возможности и спугиваютъ насъ—тѣ нужно гнать, какъ вносящія одно смущеніе въ душу, а смущеніе извѣстно откуда исходить къ намъ: оно исходить къ намъ прямо снизу. Отъ Бога свѣтъ, а не смущеніе. Да притомъ можно иногда и то себѣ сказать: точно ли я увидѣлъ такъ, какъ, слѣдуетъ, вещь? Зачѣмъ такая гордая увѣренность въ непреложности и безошибочности взгляда? Все же я человѣкъ, а не Богъ. Выгода этого способа та, что будешь по крайней мѣрѣ, покойнѣе, если даже и не узнаешь совершенно человѣка, а, сдѣлавшись покойнѣе, уже проло-

жишь шагъ къ совершенному его узнавію. Если же къ покою нашему да подоспѣтъ на помощь гнѣвъ, тогда и всякіе зрящіе глаза ослѣпнутъ. Есть другой способъ узнавать людей, гораздо дѣйствительнѣйшій перваго; но для тебя, по множеству твоихъ заботъ и безпрестанному разсѣянію твоихъ мыслей, среди тысячи предметовъ, невозможный. Нужно прожить долгою, погруженною глубоко въ себя жизнью, тамъ обрѣтешь всему разрѣшеніе. Свѣта никогда не узнаешь, толкаясь между людьми. На свѣтъ нужно всмотрѣться только вначалѣ, чтобы пріобрѣсть заглавіе той матеріи, которую слѣдуетъ узнавать внутри души своей. Это подтверждать тебѣ многіе святые молчаливники, которые говорятъ согласно, что, проживши такую жизнь, читаешь на лицѣ всякаго человѣка сокровенныя его мысли, хотя бы онъ и скрывалъ ихъ всячески“.

4) Къ А. А. ИВАНОВУ... „Спокойствія духа—никакъ не теряйте; на то, что получаютъ большія деньги другіе, никакъ не глядите; помните, что нельзя работать Богу и мамонѣ вмѣстѣ. Вы сами избрали трудную дорогу себѣ, стало быть, должны умѣть и крѣпиться на ней. Отъ голода вы никакъ не умрете, а понуждаться, конечно, покуда понуждаются“.

5) Къ Н. М. ЯЗЫКОВУ... „Если бы не было моря и волнъ, тогда бы и плыть было невозможно, и что тогда сильнѣй и упорнѣй слѣдуетъ грести обоими веслами, когда сильнѣй и упорнѣй противящіяся волны. Все ведетъ къ тому, чтобы мы крѣпче, чѣмъ когда либо прежде, ухватясь за крестъ, плыли воперекъ скорбей. Есть средство въ минутахъ трудныхъ, когда страданія душевныя или тѣлесныя бывають невыносимо-мучительны; его добылъ я сильными душевными потрясеніями, но тебѣ его открою. Если найдеть такое состояніе, бросайся въ плачъ и слезы. Молись рыданіемъ и плачемъ. Молись не такъ, какъ молится сидящій въ комнатѣ, но какъ молится утопающій въ волнахъ, ухватившійся за послѣднюю доску. Нѣтъ горя и болѣзни душевной или физической, которыхъ бы нельзя было выплакать слезами. Давидъ разливался въ сокрушеніяхъ, обливая одрѣ своей слезами—и получалъ тутъ же чудесное утѣшеніе. Пророки рыдали по цѣлымъ днямъ, алча услышать къ себѣ голосъ Бога—и только послѣ обильнаго источника слезъ, облегчалась душа ихъ, прозрѣвали очи, и ухо слышало Божій голосъ. Не жалѣй слезъ, пусть потрясется ими весь составъ твой: такое потрясеніе благотвительно. Иногда врачи употребляютъ всѣ средства для того, чтобы произвести потрясеніе въ больномъ, которое одно бы только пересилило болѣзнь—и не могутъ, потому что на многое не хватаетъ физическихъ средствъ. Много есть на всякомъ шагѣ тайнъ, которыхъ мы и не стараемся даже вопрошать. Спрашиваетъ ли кто нибудь изъ насъ: „что значить намъ случающіяся препятствія и несчастія? Для чего они случаются?“ Терпѣливѣйшія говорятъ обыкновенно: „такъ Богу угодно“. А для чего такъ Богу угодно? Чего хочетъ отъ насъ Богъ симъ несчастіемъ? Этихъ вопросовъ никто не задаетъ себѣ. Часто мы должны бы просить не объ отвращеніи отъ насъ несчастій, но о прозрѣніи, о проразумѣніи тайнаго ихъ смысла и о просвѣтлѣніи очей нашихъ. Почему знать? Можетъ быть, эти горя и страданія, которыя ниспосылаются тебѣ, ниспосылаются именно для того, чтобы произвести въ тебѣ тотъ душевный вопль, который бы никакъ не исторгнулся безъ этихъ страданій. Можетъ быть, именно этотъ душевный вопль долженъ быть горниломъ твоей поэзіи. Вспомни, что было время, когда стихи твои производили электрическое потрясеніе на молодежь, хотя эта молодежь и не имѣла большого поэтическаго чутья; но заключенный въ нихъ лиризмъ—глубокая истина души, живое отторгновеніе отъ самого тѣла души—потрясъ ихъ. Послѣдующіе твои стихи были обработаннѣе, обдуманнѣе, зрѣлѣе, но лиризмъ, эта чистая молитва души, въ нихъ угаснула. Не суждено лирическому

поэту быть покойному созерцателю жизни, подобно эпическому. Не может лирическая поэзія, подобно драматической, описывать страданія и чувства другого. По этому одному, она есть непритворнѣйшее выраженіе, истина выше всѣхъ истинъ, и гласъ Божій слышится въ ея восторгновеніи. Почему знать? можетъ быть, томленія и страданія именно ниспосылаются тебѣ для того, чтобы ты восчувствовалъ эти томленія и страданія во всей ихъ страшной силѣ, чтобы могъ потомъ представить себѣ во всей силѣ положеніе брата своего, находящагося въ подобномъ положеніи, какого положенія ты никогда бы не могъ представить себѣ, если бы не испыталъ его на себѣ самомъ, чтобы душа твоя подвинулась бы всею силою нѣжной любви къ нему, сильнѣйшей, чѣмъ та любовь, которую мы стремимся показывать, чтобы душа твоя проникнулась всею силою состраданія, сильнѣйшаго, чѣмъ наше блѣднее и холодное состраданіе. Голосъ изъ глубины страдающей души есть уже помощь великая другому страдающему. Нѣтъ, не мѣдной копеекой мы должны подавать милостыню — мѣдная копейка примется отъ того, кто на выработаніе ея употребилъ всѣ данныя ему отъ Бога способности; а мы развѣ употребили наши способности? гдѣ наши дѣла? Не часто ли, въ минуты бѣдствій, произносить человѣкъ: Господи! за что это приходится мнѣ терпѣть столько? Кажется, я никому не сдѣлалъ зла на этомъ вѣку, никого не обидѣлъ. Но что скажетъ онъ, если въ душѣ раздадутся, въ отвѣтъ на это, такія слова: „А что сдѣлалъ ты добра? Или ты призванъ за тѣмъ, чтобы не дѣлать только зла? Гдѣ твои прямо христіанскія дѣла? гдѣ свидѣтельства сильной любви твоей къ ближнему, первому условія христіанина? гдѣ они?“. Увы! можетъ быть, даже и тотъ, который находится при смерти, и тотъ не избавленъ отъ обязанностей христіанскихъ; можетъ быть, и тогда не имѣетъ онъ права быть эгонистомъ и думать о себѣ, а долженъ помышлять о томъ, какъ и самыя сраданьями своими быть полезнымъ брату. Можетъ быть, оттого такъ и невыносимы его страданія, что онъ позабылъ о своемъ братѣ. Много еще тайнъ для насъ, и глубокаго смысла несчастій! Можетъ быть, эти трудныя минуты и томленья ниспосылаются тебѣ для того, чтобы довести тебя именно до того о чемъ ты пресишь въ молитвахъ; можетъ быть, даже нѣтъ къ тому иной дороги, нѣтъ другого законнѣйшаго и мудрѣйшаго пути, какъ именно этотъ путь. Нѣтъ, не будемъ пропускать даромъ ничего, чтобы ни случилось съ нами, и будемъ ежеминутно молиться объ уясненіи очей нашихъ. Будемъ добиваться отвѣта изъ глубины душъ нашихъ и, что найдемъ тамъ въ утѣшеніе себѣ, да подѣлимся братски. Пока, мой совѣтъ вотъ какой: всякій разъ, въ минуту ли скорби, или въ ту минуту, когда твердое состояніе водворится въ твою душу, или въ ту минуту, когда обнимаетъ тебя всего состоянье умиленья душевнаго, набрасывай тотъ же часъ на бумагу, хотя въ видѣ однихъ іероглифовъ и краткихъ неопредѣленныхъ выраженій. Это очень важно. Въ трудную минуту ты, прочитавши ихъ, уже приведешь себя самъ хотя въ половину, въ состояніе того умиленья, въ которомъ ты пребывалъ тогда. Притомъ это будутъ зерна твоей поэзіи, не заимствованной ни откуда, и потому высоко-своеобразной. Если тебѣ скольконибудь удастся излить на бумагу состоянье души твоей, какъ она изъ лона скорби перешла къ утѣшенію, то это будетъ драгоценный подарокъ міру и человѣчеству.“

6) Къ А. А. ИВАНОВУ..... „На-счетъ картины вашей, скажу вамъ только то, какъ поступалъ я въ такомъ случаѣ, когда залягивалось у меня дѣло и нѣмѣла мысль передъ множествомъ вещей, которыя всѣ нужно было не пропустить. Накопленіе матеріаловъ и увеличиванье требованій отъ себя возрастало у меня наконецъ до того, что я почти съ отчаяніемъ говорилъ: „Господи! да тутъ работы на нѣсколько лѣтъ!“ Наконецъ, потерявъ всякое терпѣніе и изъ боязни, что

работа, можетъ быть, совсѣмъ не кончится, рѣшался я, во что бы ни стало, кончить какъ-нибудь, кончить дурно, но кончить, и, рѣшаясь твердо на это, собиралъ вдругъ всего себя, работалъ сильно, наконецъ оканчивалъ не только лучше, чѣмъ предполагалъ, но даже иногда и очень недурно. Дѣло въ томъ, что пока не соберешь всего себя и не подтолкнешь себя самага,—не знаешь даже, что именно въ тебѣ есть, потому что мы никогда не принимаемъ того въ соображеніе, что хотя мы и не работали руками, но мысли у насъ въ то время все-таки созрѣвали, наблюденіе и умъ совершенствовались, хотя и не на чемъ было ихъ испробовать. Повѣрьте, что по тѣхъ поръ, пока не одолѣтеъ вами досада, а можетъ быть, и совершенное отчаяніе, при мысли, что картина не будетъ кончена, до тѣхъ поръ она не будетъ кончена. Дни будутъ уходить за днями, и трудъ будетъ казаться безбрежнымъ. Человѣкъ такая скотина, что она только примется серьезно за дѣло, когда узнаетъ, что завтра приходится умирать. Притомъ вотъ вамъ одна очень важная истина, которой вы не повѣрите, или лучше—не допуститъ васъ къ тому ваша гордость. Пока не сдѣлаешь дурно, до тѣхъ поръ не сдѣлаешь хорошо. А вы не хотите и слышать о томъ, что вы можете сдѣлать дурно; вы хотите, чтобъ у васъ до послѣдней мелочи было все хорошо. Вы будете поправлять себя двадцать разъ на всякой черточкѣ, никакъ не захотите, чтобы оно было и осталось такъ, какъ есть, если не дастся лучше. Вы будете мучить себя и биться нѣсколько дней около одного мѣста до того, что отъ частныхъ обезсилѣетъ у васъ даже мысль о пѣломъ, которое тогда только, когда живо носится безпрестанно передъ глазами и говорить о возможности скорого выполненія... тогда только двигаетъ работу, ибо двигаетъ душу порывъ и вдохновеніе, а вдохновеніемъ много постигается того, чего не достигнешь никакими ученіями и трудами. Вотъ вамъ та истина, которую я слышалъ всегда въ душѣ, откуда исходятъ у насъ всѣ истины, и которую подтверждали мнѣ на всякомъ шагѣ и чужіе, и свои опыты. Но вы горды и съ этимъ не соглашаетесь, между прочимъ, потому, что не взглянули еще серьезно на жизнь. Вы легко приходите въ уныніе и не хотите догадаться, что у васъ самихъ могутъ быть найдены средства противу всего. Еще многое почитаете вы за выдумки, принимая въ буквальный смыслъ; еще то, что есть самая жизнь, для васъ безгласно и мертво, еще на многое смотрите вы остроумными глазами, а не глазами мудреца, просвѣтленнаго разумомъ свыше; еще вы не приобрѣли того, что одно могло бы двинуть работу и сообщить вамъ ту силу, до которой не достигнешь трудами и знаніями. Словомъ, вы еще далеко не христіанинъ, хотя и замыслили картину на прославленіе Христа и христіанства. Вы не почувствовали близкаго къ намъ участія Бога и всю высоту родственнаго союза, въ который Онъ вступилъ съ нами.“

7) Къ МАТЕРИ..... „Нѣтъ, не сдѣлавши добраго дѣла, не сдѣлавши ничего для своего ближняго, не подѣйствовавши благотѣльно на его характеръ, не обративши его истинно къ Богу, никогда не молитесь вы такъ, какъ слѣдуетъ помолиться. Только тогда въ силахъ помолиться человѣкъ такимъ образомъ, что неизъяснимая сладость наполняетъ во время молитвы его всего, такъ что и словъ уже не слѣдуетъ ему прибавлять отъ себя, потому что онъ слышитъ, что душа собою, уже безъ словъ, молится. Такія только молитвы возлетаютъ на небо, имъ только внемлетъ Богъ и даетъ за нихъ не только то, что просимъ, но даже въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ просимъ, а безъ того хотя бы вы рыланьемъ наполнили всю церковь и били себя въ грудь—безплодны будутъ молитвы.“

8) Къ А. О. СМЕРНОВОЙ..... „Будьте терпѣливы. Вначалѣ слишкомъ довольно

быть ясну со всёми, незлобу и не сердиться ни на что. Если вамъ гдѣ случится сдѣлать добро, то-есть, покажется, что можно его сдѣлать, вы рванетесь и потомъ увидите, что невозможно, а только показалось съ виду, что легко, не приходите отъ этого въ уныніе никакъ, оставьте это дѣло и обратитесь къ тѣмъ дѣламъ, которыя можно сдѣлать; и если послѣ многихъ добрыхъ дѣлъ, которыя вамъ удастся сдѣлать, въ продолженіе нѣкотораго времени въ другихъ мѣстахъ и которыя вы сдѣлали потому, что ихъ можно было сдѣлать, обратитесь вновь къ прежнему дѣлу, то увидите, что то, которое вамъ прежде казалось невозможнымъ, уже сдѣлается возможно. Мы всё зрѣмъ и зрѣмъ незамѣтно. Дѣлать добрыя дѣла есть также наука, и прежде, покамѣстъ не сдѣлаемъ меньшихъ, никакъ не сдѣлаемъ большихъ; и потому Боже васъ сохрани долго останавливаться надъ однимъ и ломать голову. Лучше, вмѣсто этого, помолитесь усердно и горячо Богу и летите на другое дѣло. Ихъ много, куда ни оглянетесь. Помните только то, что никакъ нельзя зѣвать и мѣшкать: времени намъ дано мало, и если на случай подвернется къ вамъ уныніе, вспомните, что даже и унынію некогда намъ предаваться: такъ у насъ занято все время и такъ много со всѣхъ сторонъ ждутъ насъ всякаго рода челобитчики. Будьте въ свѣтѣ то же, что расторопная хозяйка въ своемъ домѣ, у которой и минуты нѣтъ свободной и которая никакъ не спѣшитъ что-нибудь довести въ одинъ день до конца и не засидится въ одной комнатѣ, или въ одномъ мѣстѣ, но всюду заглянетъ, зная, что и, просто уже одинъ брошенный мимоходомъ взглядъ важенъ и что всюду ей нужно быть для того, чтобы дѣло со временемъ созрѣло во всѣхъ углахъ въ свой чередъ и въ свое время.

„...Итакъ, если хотите кого вести, то ведите его по дорогѣ, да притомъ по той дорогѣ, для которой даны ему уже заключенныя въ немъ способности: это будетъ его прямая дорога, по которой онъ долженъ идти ко Христу; всякою же другою ему будетъ труднѣе и несравненно дальше. Ставши на дѣлѣ, человѣкъ стоять не землѣ. Только на землѣ можно сѣять сѣмена; а если онъ самъ на воздухѣ, то и сѣмена, которыя пожелаете сѣять, будутъ бросаемы на воздухъ. И такъ всякаго человѣка, на котораго вы захотѣли бы подѣйствовать благотельно, узнайте въ дѣлахъ его, возбудите въ немъ прежде охоту къ тому дѣлу, которое болѣе всего по его способностямъ и силамъ, и думайте сначала только о томъ, чтобы онъ въ этомъ дѣлѣ, а не въ другихъ пустыхъ и ежедневныхъ дѣлахъ, соображался съ закономъ Христа. Дѣло все-таки будетъ гораздо болѣе наполнять его собою, чѣмъ пустяки. Но и здѣсь вы не говорите ему, чтобы онъ шелъ ко Христу, или соображался бы съ законами Христа. Онъ васъ не пойметъ и выпучитъ глаза, не постигая, какъ можетъ дѣло прозаическое связаться съ Христомъ,—дѣло, каково, напримѣръ, повѣрка счетовъ, возня съ чиновниками, уборка хлѣба, или сочиненія всякаго рода сочиненій во всякихъ родахъ. Вы сначала не произносите и имени Христа, возбудите прежде въ немъ находящіяся подстрекающія его орудія, какъ-то честолюбіе и проч., которыя огадили человѣкъ и, поворотивъ въ дурное, кельните и шингуйте его сначала ими, а Христа лучше сначала лучше заключите въ самихъ себѣ и заключите Его такъ, чтобы Онъ отразился во всякомъ вашемъ дѣйствіи, мнѣніи, поступкѣ и даже въ малѣйшемъ движеніи. И, повѣрьте, тогда изъ устъ вашихъ будетъ исходить одинъ чистый разумъ, и воодушевленныя внутренно Имъ, т. е. самимъ Христомъ, вы дадите самый умный и самый полезный совѣтъ. И тогда, не произнося даже имени Его предъ тѣми, которые не въ силахъ понять Его, вы заставите ихъ понемногу изумляться болѣе и болѣе великой правдѣ вашихъ совѣтовъ, и, наконецъ, когда придутъ въ силы узнать, откуда и отъ кого пришли къ вамъ эти совѣты, падутъ, можетъ быть, сами въ умиленіи и въ ужасѣ на колѣни, и, въ порывѣ благодарныхъ слезъ, не

найдутъ, можетъ быть, ни словъ, ни моленій, какъ возблагодарить Бога за то, что ниспослалъ къ нимъ васъ.“

„...Совѣтую не пренебрегать никакъ обществомъ. Вамъ Богъ далъ одно рѣдкое качество, которое до сихъ поръ вы не употребили въ дѣло—искусство разузнавать и выспрашивать. Богомъ ничего не дается даромъ. Узнавайте, спрашивайте и развѣдывайте все, но не предавайтесь ни негодованью, ни унынію, ни пристрастію (котораго у васъ много и которое все преувеличиваетъ въ вашихъ глазахъ), словомъ—не гнушайтесь свѣтомъ. Вѣдь вы же входите въ больницу, и какъ ни гадки тамъ болѣзни, какъ ни отвратительны раны и какъ ни болѣзненны вопли больныхъ, но васъ это не устрашаетъ, потому что вы подвигнуты истиннымъ и христіанскимъ состраданіемъ. Входите же съ такимъ самымъ чувствомъ и въ свѣтъ, и вы тамъ тоже много со временемъ можете сдѣлать добра. Но прежде всего терпѣнье! Вначалѣ разузнавайте, и ничего болѣе. Хотя бы вамъ показалось, что вы уже можете кое-что сдѣлать, не дѣлайте, пока не разузнаете еще больше и еще лучше. Никакой искусный и геніальный врачъ не возьмется лѣчить болѣзнь до тѣхъ поръ, пока не узнаетъ весь ходъ ея и всѣ излучины сопровождавшихъ ее обстоятельствъ.“

9) Къ А. А. ИВАНОВУ... Ваша картина не потому идетъ медленно, что васъ убиваетъ (даже въ началѣ получаемыхъ денегъ) мысль, что ихъ не хватитъ на окончанье; но идетъ ваша картина медленно потому, что нѣтъ подстрекающей силы, которая бы подвигнула васъ на увѣренное и твердое производство. Молите Бога объ этой силѣ и вспомните сіе мое слово: „Пока съ вами или лучше—въ васъ самихъ не произойдетъ того внутренняго событія, какое силитесь вы изобразить на вашей картинѣ, въ лицѣ подвигнутыхъ и обращенныхъ словомъ Іоанна Крестителя, повѣрьте, что до тѣхъ поръ не будетъ кончена ваша картина. Работа ваша соединена съ нашимъ душевнымъ дѣломъ, а откуда въ душѣ вашей не будетъ кистью высшаго художника начертана эта картина, потуда не напишется она вашею кистью на холстѣ. Когда же напишется она на душѣ вашей, тогда кисть ваша полетитъ быстрѣе самой мысли. Явленіе же это совершится въ васъ вотъ какимъ образомъ. Начнется оно запросомъ: „а что, если Богъ въ самомъ дѣлѣ (для того) сходилъ на землю и былъ человѣкомъ и нарочно для того окружилъ земное пребываніе свое обстоятельствами, возбуждающими сомнѣніе и сбивающими съ толку умныхъ людей, чтобы поразить гордящагося умомъ своего человѣка и показать ему, какъ сухъ, и слѣпъ и черствъ его умъ, и стоитъ одиноко, не вспоможествуемый другими, высшими способностями души и не озаренный свѣтомъ высшаго разума. Это будетъ началомъ обращенія, конецъ же будетъ, когда вы не найдете словъ ни изумляться, ни восхвалять необъятную мудрость Разума, предпріявшаго совершить такое дѣло—явиться въ міръ въ видѣ бѣднѣйшаго человѣка, не имѣвшаго угла, гдѣ приклонить гонимую главу свою, несмотря на все совершенство своей человѣческой природы—и это будетъ формальнымъ окончаніемъ вашего обращенія.“

10) Къ МАТЕРИ... „Счастливъ тотъ, кто видитъ свои ошибки и перебираетъ въ мысляхъ всѣ сдѣланныя дѣла свои, именно затѣмъ, чтобы отыскать въ нихъ ошибки: онъ достигнетъ совершенства и во всемъ успеетъ. Горе тому, кто самоувѣренъ и не разсматриваетъ прежнихъ поступковъ въ убѣжденіи, что онъ всѣ умны: ему никогда не добыть разума, и Богъ его оставитъ...“

11) Къ М. П. ПОГОДИНУ... „Только Христосъ есть другъ въ минуты несчастій. Будемъ же въ такомъ случаѣ покорны такому голосу и станемъ же чаще обращаться къ Самому Христу при малѣйшемъ нашемъ огорченіи. Къ Нему же достучь такъ простъ: двери церковныя открыты; стоитъ войти, покорно сложить

руки крестомъ и выслушать первыя слова, какія ни скажетъ служитель Христовъ; они всё придутся кетати.“

12) Къ А. А. ИВАНОВУ... „Ваше письмо нѣсколько темновато. Не позабудьте, что вы находитесь въ состоянїи того нервическаго размягченїя, когда все чувствуется сильнѣй и глубже: удовольствїя и непрїятности. Прежде всего нужно благодарить за это состоянїе Бога; оно не даромъ; оно посылается избранникамъ затѣмъ, чтобы умѣли они выше почувствовать многія вещи, чѣмъ онѣ есть,— затѣмъ, чтобы быть въ силахъ потомъ и другихъ возвести на высоту высшую той, на которой пребываютъ люди; равно какъ и горести даются намъ почувствовать сильнѣе затѣмъ, чтобы мы были сострадательнѣй прочихъ къ страждущимъ положенїямъ другихъ. Но нужно помнить, что творецъ высшихъ ощущенїй есть Богъ, возвышающїй наше сердце до нихъ, а не самый тотъ предметъ, который, повидимому, произвелъ ихъ.“

13) Къ В. Г. БѢДИНСКОМУ... „Съ чего начать мой отвѣтъ на ваше письмо, если не съ вашихъ же словъ: „Опомнитесь, вы стоите на краю бездны!“ Какъ далеко вы сбились съ прямого пути! въ какомъ вывороченномъ видѣ стали передъ вами вещи! въ какомъ грубомъ, невѣжественномъ смыслѣ привяли вы мою книгу! какъ вы ее истолковали!.. О, да внесутъ святыя силы миръ въ вашу страждущую душу! Зачѣмъ было вамъ перемѣнять разъ выбранную, мирную дорогу? Что могло быть прекраснѣе, какъ показывать читателямъ красоты въ твореньяхъ нашихъ писателей, возвышать ихъ душу и силы до пониманїя всего прекраснаго, наслаждаться трепетомъ пробужденнаго въ нихъ сочувствїя и такимъ образомъ невидимо дѣйствовать на ихъ души? Дорога эта привела бы васъ къ примиренїю съ жизнью, дорога эта заставила бы васъ благословлять все въ природѣ. А теперь уста ваши дышатъ желчью и ненавистью... Зачѣмъ вамъ, съ вашею пылкою душою, вдаваться въ этотъ омутъ политической (жизни), въ эти мутныя событїя современности, среди которой и твердая осмотрительность многосторонняго (ума) теряется? Какъ же съ вашимъ одностороннимъ, пылкимъ какъ порохъ умомъ уже всыхивающимъ прежде, чѣмъ еще успѣли узнать, какъ истина, а что (ложь), какъ вамъ не потеряться? Вы сгорите, какъ свѣчка и другихъ сожжете.“

14) Къ ГРАФУ А. П. ТОЛСТОМУ... „Хочу снова перечитать все мною читанное для души, начиная съ Ефрема Сирина, Златоуста и Макарія Египетскаго, какъ совѣтуетъ онъ, тѣмъ болѣе, что я замѣчалъ, что послѣ всякаго такого чтенїя становится яснѣе взглядъ на Евангелїе и многія мѣста въ немъ становятся доступнѣе. Впрочемъ, обо всемъ этомъ, равно какъ и о прочемъ поговоримъ при свиданїи. А покамѣстъ сдѣлаете недурно и вы, если займетесь такимъ же чтенїемъ хоть по главѣ въ день, разумѣется, съ обращенїемъ на себя и припоминанїемъ себѣ всей прежней жизни своей. Вамъ станетъ тоже потомъ доступнѣе Евангелїе и яснѣе всякое слово Спасителя.“

15) Къ ОЦУ МАТӨЕЮ... „Помолитесь обо мнѣ, добрая душа, чтобы я въ силахъ былъ тепло и сильно помолиться. Просите Бога, чтобы на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ проходили Божественныя стопы Единороднаго Сына Его, сказало бы мнѣ сердце мое все, что мнѣ нужно. Хотѣлось бы мнѣ, чтобы со дня этого поклоненїя моего понесъ бы я повсюду образъ Христа въ сердцѣ моемъ, имѣя ежеминутно Его предъ мысленными глазами своими. Признаюсь вамъ, я до сихъ поръ увѣренъ, что законъ Христовъ можно внести съ собой повсюду, даже въ стѣны тюрьмы, и можно исполнять Его требованья во всякомъ званїи и сословїи: его можно исполнять также и въ званїи писателя. Если писателю данъ талантъ, то, вѣрно, и не даромъ и не на то, чтобы обратитъ его въ злое. Если въ живописцѣ есть склонность къ живописи, то, вѣрно, Богъ, а не кто другой, винов-

чикъ этой склонности. Вольно было живописцу, на мѣсто того, чтобы изображать кистью предметы высокіе, образа угодниковъ Божіихъ и высшихъ людей, писать соблазнительныя сцены развратныхъ увеселеній и униженія человѣческаго. Развѣ не можетъ и писатель, въ занимательной повѣсти, изобразить живые примѣры людей лучшихъ, чѣмъ какихъ изображаютъ другіе писатели,—представить ихъ такъ живо, какъ живописецъ? Примѣры сильнѣе разсужденія; нужно только для этого писателю умѣть прежде самому сдѣлаться добрымъ и угодить жизнью своей сколько-нибудь Богу“.

16) Къ МАТЕРИ... „Знайте же, что несчастій нѣтъ на свѣтѣ, что въ этихъ несчастіяхъ заключены глубокія наши счастья. Всякій разъ, послѣ всякаго приключенія, какое ни случалось со мною и какое называется у иныхъ людей несчастіемъ, очи разума моего становились яснѣе и въ умилении душевномъ я видѣлъ, что они суть крылья наши и приближаютъ насъ ближе къ цѣли, отъ которой, повидимому, кажется, какъ будто отталкиваютъ. Они суть Божіи глаголы къ намъ и всѣ полны мудрости необъятной. Но не думаютъ, не хотятъ люди вникнуть въ значеніе ихъ, не хотятъ узнать, что Богъ требуетъ дѣятельности отъ ума нашего, что для пробужденія нашего посылаются несчастія и затрудненія, что всякую минуту вызываетъ Онъ ими насъ пробудиться отъ лѣни, объемлющей нашу душу, что всякую минуту говоритъ Онъ ими, что мы не бесполезно и не даромъ созданы на свѣтѣ, что строго должны мы обсудить и взвѣсить себя, и узнать, какая есть у насъ истинно-полезная сторона, не обманываютъ ли насъ очи наши, будто бы уже, точно, нѣтъ у насъ никакой способности, которую бы могли употребить на благо. Нѣтъ бесполезнаго человѣка въ мірѣ, и горе тому, кто не откроетъ, на что онъ полезенъ, и не молитъ Бога о томъ, чтобъ уяснялъ и открывалъ ему очи—увидѣть полезность свою. Ужасно будетъ наказанъ тотъ, кто получилъ отъ Бога талантъ и зарылъ его въ землю, а нѣтъ человѣка, который бы не получилъ какого-нибудь таланта. Тому дано пять, тому два, тому одинъ,—тому мало, тому много, но всякому что-нибудь дано на долю, и равное взысканіе будетъ всѣмъ. Обращали ли онѣ хоть разъ вниманіе на значеніе жизни человѣка? Человѣкъ призванъ въ міръ, стало быть, онъ нуженъ міру. Человѣкъ поставленъ на этомъ мѣстѣ, а не на другомъ, стало быть онъ нуженъ на этомъ мѣстѣ, а не на другомъ. Если же бы онъ не былъ нуженъ ни на что, онъ бы не стоялъ уже на землѣ, а гдѣнибудь на воздухѣ, гдѣ бы не одинъ предметъ вокругъ него не напоминалъ ему, что онъ долженъ заниматься имъ... Крестьянинъ вырабатываетъ трудомъ и потомъ средства своей жизни, а мы кушаемъ да поджидаемъ гостей, да выдумываемъ куда бы поѣхать, гдѣ бы лучше поразвлечь себя, и чѣмъ бы именно поразвлечь себя, да почитаемъ пріятную книгу, да зѣваемъ и жалуемся на скуку, тогда какъ нужно дивиться, какъ не задуть и не заѣсть насъ на смерть эта скука“.

17) Къ В. А. ЖУКОВСКОМУ. „Искусство есть водвореніе въ душу стройности и порядка, а не смущенія и разстройства. Искусство должно изобразить намъ такимъ образомъ людей земли нашей, чтобы каждый изъ насъ почувствовалъ, что это живые люди, созданные и взятые изъ того же тѣла, изъ котораго и мы. Искусство должно выставить намъ на видъ всѣ доблестныя народныя качества и свойства, не выключая даже и тѣхъ, которыя, не имѣя простора свободно развиться, не всѣми замѣчены и оцѣнены такъ вѣрно, что бы каждый почувствовалъ ихъ и въ себѣ самомъ и загорѣлся бы желаніемъ развить и возлѣблять въ себѣ самомъ то, что имъ заброшено и позабыто. Искусство должно выставить намъ всѣ дурныя наши народныя качества и свойства такимъ образомъ, чтобы слѣды ихъ каждый изъ насъ отыскалъ прежде въ себѣ самомъ; и подумалъ бы

о томъ, какъ прежде съ самого себя сбросить все омрачающее благородство природы нашей. Тогда только и такимъ образомъ дѣйствуя, искусство исполнить свое назначеніе и внести порядокъ и стройность въ общество“.

18. Къ А. А. ИВАНОВУ... „Работая свое дѣло, нужно твердо помнить, для кого его работаешь, имѣя безпрестанно въ виду того, кто заказалъ намъ работу. Работаешь ты, напримѣръ, для земли своей, для вознесенія искусства, необходимаго для просвѣщенія человѣка, но работаешь потому только, что такъ приказалъ вамъ Тотъ, Кто далъ вамъ всѣ орудія для работы, стало быть заказыватель Богъ, а не кто другой. А потому Его одного слѣдуетъ знать. Помѣшаешь ли кто-нибудь—это не моя вина, я этимъ не долженъ смущаться,—если только дѣйствительно другой помѣшалъ, а не я самъ себя помѣшалъ. Мнѣ нѣтъ дѣла, до того, кончу ли я свою картину, или смерть меня застигнетъ на самомъ трудѣ: я долженъ до послѣдней минуты своей работать, не сдѣлавши никакого упущенья съ своей собственной стороны. Еслибы моя картина погибла или сгорѣла передъ моими глазами, я долженъ быть также покоенъ, какъ еслибы она не существовала, потому что я не зѣвалъ, я трудился. Хозяинъ, заказавшій это, видѣлъ. Онъ допустилъ, что она сгорѣла. Это Его воля. Онъ лучше меня знаетъ, и что для чего нужно. Только мысля такимъ образомъ, мнѣ, кажется, можно остаться покойнымъ среди всего. Кто же не можетъ такимъ образомъ мыслить, въ томъ значать, еще много есть тщеславія, самолюбія, желанья временной славы и земныхъ суетныхъ помышлений. И никакими средствами, покровительствами, защищеніями не спасетъ онъ себя отъ безпокойства.“

19) Къ ГР. А. М. ВІЕЛЬГОРСКОЙ... „Что такое значить сдѣлаться русскимъ на самомъ дѣлѣ? Въ чемъ состоитъ привлекательность нашей русской породы, которую мы теперь стремимся развивать непрерывно, сбрасывая все ей чуждое, непріличное и несвойственное. Въ чемъ это она состоитъ? Это нужно рассмотреть внимательно! Высокое достоинство русской породы состоитъ въ томъ, что она способна глубже, чѣмъ другія, принять въ себя высокое слово евангельское, возводящее къ совершенству человѣка. Сѣмена Небеснаго Сѣятеля съ равною щедростью были разбросаны повсюду, но одни попали на проѣзжую дорогу при пути, и были расхищены налетавшими птицами; другія попали на камни—взошли, но усохли; третія—въ терніи—взошли, но скоро были заглушены дурными травами; четвертыя только, попавшія на добрую почву, принесли плодъ. Эта добрая почва—русская воспримчивая природа: хорошо взлелѣяныя въ сердцѣ сѣмена Христовы дали все лучшее, что ни есть въ русскомъ характерѣ. Итакъ, для того, чтобы сдѣлаться русскимъ, нужно обратиться къ источнику, прибѣгнуть къ средству, безъ котораго русскій не станетъ русскимъ въ значеніи высшемъ этого слова. Можетъ быть, одному русскому суждено почувствовать ближе значеніе жизни. Правду словъ этихъ можетъ засвидѣтельствовать только Тотъ, Кто проникнетъ глубоко въ нашу исторію и ее уразумѣетъ вполнѣ, отбросивши напередъ всякія мудрованія, предположенія, идеи, самоувѣренность, гордость и убѣжденіе, будто бы уже постигнулъ, въ чемъ дѣло, тогда какъ едва только приступилъ къ нему. Да, въ исторіи нашего народа примѣчается чудное явленіе развратъ, безпорядки, смуты, темныя, порожденія невѣжества, равно какъ раздоры и всякія несагласія, были у насъ еще, быть можетъ, въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ гдѣ-либо. Они ярко выказываются на всѣхъ страницахъ нашихъ лѣтописей. Но за то въ же самое время свѣтится свѣтъ въ избранныхъ сильнѣй, чѣмъ гдѣ-либо. Слышатся также повсюду въ лѣтописяхъ слѣды сокровенной внутренней жизни, о которой подробной повѣсти они намъ не передали. Слышна возможность основанія гражданскаго на чистѣйшихъ законахъ христіанскихъ. Видишь передъ глазами радушную старину, ея довольство, госте-

примство, радостное, умное обращеніе съ гостями съ изумительнымъ отсутствіемъ скучнаго этикета, признаннаго необходимымъ нынѣшнимъ вѣкомъ. Словомъ, видимъ соединеніе Марѳы и Маріи вмѣстѣ или, лучше, видимъ Марѳу не рошущую на Марію, но согласившуюся въ томъ, что она избрала благую часть, и нечего не придумавшую лучше, какъ остаться въ повелѣніяхъ Маріи, то-есть заботиться только о самомъ немногомъ изъ хозяйства земнаго, чтобы черезъ это придти въ возможность вмѣстѣ съ Маріей заниматься хозяйствомъ небеснымъ“.

20) Къ В. А. ЖУКОВСКОМУ... „Покуда человекъ молодъ, онъ поэтъ, даже и тогда, когда не писатель; когда же онъ созрѣетъ, онъ долженъ вспомнить, что онъ человекъ, даже и тогда, когда писатель. А что человекъ? Его значеніе высоко: ему опредѣлено стать выше ангела небснаго, любовью пострадавшаго за насъ Христа. Покуда писатель молодъ, онъ пишетъ много и скоро. Воображеніе подталкиваетъ его непрерывно; онъ творитъ, строитъ очаровательные воздушные себѣ замки, и не мудрено, что писанью, какъ и замкамъ, нѣтъ конца. Но когда уже одна чистая правда стала его предметомъ и дѣло касается того, чтобы прозрачно отразить жизнь въ ея высшемъ достоинствѣ, въ какомъ она должна быть и можетъ быть на землѣ и въ какомъ она есть, покуда, въ немногихъ избранныхъ и лучшихъ; тутъ воображеніе немного подвигнетъ писателя: нужно добыть съ боя всякую черту“.

21) Къ МАТЕРИ... „О, еслибы мы сумѣли хоть время поста отдать всецѣло Богу! О, если бы мы хоть въ это святое время провели жизнь, сообразуясь съ тѣмъ, что скажетъ о насъ Богъ, а не люди! какъ бы тогда разумнѣй потекло все прочее время года, а съ нимъ и всѣ наши хозяйственные и всякія дѣла, по слову Божію „Ищите прежде правды и царствія Божія—и сія вся приложатся вамъ“. А мы глядимъ безпрестанно на то, что скажутъ люди. О, пусть погибнетъ эта обманчивая, заводящая человекъ въ бездну и въ погибель философія—соображаться съ тѣмъ, что скажутъ люди! Съ нею и людямъ не угодишь, и Бога потеряешь на-вѣки. Счастливецъ же, соображающій свою жизнь съ тѣмъ, что скажетъ Богъ, сдѣлается потомъ неминуемо любезенъ всѣмъ людямъ. Ради самаго Христа, пострадавшаго за насъ, прошу и умоляю, не пропустите нынѣшняго поста и воспользуйтесь имъ. О, какъ нужно намъ всѣмъ вразумленіе свыше! Я знаю это по себѣ. Какъ только было у меня что-нибудь сдѣлано безъ Божьяго вразумленія— всегда выходила такая глупость, что я краснѣлъ и не зналъ, куда дѣться отъ стыда передъ самимъ собой. Пора, пора намъ праянться наконецъ за главное дѣло и, бросивъ всякія наружныя украшенія, какихъ требуютъ люди, позаботиться не въ шутку объ украшеніи душъ! Другую, другую жизнь нужно повести,—простую, простую, какую ведетъ уже человекъ, думающій о Богѣ. Для этой жизни немного нужно. Для жизни евангельской, какую любить Христось, немного издержекъ. Говорю вамъ это потому, что невольно обнимается душа ужасомъ, видя какъ съ каждымъ днемъ мы отдаляемся все больше и больше отъ жизни, предписанной намъ Христомъ. А смерть подходит между тѣмъ къ намъ все ближе и ближе... Боже спаси и помоги! Но и Богъ не можетъ гомочь, если мы не хотимъ устроить жизнь нашу сообразно съ тѣмъ, что написано въ Евангеліи. Ни къ чему не послужитъ то, что мы только сохраняемъ въ теоріи, а не воплощаемъ тутъ же въ дѣло. Удивляться ли тому, что Милосердый Богъ, видя такое неустройство нашей жизни, насылаетъ намъ наконецъ тяжелыя времена. Милосердый, хочетъ насъ заставить насильно вспомнить о томъ, что нужно повести другую жизнь, насильно хочетъ насъ спасти, позабывшихъ святое Его слово, что узкій только путь ведетъ въ царствіе небесное, а широкій вводитъ въ пагубу. Помыслимъ же объ этомъ не въ шутку въ нынѣшнее благопріятное время поста.

Храни насъ Богъ думать, что слова Христовы говорятся такъ, лишь бы только пострадать, напугать насъ! Нѣтъ, Онъ Самъ сказалъ про непреложность словъ своихъ: „Небо и земля прейдутъ, а словеса Мои не прейдутъ“.

22) Къ Гр. А. П. Т....МУ. „Безъ любви къ Богу никому не спасется, а любви къ Богу у васъ нѣтъ. Въ монастырь идутъ одни тѣ, которыхъ уже позвалъ туда Самъ Богъ. Безъ воли Бога нельзя и полюбить Его. Да и какъ полюбить Того, котораго никто не видалъ? Какими молитвами и усиліями вымолить у Него эту любовь? Смотрите, сколько есть теперь на свѣтѣ добрыхъ и прекрасныхъ людей, которые добиваются этой любви и слышать одну только черствость, да холодную пустоту въ душахъ. Трудно полюбить того, кого никто не видалъ. Однѣхъ Христосъ принесъ и возвѣстилъ намъ тайну, что въ любви къ братьямъ получаемъ любовь къ Богу. Стоитъ только полюбить ихъ такъ, какъ приказалъ Христосъ, и сама собой выйдетъ въ итогѣ любовь къ Богу Самому. Идите же въ міръ и пріобрѣтите прежде любовь къ братьямъ.

Но какъ полюбить братьевъ? Какъ полюбить людей? Душа хочетъ любить одно прекрасное, а бѣдные люди такъ несовершенны, и такъ въ нихъ мало прекраснаго! Какъ же сдѣлать это? Поблагодарите Бога прежде всего за то, что вы русскій. Для русскаго теперь открывается этотъ путь, и этотъ путь—есть сама Россія. Если только возлюбить русскій Россію, возлюбить и все, что ни есть въ Россіи. Къ этой любви насъ ведетъ теперь Самъ Богъ. Безъ болѣзней и страданій, которыя въ такомъ множествѣ накопились внутри ея и которыя виною мы сами, не почувствовали бы никто изъ насъ къ ней состраданія. А состраданіе есть уже начало любви. Уже крики на безчинства, неправды и взятки не просто негодованіе благородныхъ на безчестныхъ, но вопль всей земли, слышавшей, что чужеземные враги вторгнулись въ безчисленномъ множествѣ, разсыпались по домамъ и наложили тяжелое ярмо на каждого человѣка; уже и тѣ, которые приняли добровольно къ себѣ въ домъ этихъ враговъ душевныхъ, хотятъ отъ нихъ освободиться сами, и не знаютъ, какъ это сдѣлать, и все сливается въ однѣхъ потрясающій вопль, уже и безчувственные подвигаются. Но прямой любви еще не слышно ни въ комъ,—ея нѣтъ таки и въ васъ. Вы еще не любите Россію: вы умѣете только печалиться да раздражаться слухами обо всемъ дурномъ, что въ ней ни дѣлается; въ васъ все это производитъ только одну черствую досаду да уныніе. Нѣтъ это еще не любовь, далеко вамъ до любви, это развѣ только одно слишкомъ отдаленное ея предвѣстіе. Нѣтъ, если вы дѣйствительно полюбите Россію, у васъ пропадетъ тогда сама собою та близорукая мысль, которая зародилась теперь у многихъ честныхъ и даже умныхъ людей, то-есть, будто въ теперешнее время они ничего уже не могутъ сдѣлать для Россіи, и будто они уже не нужны ей совсѣмъ; напротивъ, тогда только во всей силѣ вы почувствуете, что любовь всемогуща и что съ нею все можно сдѣлать. Нѣтъ, если вы дѣйствительно полюбите Россію, вы будете рваться служить ей; не въ губернаторы, въ капитанъ-исправники пойдете, послѣднее мѣсто, какое ни отыщется въ ней, возьмете, предпочитая одну крупицу дѣятельности на немъ всей вашей нынѣшней бездѣйственной и праздною жизни. Нѣтъ, вы еще не любите Россіи, а не полюбивши Россіи—не полюбите вимъ своихъ братьевъ, а не полюбивши своихъ братьевъ—не возгорѣтся вамъ любовью къ Богу, а не возгорѣвшись любовью къ Богу, не спасется вамъ“.

Гоголь, какъ историкъ-профессоръ. *)

Настоящій очеркъ имѣетъ своей задачей напомнить о томъ моментѣ дѣятельности Н. В. Гоголя (1834 и 1835 годы), когда нашъ гениальный писатель преподавалъ въ петербургскомъ университетѣ всеобщую исторію и написалъ по этому предмету нѣсколько статей-лекцій.

Свой взглядъ на исторію Гоголь высказалъ въ статьѣ „О преподаваніи всеобщей исторіи“.

„Она (т. е. всеобщая исторія), говоритъ Гоголь,—должна собрать въ одно всѣ народы міра, разрозненные временемъ, случаемъ, горами, морями, и соединить ихъ въ одно стройное цѣлое, изъ нихъ составить одну величественную полную поэму... Всѣ событія міра должны быть такъ тѣсно связаны между собою и дѣлаться одно за другое, какъ кольца въ цѣпи... Связь эта должна заключаться въ одной общей мысли, въ одной неразрывной исторіи человѣчества, передъ которою и государства, и событія—временные формы и образцы! Міръ долженъ быть представленъ въ томъ же колоссальномъ величіи, въ какомъ онъ являлся, проникнутый тѣми же таинственными путями Промысла, которые такъ непостижимо на немъ означались... Въ чемъ же заключается задача историка? „Все,—поясняетъ Гоголь,—что ни является въ исторіи—народы, событія,—должны быть непременно живы и какъ бы находиться передъ глазами слушателей или читателей, чтобъ каждый народъ, каждое государство сохраняли свой міръ, свои краски, чтобъ народъ, со всѣми своими подвигами и вліяніемъ на міръ, проносился ярко, въ такомъ же точно видѣ и костюмѣ, въ какомъ былъ онъ и въ минувшія времена. Затѣмъ Гоголь излагаетъ „эскизъ все-исторіи человѣчества“, опускакая впрочемъ въ немъ эпоху французской революціи 1789 г. Въ заключеніи этой статьи Гоголь такъ опредѣляетъ задачу профессора исторіи: „...цѣль моя—образовать сердца юныхъ слушателей той основательной опытностью, которую развертываетъ исторія, понимаемая въ ея истинномъ величіи, сдѣлать ихъ твердыми, мужественными въ своихъ правилахъ, чтобы никакой легкомысленный фанатикъ и никакое минутное волненіе не могло поколебать,—сдѣлать ихъ кроткими, почкорными, благородными, необходимыми и нужными сподвижниками Великаго Государя, чтобы ни въ счастіи, ни въ несчастіи не взмѣнили они своему долгу, своей вѣрѣ, своей благородной чести и своей клятвѣ—быть вѣрными Отечеству и Государю“. Въ статьѣ „Шлецеръ, Миллеръ и Гердеръ“ Гоголь, характеризуя этихъ „великихъ зодчихъ всеобщей исторіи“, перечисляетъ требованія, которымъ долженъ удовлетворять историкъ, желающій „написать всеобщую исторію“. Изъ трехъ періодовъ (древній, средній и новый) всеобщей исторіи Гоголь облюбовалъ себѣ средніе вѣка. Выборъ этотъ былъ обусловленъ особенностями душевнаго склада и общимъ міросозерцаніемъ нашего писателя. „Психика поэта—справедливо замѣчаетъ Несторъ Котляревскій,—не мало участвовала въ этомъ выборѣ; гдѣ было найти такое преобладаніе мечты надъ реальной жизнью, такое вторженіе чудеснаго и небеснаго въ житейское, такое самопогруженіе людей въ область религіозной и философской мысли, какъ въ эту романтическую эпоху человѣческой жизни?“ (Н. Котляревскій. „Н. В. Гоголь“. 1829—1842. Изд. 2-е Спб., 1908, стр. 200).

Въ августѣ 1834 г. Гоголь прочелъ въ петербургскомъ университетѣ **)

*) Н. З. Керовъ, „Пед. Л.“ 3, 1909.

**) Лекціи Гоголя слушалъ И. С. Тургеневъ, бывшій тогда студентомъ спб. университета. Тогда же студентомъ послѣдняго курса былъ впоследствии знаменитый историкъ-профессоръ Грановскій.

вступительную лекцію „О средних вѣкахъ“. Въ этой лекціи, на которой присутствовали Пушкинъ и Жуковский, Гоголь далъ своимъ слушателямъ блестящій художественный обзоръ главныхъ явленій средневѣковой исторіи. Средніе вѣка, сказалъ профессоръ въ началѣ своей лекціи, „составляютъ узелъ, связывающій міръ древній съ новымъ; имъ можно назначить то же самое мѣсто въ исторіи человѣчества, какое занимаетъ въ устроеніи человѣческаго тѣла сердце, къ которому текутъ и отъ котораго исходятъ всѣ жилы“. (Соч. Гоголя, т. V, 118). Одинъ изъ слушателей Гоголя такъ передаетъ впечатлѣніе отъ этой лекціи: „Невозможно было спокойно слѣдить за его мыслью, которая летѣла и преломлялась, какъ молнія, освѣщая безпрестанно картину за картиной въ этомъ мракѣ средневѣковой исторіи“. (В. И. Шенрокъ „Матеріалы для біогра. Гоголя“. Т. II, М., 1893, стр. 229). Гоголь средніе вѣка не только любилъ, какъ поэтъ, но и изучалъ ихъ, какъ ученый, что видно изъ статьи его „Библіографія среднихъ вѣковъ“. Но болѣе всего влекло Гоголя къ среднимъ вѣкамъ какое-то внутреннее родство его души съ культурой той отжившей эпохи европейскаго человѣчества. „Идейность, таинственность и религіозность среднихъ вѣковъ,—говоритъ проф. Н. Котляревскій,—были историческимъ подтвержденіемъ многихъ для него самого живыхъ чувствъ и мыслей. Позднѣе, подъ конецъ жизни, его міросозерцаніе приняло даже нѣкоторый средневѣковой отбѣнокъ, и его мистицизмъ, самобичеваніе, религіозный экстазъ, его посты и молитвы, его путешествіе ко Гробу Господню, его покояніе передъ всѣмъ свѣтомъ были проявленіемъ тѣхъ самыхъ чувствъ и того настроенія, которыя рисовались ему столь заманчивыми въ исторической дали. Гоголь—профессоръ среднихъ вѣковъ предвѣщалъ уже появленіе Гоголя-проповѣдника религіозной, аскетической и смиренной морали“. (Котляревскій. „Н. В. Гоголь“, 205). Изъ другихъ чтеній Гоголя по средней исторіи выдѣляется глубиной мысли и особенно художественностью характеристики лекція „Ал.-Мамунъ“ (Соч., т. V, 234), прочитанная въ октябрѣ 1834 г. въ присутствіи Пушкина и Жуковскаго, которые нашли ее „увлекательной“ (Шенрокъ, II, 235, 238). Остальныя лекціи Гоголя, по отзыву его слушателя, были „очень сухи и скучны“ (idid., 238), и наконецъ въ 1835 г. Гоголь оставилъ университетскую кафедру, какъ совершенно не подходящую для его истиннаго призванія.

Т р у д ъ.

Человѣкъ рожденъ на то, чтобы трудиться. „Въ потѣ лица съѣси хлѣбъ свой“, сказалъ Богъ по изгнаньи человѣка за непослушанье изъ рая, и съ тѣхъ поръ это стало заповѣдью человѣку, и кто уклоняется отъ труда, тотъ грѣшитъ и передъ Богомъ. Всякую работу дѣлай такъ, какъ бы ее заказалъ тебѣ Богъ, а не человѣкъ. Если бы и не наградили тебя человѣкъ здѣсь—не ропщи; зато больше наградитъ тебя Богъ. Важнѣй всѣхъ работъ—работа земледѣльца. Кто обрабатываетъ землю, тотъ больше другихъ угоденъ Богу. Сѣй и для себя, сѣй и для другихъ, сѣй, хотя бы и не надѣялся, что пожнешь самъ; пожнуть твои дѣти; скажетъ спасибо тотъ, кто воспользуется твоимъ трудомъ,—вспомнеть имя твое и помолится о душѣ твоей. Во всякомъ случаѣ тебѣ выгода: всякая молитва у Бога значить. Только трудись съ той мыслью, что трудиться для Бога, а не для человѣка, и не смотри ни на какія неудачи: хоть бы все то, что наработалъ, и пропало, побито было градомъ,—не унывай и снова принимайся за рабо-

ту. Богу не нужно, чтобы ты выработалъ много денегъ на этомъ свѣтѣ; деньги останутся здѣсь. Ему нужно, чтобы ты не былъ въ праздности и работалъ. Поэтому, работая здѣсь, выработываешь себѣ Царствіе Небесное, особенно если работаешь съ мыслью, что онъ работаетъ Богу. Работа—святое дѣло. Когда дѣлаешь работу, говори въ себѣ: „Господи, помоги!“ и за всякимъ разомъ говори: „Господи, помилуй!“ Заступомъ ли копнешь или ударишь топоромъ, говори: „Господи, удостой меня быть въ раю съ праведниками“. Когда дѣлаешь работу, старайся быть такъ благочинну въ мысляхъ, какъ бы ты былъ въ церкви, чтобъ отъ тебя никто не услышалъ браннаго слова, чтобы и грубаго не услышалъ отъ тебя товарищъ; чтобы во взаимной любви всѣхъ совершалось дѣло: тогда работа—святое дѣло. Тогда такая работа спасетъ твою душу. Такою работою здѣсь—заработаешь ты себѣ Царствіе Небесное тамъ.

Гоголь.

Изъ книги Н. В. Гоголя:

„Размышленія о Божественной Литургіи.“

1.

Божественная Литургія есть, въ нѣкоторомъ смыслѣ, вѣчное повтореніе великаго подвига любви, для насъ совершившагося. Скорбь отъ неустроеній своихъ, человѣчество отовсюду, со всѣхъ концовъ міра, взывало къ Творцу своему. И пребывавшіе во тьмѣ язычества и лишенные Боговѣдѣнія сознавали, что порядокъ и стройность могутъ быть водворены въ мірѣ только Тѣмъ, Который въ стройномъ чинѣ повелѣлъ двигаться мірамъ, отъ Него созданнымъ. Тоскующая тварь звала своего Творца. Безсильная понимать великій языкъ не только ежедневно совершающихся и говорящихъ событій въ мірѣ Божиємъ, но даже разобрать и малѣйшую букву, требующую вѣковыхъ усилій, выжидала она вразумленія изъ устъ Самого Творца. Воплями взывало все къ Виновнику своего бытія, и вопли эти слышнѣе слышались въ устахъ избранныхъ и Пророковъ. Предчувствовали и гадали, что если Создатель предстанетъ Самъ лицомъ къ человѣкамъ, то предстанетъ не иначе, какъ въ образѣ созданія Своего, созданнаго по Его образу и подобию. Вочеловѣченіе Бога на землѣ предоставлялось всѣмъ по мѣрѣ того, какъ сколько-нибудь очищались понятія о Божествѣ; но ясно говорилось объ этомъ только у Пророковъ Богоизбраннаго народа. И самое чистое воплощеніе Его отъ чистой Дѣвы было предслышано даже и язычниками, но ясно говорилось о томъ только у Пророковъ.

Вопли услышаны: явился въ мірѣ, Имъ же *міръ бысть*. Среди насъ явился Онъ подобнымъ намъ, въ образѣ человѣка, какъ предчувствовали, какъ предслышали и въ темной тьмѣ язычества; но только не въ томъ видѣ, въ какомъ представлялся Онъ ихъ неочищенному понятію: не въ гордомъ блескѣ и величій, не какъ каратель преступленія, не какъ судія, приходящій истребить однихъ, наградить другихъ,—нѣтъ, совершилось Его явленіе образомъ, только одному Богу свойственнымъ...

II.

Дѣйствіе Божественной Литургіи велико: зримо и въ-очію совершается, въ виду всего свѣта и скрыто. Если только молящійся благоговѣнно и при-

лежно слѣдить за всякимъ дѣйствіемъ, душа его пріобрѣтаетъ высокое настроеніе, заповѣди Христовы становятся для него исполнимы, иго Христово благо и бремя легко. По выходѣ изъ храма, гдѣ онъ присутствовалъ при Божественной трапезѣ любви, онъ глядитъ на всѣхъ, какъ на братьевъ. Принимается ли онъ за обыкновенныя дѣла свои въ службѣ, или въ семьѣ, гдѣ бы то ни было,—сохраняетъ невольно въ душѣ своей высокое начертаніе одушевленнаго любовію обращенія съ людьми, принесенное съ небесъ Богочеловѣкомъ. Если имѣетъ власть надъ другими,—невольно становится милостивѣй съ подчиненными. Если самъ подъ властью другого,—охотнѣе и съ любовію ему повинуются. Если видитъ просящаго помощи,—сердце его болѣе чѣмъ когда-либо располагается помогать. Если онъ неимущій,—онъ благодарно принимаетъ малѣйшее даяніе, и никогда съ такою признательностію не молится онъ о своемъ благодѣтелѣ. И всѣ, прилежно слушавшіе Божественную Литургію, выходятъ кротче, добрѣе въ обхожденіи съ людьми, дружелюбнѣе, тише во всѣхъ поступкахъ. А потому для всякаго, кто только хочетъ идти впередъ и становится лучше, необходимо частое, сколько можно, посѣщеніе Божественной Литургіи и внимательное слушаніе. Она нечувствительно строитъ и создаетъ человѣка, и если общество еще не совершенно распалось, если люди не дышатъ полною, непримиримой ненавистью между собою, то сокровенная причина тому есть Божественная Литургія, напоминающая человѣку о святой, небесной любви къ брату. А потому, кто хочетъ укрѣпляться въ любви, долженъ сколько можно чаще присутствовать, со страхомъ, вѣрою и любовію, при священной трапезѣ любви, если онъ чувствуетъ себя недостойнымъ принимать въ уста свои Самого Бога, Который весь любовь, то хотя быть зрителемъ, какъ пріобщаются другіе, чтобы незамѣтно, нечувствительно становиться каждый разъ совершеннѣе.

Велико и неисчислимо можетъ быть вліяніе Божественной Литургіи, если человѣкъ положить правиломъ вносить въ жизнь слышанное. Всѣхъ равно уча, равно дѣйствуя на всѣ званія, на всѣ сословія, отъ Царя до послѣдняго нищаго, всѣмъ говоритъ одно, однимъ и тѣмъ же языкомъ: всѣхъ научаетъ любви, которая есть связь всего общества, сокровенная пружина всего, стройно движущаго жизнь всеобщую.

Но если божественная Литургія дѣйствуетъ сильно на присутствующихъ при совершеніи ея, то еще сильнѣе дѣйствуетъ на самого совершителя, или іерея. Если только онъ благоговѣнно совершалъ ее, со страхомъ, вѣрою и любовію, то уже весь онъ чистъ, подобно сосудамъ храма, пребываетъ весь тотъ день. Въ отцравленіи ли своей многообразной пастырской обязанности, въ семьѣ ли, посреди домашнихъ, среди ли прихожанъ, которые суть также семья его,—Самъ Спаситель въ немъ вообразится. И во всѣхъ дѣйствіяхъ его будетъ дѣйствовать Христосъ, и въ словахъ его будетъ говорить Христосъ. Будетъ ли онъ склонять враждующихъ на примиреніе, преклонять сильнаго на милость къ безсильному, смягчать ожесточеннаго, утѣшать скорбящаго, ободрять къ терпѣнію угнетеннаго,—слова его пріобрѣтутъ силу цѣлительнаго елее и будутъ на всякомъ мѣстѣ словами мира и любви.

Къ чтенію памяти Н. В. Гоголя.

Вся Россія дѣятельно готовится къ празднованію предстоящаго 100-лѣтняго юбилея со дня рожденія безсмертнаго творца „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“.

Отъ Вологды до Севастополя и Тифлиса, отъ Риги и Вильны до Екатеринбургa и Астрахани, отъ столицъ до глухихъ провинціальныхъ городовъ, со всѣхъ концовъ Россіи телеграммы и газеты несутъ извѣстія о готовящихся торжествахъ. Учебныя заведенія, городскія управленія, литературныя и просвѣтительныя общества, музыкально-драматическіе кружки и просто почитатели Гоголя готовятся принять участіе въ національномъ культурномъ праздникѣ. Отдѣльныя лица и общества, разрозненныя мѣстныя силы объединяются вокругъ имени великаго писателя. Въ Ригѣ, напримѣръ, 12 русскихъ просвѣтительныхъ и литературныхъ обществъ объединились для чествованія юбилея.

Намѣчаемая программы чествованія обнимаютъ всевозможнѣйшія формы его: паныхиды, чтенія, лекціи, литературныя и литературно-музыкальные вечера, спектакли, живыя картины, раздача сочиненій и портретовъ юбиляра, учрежденіе стипендій и цѣлыхъ школъ его имени и проч. А по министерству народнаго просвѣщенія, гдѣ стремленіе возможно глубже запечатлѣть въ душахъ юношества свѣтлый образъ писателя и его творенія обязываетъ вѣдомство и учащихся принять въ культурномъ праздникѣ особенно интенсивное участіе, юбилей будетъ ознаменованъ еще и освобожденіемъ на этотъ день учащихся отъ занятій и изготовленіемъ похвальныхъ листовъ къ истеченію учебнаго года—съ портретомъ писателя.

Особенно широко собирается праздновать гоголевскіе дни Москва, гдѣ работала, страдала и умеръ Н. В. Гоголь, гдѣ предстоить открытіе на средства всей Россіи памятника великому художнику слова и гдѣ въ общемъ грандіозномъ праздникѣ примутъ участіе 1100 московскихъ учебныхъ заведеній.

Какой подъемъ національнаго культурнаго духа! Какимъ солнечнымъ свѣтомъ должны озарить Россію гоголевскіе дни! Чья очерствѣвшая душа, чье заплевывшее въ медвѣжьихъ углахъ нашего обширнаго отечества сердце не проснется, не забьется сильнѣе въ эти дни!

Петербургъ, въ славномъ соперничествѣ со старой столицей, собирается ознаменовать столѣтіе также сооруженіемъ памятника Гоголю, для чего городская дума ассигнуетъ кредитъ и испрашиваетъ разрѣшеніе на открытіе для намѣченной цѣли всероссійской подписки.

Полтава торжествуетъ, отыскавъ документъ, подтверждающій пребываніе Гоголя въ мѣстномъ четырехклассномъ городскомъ училищѣ въ теченіе года и возбуждаетъ ходатайство о наименованіи этого училища Гоголевскимъ.

Одно изъ видныхъ мѣстъ среди русскихъ городовъ, готовящихся къ чествованію—долженъ занять г. Нѣжинъ, гдѣ, какъ извѣстно, Н. В. Гоголь провелъ свои отроческіе и юношескіе годы, съ 1820 по 1829 г., въ гимназій высшихъ наукъ кн. Безбородко.

Вопросъ о роли нѣжинской школы въ жизни Гоголя неоднократно разсматривался изслѣдователями, какъ, напримѣръ, В. И. Шенрокомъ, проф. М. Н. Сперанскимъ, проф. Владиміровымъ, проф. Е. В. Пѣтуховымъ, проф. Лавровскимъ, г. Кояловичемъ и др., и изслѣдователи признали, что гимназія высшихъ наукъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, строго осужденныхъ будущимъ писателемъ, принесла значительную пользу ему въ дѣлѣ его умственнаго развитія и въ дѣлѣ подготовки къ писательскому поприщу.

Смѣнившіе въ послѣднее время гоголевскую гимназію высшихъ наукъ историко-филологическій институтъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ и состоящая при немъ гимназія, естественно, должны—писать „Г. М.“—принять особенно дѣятельное участіе въ чествованіи 100-лѣтняго юбилея рожденія великаго нѣжинскаго поэта.

Городъ Нѣжинъ, давшій матеріалы автору повѣстей изъ малороссійскаго быта, не можетъ также остаться безучастнымъ къ юбилейному дню своего славнаго согражданина.

Конференція института и историко-филологическое общество при институтѣ избрали гоголевскую комиссію, въ составъ которой вошли профессора и преподаватели, и которая должна выработать программу юбилейныхъ гоголевскихъ торжествъ. Эта комиссія, состоящая подъ предѣтельствомъ проф. Рѣзанова, сочла нужнымъ дѣйствовать рука объ руку съ представителями нѣжинскаго городского общества, земства и педагогическаго персонала всѣхъ учебныхъ заведеній города.

Въ самый день юбилея въ институтской церкви назначается торжественная литургія и панихида по Н. В. Гоголю, за богослуженіемъ оо. законоучители произнесутъ рѣчи о почившемъ писателѣ, какъ христіанинѣ и человѣкѣ. Чисто церковнымъ торжествомъ рѣшено ограничиться 20 марта. Послѣ же Пасхи въ теченіе 2—3 дней, на которые окружное начальство освободитъ учащихся отъ занятій, предполагается къ выполненію слѣдующая программа празднествъ свѣтскаго характера.

На зданіи института будетъ устроена и торжественно открыта памятная мраморная доска съ надписью: „Здѣсь учился Гоголь“; собравшіеся около зданія института учащіеся всѣхъ учебныхъ заведеній Нѣжина направятся затѣмъ къ памятнику Гоголя въ городскомъ саду, гдѣ, подъ звуки кантаты, на памятникъ будутъ возложены вѣнки.

Въ актовомъ залѣ института послѣ полудня въ 1-й день празднествъ имѣетъ быть торжественное академическое собраніе съ рѣчами профессоровъ и преподавателей о Гоголѣ, а вечеромъ того же дня состоится студенческій вечеръ съ постановкой „Ревизора“ и апофеозомъ. Дни 2-й и 3-й предначены на устройство лигературно-музыкальныхъ вечеровъ мужской и женской гимназій, на устройство гоголевскаго собранія студенческаго лигературнаго кружка и т. д. Въ тѣ же дни въ низшихъ школахъ будутъ происходить чтенія о Гоголѣ и чтеніе его произведеній съ туманными картинами.

Въ интересахъ увѣковѣченія юбилейнаго гоголевскаго дня гоголевская комиссія рѣшила положить основаніе при библиотекѣ института Гоголевскому музею, въ который войдутъ рукописи Гоголя, архивныя дѣла о немъ, собранія его сочиненій и ихъ переводовъ, монографіи о Гоголѣ, его творчествѣ и эпохѣ, портреты его, иллюстраціи къ его сочиненіямъ, музыкальныя произведенія на гоголевскія темы и т. д.

Приближается также осуществленіе некрасовскихъ желаній о широкомъ распространеніи сочиненій Гоголя въ народѣ. Въ городскихъ и сельскихъ школахъ будутъ розданы дешевыя изданія произведеній великаго писателя.

Московская городская управа выпускаетъ ко дню торжествъ полное собраніе сочиненій Н. В. Гоголя. Изданіе выйдетъ въ 15 тыс. экземплярахъ, каждый экземпляръ будетъ имѣть около 1200 страницъ. Около 7 тыс. экземпляровъ будетъ бесплатно роздано учащимся въ школахъ Москвы. Остальные будутъ розсланы въ провинцію—городскимъ и земскимъ управамъ для дешевой продажи учащимся.

Къ юбилею Гоголя выходитъ масса дешевыхъ изданій его произведеній. Среди нихъ „собраніе сочиненій Н. В. Гоголя“ цѣною въ 50 копѣекъ. Изданіе это выпускается товариществомъ И. Д. Сытина.

Собраніе сочиненій Гоголя, доступное даже крестьянскому кошельку,—это страница въ исторіи народнаго просвѣщенія.

Кромѣ того, товариществомъ издаются всѣ произведенія Гоголя отдѣльными брошюрами. Всѣ эти изданія сопровождаются иллюстраціями въ текстѣ, а нѣкоторыя—и біографическимъ очеркомъ Н. В. Гоголя. Ко дню юбилея выходятъ также въ свѣтъ книги: „Гоголь въ его произведеніяхъ“ Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго и „Школьный праздникъ въ честь Гоголя“ К. В. Лукашевичъ, а книгоиздательство „Искусство и Жизнь“ выпускаетъ художественный альбомъ „Ревизоръ“, воплощающій постановку этой безсмертной комедіи на сценѣ Художественнаго театра. Пьеса издана въ реальныхъ фототипныхъ картинахъ, снятыхъ непосредственно во время генеральной репетиціи. Художественно исполненное изданіе „Ревизора“ заключаетъ въ себѣ: 34 картины, текстъ (по подлиннику Гоголя), критическую статью, посвященную „Ревизору“, и портретъ Н. В. Гоголя.

Словомъ, передъ нами развертывается яркая страница культурной жизни Россіи.

Музыкально-драматическій кружокъ и отдѣльные почитатели писателя объединились для этого и 19 марта, въ залѣ гражданскаго клуба, предполагается устройство торжественнаго „гоголевскаго вечера“ съ довольно обширной и интересной программой, по которой намѣчаются: краткій рефератъ о значеніи Гоголя въ литературѣ и въ драмѣ, постановка „Женитьбы“ полностью, исполненіе кантаты или гимна и нѣсколькихъ номеровъ хорового пѣнія изъ произведеній на сюжеты Гоголя, для чего организуется большой хоръ; исполненіе вокальныхъ номеровъ на тѣ же сюжеты дуэтомъ и solo и декламация. („В. В.“ Юрій.)

Гоголевскія выставки.

Гоголевскія дни въ Москвѣ будутъ ознаменованы кромѣ открытія памятника великому писателю нѣсколькими выставками.

Вполнѣ опредѣлилась выставка въ память Гоголя, устраиваемая 5-й мужской классической гимназіей, именно гимназіей въ ея цѣломъ.

Всего 10 лѣтъ назадъ точно такая же выставка была устроена при тѣхъ же условіяхъ, съ тѣми же цѣлями и тамъ же — пушкинская.

Въ устройствѣ гоголевской выставки принимаютъ участіе всѣ учащіяся въ V-й гимназіи, бывшіе ученики и родители тѣхъ и другихъ.

Подборъ экспонатовъ, составленіе картограммъ, діаграммъ, всевозможныхъ пояснительныхъ текстовъ и пр., производятся учениками подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ М. Г. Тарасова. Ему же принадлежитъ и инициатива гоголевской выставки, такъ же какъ ему принадлежала инициатива пушкинской выставки.

Экспонаты выставки имѣютъ цѣлью показать, какъ жилъ и работалъ Гоголь, въ какой обстановкѣ, при какихъ условіяхъ.

Автографы Гоголя и снимки съ нихъ, Гоголь и его родные, портреты Гоголя его скульптурныя изображенія и памятники ему, виды мѣстностей, гдѣ бывалъ и жилъ Гоголь, и картины изъ его жизни, Сорочинцы (родина), нѣжинская гимназія (гдѣ учился), далѣе Петербургъ (мѣсто службы и мѣсто первоначальныхъ литературныхъ опытовъ его), Иерусалимъ, Римъ, Западъ (мѣста поѣздокъ и

путошествій) и, наконецъ, Москва (мѣсто, гдѣ работалъ страдалъ и умеръ, Н. В. Гоголь), портреты родныхъ Гоголя.

Затѣмъ слѣдуетъ эпоха Гоголя: товарищи и знакомые Гоголя, лица, съ которыми писатель былъ въ тѣхъ или иныхъ отношеніяхъ въ различные періоды своей жизни.

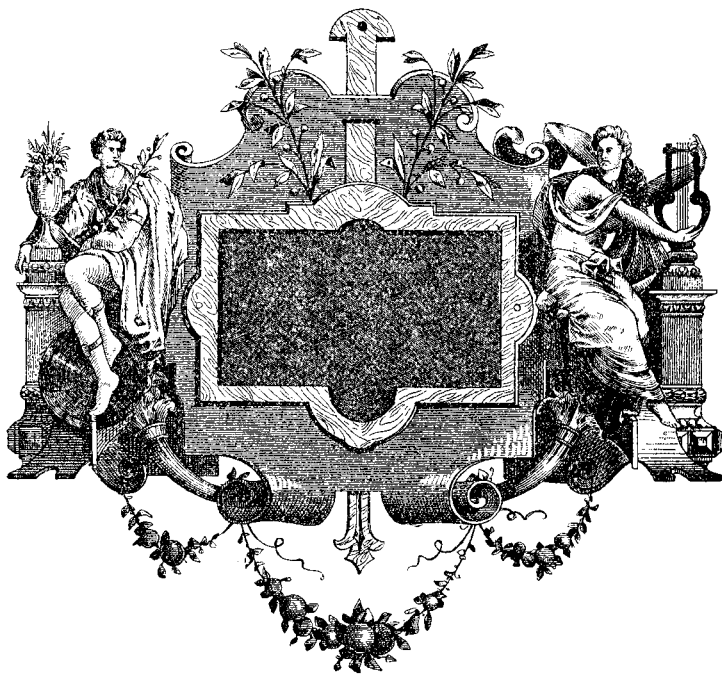
Наконецъ изданія и иллюстраціи, какъ изданныя при жизни писателя, такъ и посмертныя, картины на сюжеты изъ Гоголя, иллюстраціи, декораціи.

Переводы Гоголя на иностранные языки, біографы Гоголя, критики, издатели.

Вотъ краткая схема выставки, которая намѣчаетъ передъ нами пѣлюю страницу культурной жизни Россіи.

Выставка предназначена собственно для учащихся въ гимназій, ихъ родителей и родственниковъ, открытіе ея предположено за нѣсколько дней до открытія памятника Гоголю для того, чтобы достаточно подготовить учащихся къ гоголевскимъ торжественнымъ днямъ.

Надо думать, что по примѣру пушкинской выставки и эта, гоголевская будетъ открыта и для большой публики. Закрытіе ея предполагается не ранѣе окончанія пасхальныхъ дней; такимъ образомъ, ее могли бы посѣтить не только воспитанники московскихъ учебныхъ заведеній, но и пріѣзжіе. („Г. М.“. Муровъ).

Письма изъ Петербурга.

I.

Маеусаиль русской журналистики.

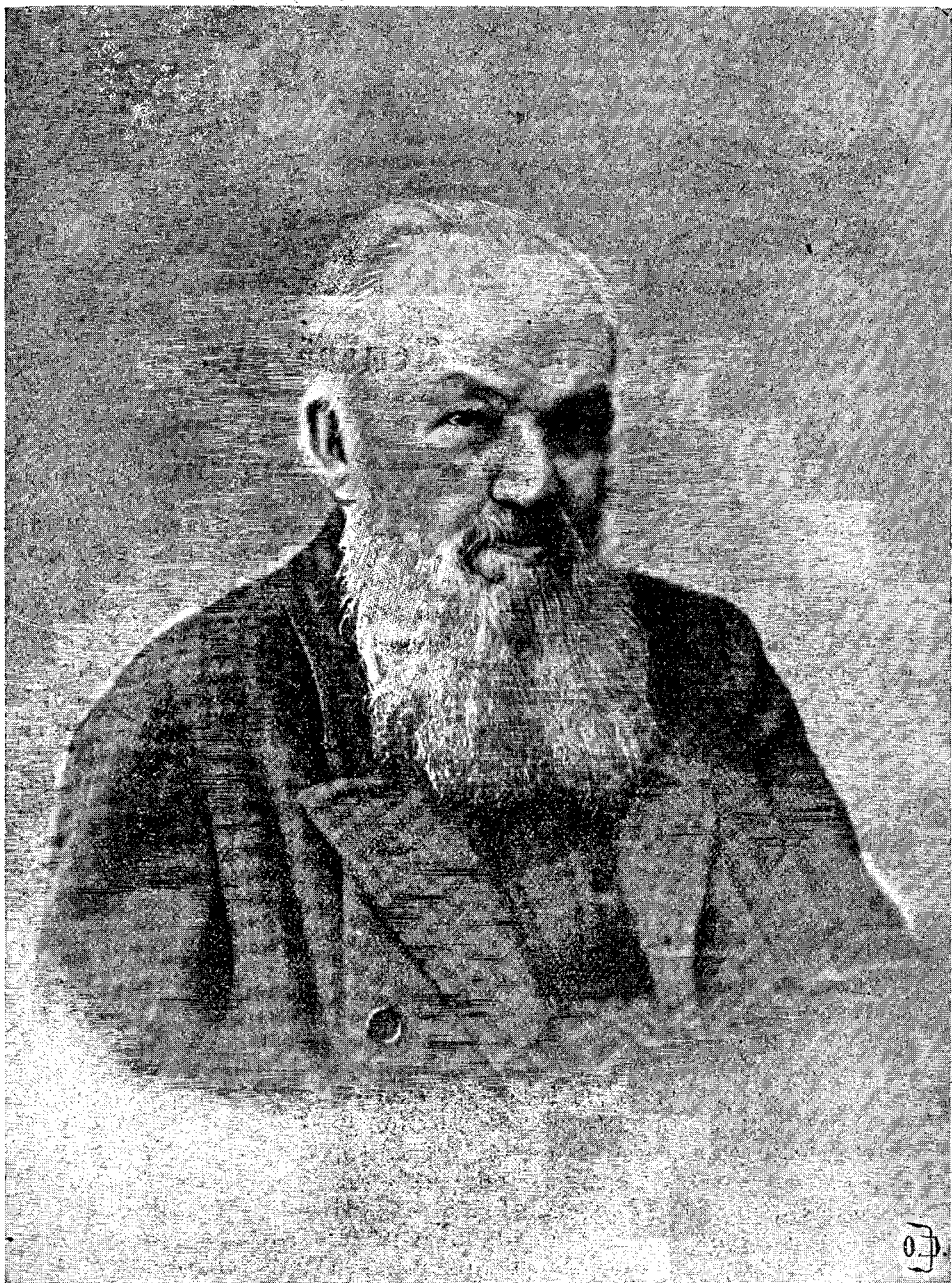
„Незнакомецъ“!.. Какъ волновала когда-то русскаго читателя эта подпись! Съ какою жадностью прочитывалось все, что было подписано этимъ популярнымъ именемъ!

И когда 29 февраля 1876 года, жалкая до тѣхъ поръ по своему содержанию и „розницѣ“ газета „Новое Время“, въ первый разъ вышла подъ редакціей коршевскаго „Незнакомца“—Алексѣя Сергѣевича Суворина—ее мигомъ расхватили, и шагъ за шагомъ, быстрымъ темпомъ, безостановочно газета достигла той высоты, на которую не взбиралась еще русская пресса.

Начало успѣха газеты—начало самой кипучей литературной и издательской дѣятельности неутомимаго талантливаго русскаго журналиста, и нѣтъ той области, куда бы ни заглянула безпкойная творческая мысль вѣчно юнаго духомъ А. С. Суворина.

Ко дню 50-лѣтняго его юбилея, который отпразднованъ съ небывалой для русскаго журналиста помпезностью, за юбилеяромъ числился такой длинный списокъ дѣйствительныхъ заслугъ, что одинъ сухой перечень ихъ утомилъ-бы читателя не менѣе, чѣмъ чтеніе привѣтствій и адресовъ въ день юбилея самого Алексѣя Сергѣевича.

Гранціозно поставленная, европейски оборудованная типографія; огромное книжное дѣло—съ многочисленными отдѣленіями въ Россіи и заграницей; газета «Новое Время», выдающаяся, какъ съ литературной стороны, такъ и особенно по освѣдомленности, которой не достигала еще ни одна изъ русскихъ газетъ; солидный, популярный ежемѣсячникъ „Историческій Вѣстникъ“, имѣющій крупный, все увеличивающійся тиражъ; рядъ цѣнныхъ изданій—начиная съ „Дешевой Библиотеки“ и кончая edition de luxe; наконецъ, собственный художественный театръ, давшій возможность многимъ безвѣстнымъ артистамъ „показать“ себя, выйти изъ тѣни и стать на ряду съ знаменитостями; кромѣ того этотъ театръ выдвинулъ многихъ драматурговъ, тщетно старав-

А. С. Суворинъ.

шихся обратить вниманія дирекціи Императорскихъ театровъ на свои пьесы.

Все перечеисленное начиналось всегда не только по почину А. С., но и фактически имъ самимъ. Въ каждую мелочь вкладывалъ онъ всю свою душу, вдохновлялъ дѣло настолько, что оно, точно по инерціи, шло само дальше, безостановочно, развиваясь все шире и шире, съ неизмѣнной талантливостью.

Это все видимые, такъ сказать осязательные результаты пятидесятилѣтней дѣятельности А. С.

А за этимъ скрывалась тяжелая работа журналиста, „вѣчно работающаго головой, возбуждающаго нервы, цѣпляющагося за каждый мало-мальски выдающійся и доступный уголъ общественнаго зданія карабкающагося на высоту, царапающаго свое тѣло, кричащаго, волнующагося, кубаремъ летящаго внизъ, снова поднимающагося, вертящаго въ своей головѣ, чтобы изъ ничего сдѣлать нѣчто, смѣющагося и острящаго, когда хотѣлось плакать, дѣлающаго веселую фізіономію, когда разбиралъ смѣхъ“... Таково суворинское опредѣленіе тяжелаго труда журналиста.

50 лѣтъ... полъ вѣка непрерывавая будить мысль, тревожить притупляющіеся читательскіе нервы, встряхивать отъ застоя, оцѣпенѣнія. 50 лѣтъ—полъ вѣка служить Россіи въ самомъ лучшемъ, чистомъ значеніи слова. Подвигъ, передъ которымъ нельзя не преклониться; событіе, мимо котораго нельзя пройти равнодушно.

Все зажигающій, самъ вѣчно горящій, пламенный А. С. являетъ собою завидный обликъ старика полнаго силъ, полнаго жизнечувствія—особенно рѣдкаго нынѣ, когда такъ много рано дѣлающихся старцами.

И юбилей, отпразднованный въ послѣднихъ числахъ февраля, ясно показалъ, какъ многогранна была дѣятельность этого Магусаила, какъ цѣнны эту дѣятельность во всѣхъ слояхъ общества.

Въ день юбилея, рано утромъ, юбиляру былъ присланъ отъ Государя Императора Его кабинетный фотографическій портретъ, съ собственноручною высокомилоостивою надписью: „А. С. Суворину, честно проработавшему на литературномъ поприщѣ въ теченіе 50 лѣтъ на пользу родной страны“.

Поздравляли на дому посланники, всѣ русскіе министры, члены Государственнаго Совѣта и Думы и т. д. П. А. Столыпинъ, за болѣзнь, прислалъ телеграмму, называя въ ней юбиляра рѣдкимъ самороднымъ русскимъ дарованіемъ.

Послѣ поздравленій, въ Дворянскомъ собраніи состоялся въ присутствіи 4000 человѣкъ, юбилейный актъ, начавшійся молебномъ, который былъ отслуженъ преосвященнымъ Евлогіемъ и другими пастырями.

Депутации, депутации... всѣхъ 90... каждая съ адресомъ, а нѣкоторыя и съ „вещественными доказательствами“ любви и уваженія.

Вечеромъ спектакль въ суворинскомъ театрѣ, лишь для

приглашенныхъ, причеиъ весь верхъ зала отданъ „свинцовой арміи“ А. С.

Слѣдуетъ отмѣтить и дружный зарубежный привѣтъ Суворину, а также и рѣзкое, безтактное молчаніе или, наоборотъ травлю лѣвой печати, которая даже въ такой день, какъ пятидесятилѣтіе литературнаго дѣятеля, но могла обойтись безъ традиціонныхъ поимъ.

Исключеніе составило „Русское слово“, которое въ талантливомъ фельетонѣ А. Измайлова, хотя и окрашенномъ слегка въ специфическій цвѣтъ, все же отдало должное таланту Суворина, закончивъ словами Суворина-же изъ письма въ коршевской газетѣ:

...Я ошибался часто. Я бралъ фальшивыя ноты. Но я былъ всегда человѣкомъ искреннимъ и любящимъ литературу, не ради только тѣхъ матеріальныхъ средствъ, которыя она приноситъ, а ради тѣхъ радостей, того горя, тѣхъ волненій, тѣхъ бессонныхъ ночей, проводимыхъ наединѣ съ бумагой и перомъ,— ради всего того, что обѣщаетъ и манитъ въ будущемъ, что торопитъ жить и чувствовать и не даетъ ни опуститься, ни заснуть.

Весь фельетонъ проникнутъ сердечностью, стремленіемъ разобратъ въ кажущихся противорѣчійхъ, проникнуть той честностью и литературной порядочностью и корректностью, которыми отличается вся литературная дѣятельность А. Измайлова.

Но за то на другой день, точно спохватившись, газета *отвела душу* въ фельетонѣ В. Дорошевича.

Н. Гребцкой.

ХОЛОДНО.

(Письмо изъ Парижа)

ыишняя зима не отличалась большими морозами, однако все-же выдавались и холодные дни съ t^o градусовъ до 12. Это здѣсь считается уже сильнымъ морозомъ, котораго французы не любятъ. Въ особенности недостаточная часть населенія, такъ какъ дешевыя квартиры для холода не приспособлены. Отопленіе стоитъ очень дорого и бѣдняки ухитряются обходиться безъ этой роскоши.

Направляюсь въ одно знакомое семейство; передо мною идетъ по улицѣ небольшой плотный французъ характерной нервной походкой своей націи. Вдругъ ноги его скользятъ, разъѣзжаются и онъ падаетъ, взмахнувъ руками,

какъ крыльями. Публика помогаетъ ему подняться, но онъ не можетъ ступить на ногу. Быстро вызываютъ карету скорой медицинской помощи и бѣднягу увозятъ... Нѣсколько далѣе упала пожилая женщина, а потомъ—ребенокъ, отдѣлавшіеся по счастью лишь испугомъ.

Дѣло въ томъ, что французы не умѣютъ ходить по обледѣлому тротуару, не выработали къ этому приспособленія. Поэтому случаи паденія удивительно часты.

Знакомыхъ я засталъ въ самомъ скверномъ расположеніи духа. Дѣти плакали, хозяинъ жаловался на обострившійся бронхитъ, а жена его, закутанная въ шаль и съ муфтою въ рукахъ, торопила дѣтей одѣваться на прогулку.

— Я сведу васъ въ галерею, и вы тамъ согрѣетесь,—уговаривола она капризницъ.

-- Не снимайте пальто,—предупредилъ меня знакомый:—а то замерзнете.

Дѣйствительно, у нихъ въ квартирѣ былъ собачій холодъ, что называется.

— Какъ тутъ лѣчиться,—сталъ жаловаться хозяинъ:—докторъ прописалъ потогонное и велитъ оставаться въ постели. А возможна ли испарина при такомъ адскомъ холодѣ? Еще больше простудишься.

Онъ закашлялся и не могъ болѣе говорить.

Кое какъ дѣти снарядились. Одѣлась и мать, и мы вмѣстѣ вышли на улицу. Я предупредилъ ихъ, что панели обмерзли.

— Да, это несчастіе!—отозвалась знакомая:—всегда въ морозы много бываетъ пострадавшихъ.

Она велѣла дѣтямъ взять себя подъ руки и онѣ втроемъ стали балансировать на ходу.

Мы направились въ Люксембургъ. Но привлекали насъ туда не картины, а даровое тепло. Согрѣвшись возлѣ тепловыхъ отдушиниковъ, дѣти тотчасъ-же повеселѣли и стали оживленно перешептываться между собою.

Галерея оказалась переполненной народомъ. Стояли у рѣшотокъ по долгу, отогрѣвая окоченѣвшіе члены. Иногда нарочно завязывали со встрѣчными знакомыми длительный разговоръ. Я наблюдалъ за одной старой, бѣдно одѣтой четой. Старики не производили иллюзіи цѣнителей искусства, повертываясь иногда къ картинѣ спинами. Сторожъ слѣдилъ за четой недовольнымъ взглядомъ. И лишь когда онъ направлялся въ ихъ сторону рѣшительной походкой, они переходили въ слѣдующій залъ. Моя знакомая отъ времени до времени, на виду у сторожа, принималась объяснять дѣтямъ картины.

— Не правда ли, какой здѣсь хорошій климатъ? — шаловливо спросила меня старшая дѣвочка.

Я согласился съ нею.

Однако, въ этой благодатной атмосферѣ нельзя же было оставаться до безконечности. Время посѣщеній ограничено. Къ концу на многихъ лицахъ появилось тоскующее выраженіе.

„Скоро насъ погонять изъ этого рая!“ читалось въ печальныхъ взорахъ.

Пора было освободить мѣсто другимъ, жаждавшимъ тепла. Приходило очень много, а уходило мало, отчего галлерей была набита биткомъ.

Наконецъ, мы покинули благодѣтельную галлерей и разошлись въ разныя стороны.

Я направился къ соотечественницѣ—студенткѣ, жившей въ мансардѣ одного изъ домовъ латинскаго квартала.

Она раздувала жаровню большими мѣхами. Угольная пыль летѣла во всѣ стороны.

— Я не протяну вамъ руки, пока ее не вымою,—со смѣхомъ отозвалась она и показала мнѣ совсѣмъ черныя ладони:—садитесь, предложила она:—вотъ вскипитъ вода и мы будемъ пить чай.

Я сѣлъ къ столу, на которомъ лежала развернутая книжка популярнаго теперь во Франціи Октава Мирбо.

— Нравится вамъ этотъ писатель? спросилъ я.

— Какъ вамъ сказать... чувствуется сила, но и страшно становится.

— Отчего?..

— Онъ за все хватается вотъ такими же грязными руками, какія теперъ у меня... и все страшно грязнить...

— Сравненіе образное... не забывайте, что Мирбо—дитя: улицы и парижскихъ бульваровъ, выросъ въ атмосферѣ, пропитанной порокомъ, оттого и сдѣлался поэтомъ порока...

— Другіе, выросшіе въ такихъ же условіяхъ, душою стремятся къ идеалу, горячо возразила курсистка:— а этотъ, какъ нашъ Горькій, даже никуда и не стремится и порокъ представляется ему самодовлѣющимъ. Онъ увѣряетъ, что порокъ и только порокъ есть первопричина всѣхъ человѣческихъ поступковъ!.. Вѣдь это же ужасно! Не захочется работать для человѣчества, для этихъ скотовъ, по Мирбо... На приобрѣтенныя знанія будешь смотрѣть, какъ на средство эксплуатаціи ближняго, на счетъ котораго постарайся получше устроиться въ жизни, и только. Это проповѣдь черстваго эгоизма!

— Онъ крайній индивидуалистъ, и если хотите—моральный анархистъ: опрокидывая все, не даетъ ничего.

— Видите!.. Но это клевета на человѣчество. На ряду съ его героями не видимъ мы развѣ представителей высокаго идеализма? А онъ проходитъ мимо, не замѣчая ихъ.

— Можетъ быть, ему нечѣмъ воспринимать ихъ... Надо въ своей душѣ имѣть хоть намекъ на идеаль, хоть отдаленное стремленіе къ нему, чтобы понять идеалистовъ. Очевидно, это ему не дано. Онъ пишетъ то, что ему сродни... Это авторъ не возвышающій читателя, а даже принижающій, потому что заставляетъ каждаго купаться въ безднѣ порока. Онъ — вредный писатель.

— Въ этомъ я вполне согласна съ вами, и чѣмъ талантливѣе тѣмъ вреднѣе. Яркость изображенія Мирбо иногда заставляетъ прямо упиваться его произведеніями... Онъ вызываетъ.

щѣлую бурю въ душѣ.. Но не даетъ ни одной свѣтлой точки... Тоска охватываетъ сердце, начинаешь прямо задыхаться!

— Это проповѣдь отчаянія человѣка, у котораго нѣтъ добра въ душѣ, а потому онъ и идетъ лишь по дорогѣ зла, которое приведетъ его къ пропасти. Но, хотя зло теперь кричитъ и стонутными голосами, а добро лишь немногими, все же побѣда останется за послѣдними, потому что ненависть и зло только все разрушали, а творческая созидательная сила принадлежитъ добру и любви.

Въ это время побѣжала вода изъ вскипѣвшаго чайника.

Дѣвушка сняла его и заварила чай.

Быстро приведя себя въ парядокъ, она налила въ стаканы жидкій напитокъ съ откусомъ каменнаго угля.

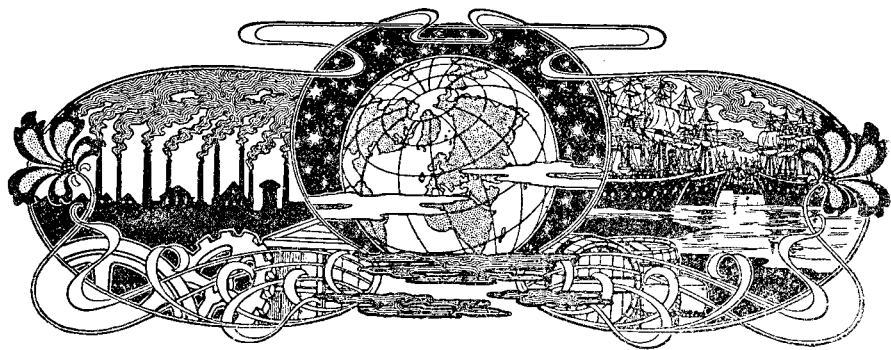
Невольно напрашивалось сравненіе съ чаемъ при самоварѣ, что я и высказалъ.

Она согласилась со мною. Мы оба невольно вздохнули, вспомнивъ родину.

Тамъ все же *теплѣе*.

Москвичъ.

ОВО ВСЕМЪ И ОТОВСЮДУ.

СЕРДЕЧНЫЙ ВЗДОХЪ.

О, скорбные дѣти прискорбнаго вѣка!
Хотѣлось бы всѣхъ васъ скорѣ увѣрить,
Что Богъ только можетъ спасти человѣка,
Что храмъ только въ силахъ всѣ скоры умѣрить,

(„Душеполезн. Чтеніе“ **В. Недзвецкій.**)

Великая Суббота,

„Любви небесной поцѣлуй когда-то слезъ
тѣлъ среди Святой Субботы на меня“...
Фаустъ Гете.

Три раза звучитъ священный „Колоколь полудня“ и вотъ онъ уже возвѣщаетъ наступленіе Величайшей изъ Субботъ. Обширенъ храмъ Спасителя, но и онъ уже быстро наполняется жаждущими увидать эту величественнѣйшую литургію. Она всегда великолѣпна, но особенно въ ясный весенній день, когда изъ оконъ церкви видны серебристыя облака на голубомъ небѣ, когда весь храмъ залитъ солнцемъ, сверкающимъ на бѣлоснѣжныхъ облаченіяхъ священнослужителей и какъ бы еще разъ отгѣняющимъ глубокую разницу между смертію и воскресеніемъ! Все множество служащихъ поютъ „Свѣте Тихій“, окружая Плащаницу... Главный изъ нихъ іерархъ кадитъ передъ нею... Грандіозная процессія съ сосудами и евангеліемъ обходитъ вокругъ нея: небесное какъ-бы сливается съ земнымъ и только черезъ послѣднее возвращается снова въ алтарь къ небеснымъ... Да! все это обрядъ, картина, внѣшность; но сегодня вы хорошо чувствуете и даже ясно видите, что здѣсь заключается нѣчто гораздо болѣе важное и величественное. Вы понимаете, что обрядъ это—драгоценный Ковчегъ для бездѣльных

скрижалей, листы книги для начертанныхъ въ ней благодатныхъ словъ... Эти пареміи, въ которыхъ Церковь повторяетъ передъ своими дѣтьми всю Священную Исторію въ лучшей для нихъ школѣ—т.-е. посреди храма, дѣлая всѣхъ учениками, вѣрящими въ Промыслъ и чудо, превращая хоть на короткое время всѣхъ въ дѣтей, ибо только „таковыхъ есть Царствіе Божіе“! *Теперь* уже нельзя сказать: „нынѣ силы небесныя съ нами невидимо служатъ“,—это будетъ слишкомъ поздно и слабо относительно подвига, превышающаго даже Небесныя Силы. Слово и не лишне тамъ, гдѣ необходимо дѣло, и никакія слова недостаточны для прославленія дѣла, совершеннаго однимъ Словомъ, здѣсь почившимъ отъ дѣлъ Своихъ. „И потому да молчитъ всякая плоть человѣча“! Зачѣмъ слово, когда самое тѣло Слова славословитъ о Его дѣлѣ?!

Одно время я ходилъ обѣдать къ моимъ знакомымъ, снимавшимъ комнату въ одной изъ квартиръ третьяго этажа. Въ сосѣдней комнатѣ, отдѣленной только запертой дверью, жилъ какой-то бѣдный конторщикъ съ очень большой женой. Обѣ комнаты были полутемныя: передъ окнами находилась стѣна сосѣдняго огромнаго дома, крыша котораго засыпанная снѣгомъ ярко освѣщалась вечернимъ солнцемъ. А весеннее возвращающееся солнце пыталось проникнуть и въ наши комнаты и считало себя обязаннымъ освѣщать и насъ... Но какой это былъ нервный, меланхолическій, болѣзненно-рѣзкій свѣтъ! Мой сосѣдъ говѣлъ въ Великую Субботу; жена готовила ему для этого торжественнаго дня возможно хорошій обѣдъ и ждала его съ нетерпѣніемъ. Въ 10 часовъ онъ вернулся отъ обѣди и за чаемъ рассказывалъ, какъ хорошо новый дьячекъ читалъ пареміи, какъ красиво пропѣлъ онъ заключительную фразу и какъ легко взялъ послѣднюю высокую ноту. Никогда не забуду, что я невольно слышалъ черезъ нашу тонкую дверь, не желая подслушивать, но слушая и поучаясь. Жена привнесла къ чаю банку абрикосоваго варенья,—лучшаго, какое имѣла. Онъ не хотѣлъ „починать“ его до Пасхи и согѣтовалъ приберечь до завтрашняго, самаго великаго дня; а она уговаривала и упрашивала его попробовать варенье сегодня, ради важности и святости именно этого дня. „Вѣдь ты причастился; что же можетъ быть выше этого?“ говорила эта кашляющая, слабая женщина и заставила его взять варенья.

Я не могъ хладнокровно слышать этотъ религіозный споръ двухъ благочестивыхъ бѣдняковъ въ крохотной комнатѣ, почти на самой зарѣ Воскресенія. Я думалъ: всѣ эти кушанья, сласти, чай—вѣдь все это съ религіозной точки зрѣнія—чревоугодіе, пустяки, ничто. Но въ данномъ случаѣ все это было хорошо, кстати, усиливало чувство праздника, порождало свѣтлыя мысли и добрыя слова. Передо мною были своего рода хиліасты, и я понималъ, почему послѣдніе такъ дорожили подобными внѣшними, земными, чувственными проявлениями жизни Царя Христа*). Они знали, что на небѣ узрять Христа-Бога, но не хотѣли и боялись потерять совѣмъ Христа-Человѣка, единственнаго, истиннаго изъ людей. Они завидовали тѣмъ, которые ѣли и пили съ Нимъ и отъ плода лознаго... „и воспѣвше изыдоша въ гору Елеонску“. И какъ это естественно для того ранняго вѣка, когда можетъ быть еще были живы тѣ благословенныя лозы, съ которыхъ бралъ виноградъ, если не самъ Христосъ, то хотя бы Его наперстникъ и самовидецъ, когда-то осязавшій Слово жизни! Подобныя желанія, на мой взглядъ, понятнѣе мнѣнія Августина (О градѣ Бож. Кіев. гл. 22 стр. 388 и 394), Макарія Египетскаго (ср. стр. 151 изд. 1852 г.), что по Воскресеніи будетъ сохраненъ полъ т.-е. будутъ мужчины и женщины. Правда и здѣсь заключена глубокая идея. Дѣло въ томъ, что небо искони знало Величайшаго Единого Истиннаго Отца,

*) См. соч. Иринея Ліонскаго стр. 671—685. Пер. Преображ. 1871 г.

но не видало Матери, не знало *материнской* любви, въ которой свѣтъ подавленъ палищимъ зноемъ сочувствія и состраданія. Надо было, чтобы земля обогатила небо „чтобы смертный помогъ небеснымъ“ (Григорій Богословъ часть 4 стр. 179). Но для этого нужна была мать, не бывшая женою; а такова одна Дѣва Марія. И отсюда прекрасно можно понять глубокой смыслъ церковнаго преданія, по которому Богородица была взята на небо. Такъ именно и быть должно.

Вообще церковное преданіе поражаетъ своей пронизательностью и глубиной даже тамъ, гдѣ безмолвствуетъ священный текстъ. Отецъ Хитровъ справедливо замѣчаетъ, что „только голосъ Церкви раскрываетъ намъ тайны пустыни“ (Жизнь пустынныхъ отцевъ, пресв. Руфина стр. XIX); и потому пріятно и полезно бывать за вечерней и всенощной наканунѣ многихъ праздниковъ, особенно въ честь тѣхъ святыхъ, жизнь, подвиги и мысли которыхъ мало знакомы намъ, а извѣстны лишь одной Церкви. Она въ своихъ иѣсноиѣніяхъ и обрядахъ, какъ будто, преподаетъ курсъ богословія для своихъ внимательныхъ дѣтей. „Ветхій денми младенчества плотію“... Припомните эту стихирѣ на Срѣтеніе и скажите, чему тутъ болѣе удивляться? глубинѣ мысли или смѣлой рѣшительности выраженія?

Однако время брало свое: великій день догоралъ... въ комнатахъ гемнѣло... невольно приходили на память образы живыхъ и умершихъ знакомыхъ и родственниковъ. Я взялъ столь знакомаго „Фауста“, чтобы прочесть на сей разъ нѣсколько строкъ, приведенныхъ въ качествѣ эпиграфа къ настоящему отрывку. „Любви небесной поцѣлуй когда-то слетѣлъ среди *святой субботы* на меня, мнѣ колоколь звучалъ такъ глубоко, такъ свято, молитвой жаркой наслаждался я“. Даже такой сильный и независимый умъ преклонялся передъ величіемъ настоящего многознаменательнаго дня, или, лучше сказать, событія! Молитва естественна даже въ устахъ невѣрующаго, хотя бы, какъ протестъ вслѣдствіе несогласія примириться съ суетой дѣйствительности и признать ее за единственное реальное. Молитва представляетъ удобное время вспоминать близкихъ, какъ бы вдохновляться и прощаться съ ними издалека,—и воскрешать въ памяти образы любимыхъ святыхъ. Надо только не забывать, что дѣлаемъ важное дѣло, на которое смотреть въ духовномъ мірѣ, одни съ радостью, другіе съ надеждой. Молитва есть нѣчто, безъ котораго человекъ ничто.

Все болѣе и болѣе вечерѣеть... На ясномъ весеннемъ небѣ появились блѣдныя звѣзды, чистыя, какъ слезки... Плащаница, пареміи, особенное иѣвие и обряды—всѣ эти элементы Величайшей Субботы медленно уходятъ куда-то вдалѣ, постепенно скрываются, точно заволакиваются облаками ароматическаго кадильнаго дыма. Вернутся ли они? Да! Но для меня-ли? Дай Богъ увидать, услышать, ощутить все это еще много разъ. Дай Богъ вниманіе и чуткость къ каждому изъ такихъ событій!

Лѣтомъ я уѣхалъ изъ Москвы и долго не видалъ моихъ сосѣдей по комнатамъ. Только черезъ годъ рано утромъ въ Великую Субботу я получилъ отъ него письмо съ настоятельной просьбой придти послѣ обѣдни. Войдя, я увидалъ его сидящимъ за самоваромъ и передъ нимъ стояла маленькая баночка абрикосоваго варенья. Со слезами онъ объявилъ, что больная жена его скончалась лѣтомъ. „Простите, говорилъ онъ, что я васъ побеспокоилъ; но вы бывали у насъ, видели и помните *ее* и потому я хотѣлъ видѣть васъ въ этотъ великій для меня день!“ Прошлый годъ она угощала меня вотъ такимъ вареньемъ, и теперь я купилъ его, вспоминая ее. Остатки *того* варенья она взяла съ собою въ больницу, пила съ нимъ чай и уголяла страшную жажду въ послѣдніе дни своей страдальческой жизни, съ тоской смотря на небо и зелень и все прося взять ее

на дачу. Но вы знаете мое положеніе“... Къ счастію на моихъ глазахъ показалось немного слезъ и мы нѣкоторое время плакали вмѣстѣ. Но я не надоѣдалъ ему излишними словами утѣшенія; я видѣлъ, что онъ истинно страдаетъ, и не хотѣлъ утѣшиться. „Обижалъ я ее“, говорилъ онъ уже прощаясь, „и чѣмъ оправдаюсь передъ умершей? Съ удовольствіемъ припоминаю теперь преступниковъ, которые, можетъ быть, болѣе меня виноваты передъ своими беззащитными жертвами. Да! и зло можетъ приносить пользу“... Съ тѣхъ поръ я окончательно потерялъ его изъ виду. Проводить ли онъ торжественно день Великой Субботы? Любить ли онъ по прежнему абрикосовое варенье?... („В. и Ц.“ В. Недзвецкій).

Странствующая душа.

Въ дѣтствѣ я знала одну сельскую дьячиху, ничѣмъ не отличавшуюся отъ другихъ женщинъ ея званія и положенія, но было нѣчто странное въ ея духовной природѣ. По ея собственному выраженію, душа у нея была „непосѣдячая“. „Все шатается,—говорила она,—и такъ боюсь, что меня когда-нибудь живую похоронятъ. Ужъ я всяко прошу и своихъ, и батюшку не снѣшить съ моимъ погребеніемъ, а поддержать, пока явятся признаки тлѣнія“.

Въ молодости съ ней и былъ однажды такой случай, который простой народъ называетъ „обмираніемъ“; душѣ ея вдругъ захотѣлось порхнуть куда-то, и она сразу, безъ всякой причины, покинула тѣло. Ничѣмъ передъ этимъ случаемъ дьячиха не болѣла (она и вообще была женщина очень крѣпкая и здоровая); ничего не произошло тогда въ ея жизни потрясающаго; день весь она, по обыкновенію, прохлопотала по своему хозяйству, а вечеромъ, сѣвъ къ столу пить чай, вдругъ вскрикнула: „уходитъ, уходитъ!“ и упала на руки бывшаго неподалеку отъ нея мужа—бездыханной.

Евфросинію Петровну (такъ звали дьячиху) обмыли, одѣли и положили „подъ святые“, но къ вечеру слѣдующаго дня она очнулась. И возвращеніе ея къ жизни произошло опять-таки такъ спокойно, заурядно, что она даже не испугала никого, словно просто пробудилась отъ обыкновеннаго сна. Евфросинія Петровна говорила, что во время этого обмиранія она, какъ должно думать, побывала на *томъ свѣтѣ* и видѣла тамъ многихъ лицъ, которыхъ знала во время ихъ земной жизни. Очевидно, съ нею была не легаргія, такъ какъ въ этомъ состояніи никакихъ видѣній не бываетъ, и впавшій въ нее обыкновенно или ничего не видитъ и не слышитъ, или сознаетъ и слышитъ окружающую его дѣйствительную жизнь.

Къ сожалѣнію, къ рассказамъ дьячихи относились такъ, какъ и теперь относятся у насъ ко всему таинственному, неизслѣдованному и сверхъестественному: ихъ, кромѣ простого народа, и не слушалъ никто, почитая какими-то бабьими бреднями. А между тѣмъ, именно никакихъ бредней и не было въ ея рассказѣ. Обыкновенно у простого, неграмотнаго люда, къ каковому принадлежала и дьячиха, съ мыслью о *томъ свѣтѣ* неразлучно представленіе о раѣ и адѣ, причѣмъ какъ тотъ, такъ и другой—рисуются въ грубо-чувственномъ видѣ, въ родѣ того, что грѣшники кипятъ въ аду по горло въ смолѣ и ихъ немилосердно

бьютъ бѣсы желѣзными прутьями и т. п. Въ разказѣ Евфросиніи Петровны ничего подобнаго и не было: она не могла даже сказать, гдѣ именно была она.

Однажды я вступила съ ней въ бесѣду. Помню, что первый вопросъ, который я ей задала, былъ—видѣла ли она тамъ серафимовъ? Почему такъ интересовали меня небожителя? Мнѣ было тогда десять лѣтъ, и вотъ въ моемъ дѣтскомъ представленіи никакъ не укладывалось прилагаемое къ этимъ чинамъ ангельскимъ наименованіе „многочитыхъ“. Какъ слѣдовало понимать это? Обладали ли они особенно широкимъ кругомъ зрѣнія или разумѣнія и потому аллегорически назывались многочислыми, или у нихъ дѣйствительно было по нѣскольку глазъ? Но послѣднее-то предположеніе и смущало меня. Если это было такъ, то это же было некрасиво и даже уродливо по моимъ земнымъ понятіямъ, а между тѣмъ они были святые ангелы и даже высшей небесной іерархіи. Будто вопросъ и не большой важности, но мало ли какіе вопросы засядутъ иногда клиномъ въ дѣтской головѣ!

— Гдѣ мнѣ, милая барышня, святыхъ серафимовъ видѣть! Я и дѣтокъ своихъ не видала, — отвѣтила на мой вопросъ Евфросинія Петровна, у которой было двое умершихъ дѣтей. — Вѣрно они, какъ чистые и невинные младенцы, находятся въ такомъ мѣстѣ, куда моею грѣшной душѣ и доступу нѣтъ.

— А кого-жъ вы тамъ видѣли?

— Много людей видѣла, очень много. Были межъ ними и такіе, какихъ я знала при жизни, а больше—незнакомые.

— Что-жъ они такіе же, какъ мы, или духи?

— Этого правильно сказать не могу. Обличье у нихъ такое же, какъ и у живыхъ людей, а только легкіе они. Хоть я и не прикасалась къ нимъ, а только почему-то понимала, что они не такіе грубые, дебелые, какъ мы.

— А хорошо тамъ, гдѣ вы были?

— Ничего тамъ не было особенно красиваго или радостнаго, ничего и страшнаго.

— А есъ тамъ, какъ у насъ, деревья, трава, цвѣты?

— Не видѣла, дитятко, этого ничего.

— Да что-жъ тамъ, земля или другое что? По чемъ вы ходили?

— Не могу вамъ сказать по чему я ходила тамъ и ходила ли, или двигалась какъ-нибудь иначе. Не видѣла я тамъ ни деревьевъ, ни травки. По другому все тамъ было... Какъ упала я замертво на руки мужа, такъ почувствовала, что я несусь куда-то быстро, быстро; сперва, отъ быстроты, что-ли, ничего не замѣчала, а потомъ увидѣла, что вокругъ стелется словно легонькая дымка голубоватаго тумана, какъ у насъ иногда на зорькѣ бываетъ, и въ немъ движется что-то. Когда приблизилась, разобрала, что это все люди были, и не перечесть сколько ихъ. Такъ и рѣютъ кругомъ. Говора я ихняя не слышала, а только понять можно было, что они какъ-то сообщаются другъ съ другомъ. И когда я пронеслась межъ нихъ, кто не зналъ меня, тотъ будто и вниманія никакого не обращалъ на меня, а знакомые устремлялись ко мнѣ и, должно-быть, что-то говорили, аль о чемъ спрашивали меня по-своему, да я понять не могла; безъ голоса и безъ словъ ихъ рѣчь была.

— Что жъ это рай или адъ былъ? недоумѣвая, спросила я.

— Богъ святой знаетъ, дитятко, что это было. Только никакихъ адскихъ мученій, про какія вотъ рассказываютъ, аль на картинкахъ пишутъ, я тамъ не видала. Отпечатокъ на лицахъ у людей разный былъ: одни такіе спокойные, другіе словно въ тревогѣ какой, такіе суетливые, третьи печальные. Только всѣ,

кого изъ знакомыхъ я видѣла, были умершіе, изъ живыхъ не было межъ ними никаго, почему и думать надо, что это не здѣшній свѣтъ (міръ) былъ.

Обыкновенно состояніе, подобное пережитому Евфросиніей Петровной, даетъ широкій просторъ фантазіи людей ея развитія и понятій, но ея разсказъ не только слишкомъ кратокъ и простъ для того, чтобы въ немъ можно было заподозрѣть вымыселъ, онъ, кромѣ того, и совсѣмъ необыченъ для простой, неграмотной женщины. Она не можетъ даже сказать, что собственно видѣла: былъ ли то рай или адъ, тогда какъ у простого народа сложились вполне опредѣленные, такъ-сказать традиціонныя представленія о томъ и другомъ; она видитъ тамъ множество людей, „по обличью“ схожихъ съ живыми, но понимаетъ, что природа ихъ иная: тонкая, эфирная; она понимаетъ, что они какъ-то сообщаются другъ съ другомъ, но рѣчь ихъ безъ словъ и звуковъ голоса. Ни о чемъ подобномъ простой народъ и до сихъ поръ не имѣетъ ни малѣйшаго представленія, а въ тѣ времена, когда на цѣлое село едва можно было насчитать пятокъ грамотныхъ людей, у которыхъ кромѣ псалтыри и молитвослова, иной книжки и въ рукахъ не бывало,—и тѣмъ болѣе. Вотъ поэтому и досадно, что никто не заинтересовался тогда разсказами дьячихи и если слушалъ ихъ, то лишь съ пренебрежительной, проницеской улыбкой.

Но, кромѣ разсказаннаго случая, въ жизни Евфросиніи Петровны бывали и еще весьма странныя обстоятельства. Такъ, видѣла она иногда во время сна какую-нибудь мѣстность такъ ясно, обстоятельно, что поѣхавъ, напримѣръ, разъ въ Кіевъ на богомолье и случайно попавъ въ Голосѣву пустынь, о которой даже и не слыхала никогда, она ходила по этой пустыни, какъ по своему родному селу, отлично зная все расположеніе построекъ, тропинокъ, всѣ закоулки. Или пригрезится иногда и такъ: словно на яву, она видитъ, что попала въ домъ какихъ-нибудь своихъ родственниковъ или знакомыхъ, жившихъ иногда за десятки верстъ, и видитъ все, что тамъ происходитъ,—кто есть въ домѣ, кто что дѣлаетъ, какъ какой стулъ отодвинуть,—станеть послѣ повѣрять—все точь-въ-точь такъ и окажется.

Сама Евфросинія Петровна рѣзко отличала эти видѣнія отъ обыкновенныхъ сновъ, говоря, что между тѣми и другими ничего и похожего нѣтъ.

Помню, дядя мой указалъ разъ на нее нашему доктору. Тотъ, не задумываясь, брякнулъ слово „галлюцинаціи“—и словно этимъ объяснилъ все.

Но Евфросинія Петровна самымъ рѣшительнымъ образомъ запротестовала. Она не знала слова „галлюцинаціи“, но, вѣроятно, по тону и минѣ доктора догадалась, что приблизительно оно значитъ.

— Нѣтъ, батюшка, возразила она,—какіе же это сны или бредни? Бредъ-то я и сама отличу. Тамъ иначе все и представляется, совсѣмъ иначе. А здѣсь я вижу все вотъ такъ же вѣрно и ясно, какъ вижу, что вы теперь на скамейкѣ въ саду сидите и курите папиросу. Развѣ, проснувшись, нельзя разобрать, что во снѣ мерещилось и что я явственно видѣла? Да и во снѣ то понимаешь, что самъ сонный, связаный, а не живой какъ есть человѣкъ. И отъ роду я не слыхала, чтобы кому такіе сны снились. Вотъ недавно сирашиваю я брата моего: съ кѣмъ это ты въ пятницу на прошлой недѣлѣ вечеромъ на счетъ лѣса торговался? А онъ говоритъ: „а ты почему знаешь?“—Говорю: была у тебѣ и видѣла. Ты въ лиловенькой ситцевой рубашкѣ да въ жилеткѣ у стола сидѣлъ, а по другую сторону стола—человѣкъ какой-то, въ суконной чинаркѣ, такъ русый съ бородкой небольшою. А Настенька поодаль сидѣла, съ кружева узоръ снимала и все путала да выпускала, никакъ понять узора не могла. Братъ даже отшатнулся. „Да что ты, говорить, сестра, вѣдьма-труболетка, что-ли, что видишь, что отъ тебя за восем-

надцать верстъ дѣлается?“ Разгнѣвалась я и говорю: у насъ, милый братецъ, никто въ семьѣ такими пакостями не занимался. Какъ же ты смѣешь говорить мнѣ такія слова? Я на себѣ крестъ ношу, въ церковь хожу, св. Таинъ приобщаюсь, какая-жъ я вѣдьма?

— Стало быть вы ясновидящая, сказала докторъ.

— А что это, батюшка, значить „ясновидящая“?—спросила Евфросинія Петровна.—Какое-такое у этихъ людей зрѣніе, что вотъ лежитъ человекъ на своей постели съ закрытыми глазами и спитъ крѣпкимъ сномъ, и въ то же время видитъ до мелочи, что за восемнадцать верстъ дѣлается. *Чѣмъ же видитъ-то онъ?*

— Не видитъ, а такъ это у него въ умѣ рисуется.

— Э, ябѣ, умомъ не вообразишь, что именно въ эту минуту братъ мой непременно въ лиловой рубашкѣ сидитъ, и вотъ даже рисунокъ ситца вижу, а племянница кружево вяжетъ, и вижу, какъ все ошибается она, по узору не потрафить, и узоръ хоть сейчасъ показать могу: такъ четыре столбика, потомъ дырочка, потомъ столбикъ съ накидкой. Развѣ это все вообразишь умомъ? Такъ можно только глазами видѣть.

Евфросинія Петровна, какъ я уже сказала, объяснила эти свои состоянія тѣмъ, что у нея душа была „непосѣдая, все шаталась“. Допустимо-ли такое объясненіе? Мнѣ кажется, что—да. Лично я знала одного полковника, который незадолго до своей смерти ясно видѣлъ своего двойника. „Сяду я,—говорилъ онъ,—на диванѣ, читаю газету, и вдругъ замѣчаю, что кто-то есть подлѣ меня. Оглядываюсь—въ аршинномъ разстояніи отъ меня сидитъ на томъ же диванѣ другой полковникъ М. И жутко, и любопытно было, любопытно было разсмотрѣть себя со стороны“.

А недавно въ одномъ англійскомъ медицинскомъ журналѣ, за подписью нѣсколькихъ врачей, сообщалось, что при одной изъ операций у хлороформированнаго больного ясно, принявъ видимыя формы, выдѣлилось „астральное тѣло“ и оставалось такъ все время, пока оперируемый находился подъ хлороформомъ. Слѣдовательно, фактъ, что душа можетъ иногда отрѣшаться отъ своего земнаго тѣла, должно считать допустимымъ. Несомнѣнно также, что степени такого отрѣшенія бываютъ различны. Страстующая душа Евфросиніи Петровны, во время нѣкоторыхъ ея отрѣшеній, повидимому, удерживала большую связь съ тѣломъ, какъ какъ въ организмѣ ея продолжалась обычная, хотя можетъ-быть и ослабленная, работа, а въ томъ случаѣ, когда ее едва не похоронили, тѣло ея лежало окоченѣлымъ и бездыханнымъ.

Неподалеку отъ села, въ которомъ жила Евфросинія Петровна, было имѣніе князей Н. Семейная жизнь княжеской семьи, какъ говорили, чуть не съ первыхъ годовъ супружества шла не важно. Женатый на красавицѣ С., племянницѣ нашей поэтессы гр. Растончивой, князь страшно любилъ свою жену, но жена, хотя и вышла замужъ по любви, очень скоро охладѣла къ своему, тоже очень красивому и симпатичному, мужу. Вообще это была женщина съ какой-то уродливой натурой. Она любила помпу, поклоненія, пышность, а между тѣмъ въ своихъ похожденияхъ спускалась иногда до такихъ низинъ, о которыхъ нежелательно и говорить; любила она очень и своего старшаго сына, главнымъ образомъ, кажется, за то, что онъ былъ красавецъ и похожъ на нее, во вполнѣдствіи и съ этимъ сыномъ продѣлывала такія вещи, на какія едвали способна какая-нибудь мать.

Князь долго страдалъ отъ измѣнъ своей жены, но когда къ чувству поруганной любви присоединилось и оскорбленіе его имени, достоинства, чапа стра-

даній переполнилась, и въ одну горячую минуту, послѣ бурнаго объясненія съ женой, онъ покончилъ самоубійствомъ. Очевидно, что несчастный доведенъ былъ до крайняго предѣла муки и отчаянія, если рѣшился на такой поступокъ, такъ какъ онъ пламенно любилъ своихъ дѣтей и сознавалъ, что безъ него они погибнутъ. И вотъ едва похоронили князя, какъ его мятежный духъ и сталъ тревожить Евфросинію Петровну. Почему именно ее? При жизни они, кажется, никогда и не сталкивались другъ съ другомъ, по крайней мѣрѣ, князь едва ли и зналъ ее, какъ простую, ничѣмъ не выдѣляющуюся изъ толпы женщину. Весьма вѣроятно, что эти посмертныя сношенія завязались единственно на почвѣ восприимчивости Евфросиніи Петровны къ подобнымъ вещамъ. Въ первое время князь являлся Евфросиніи Петровнѣ почти всегда въ одномъ видѣ: она видѣла его стремительно носившимся безъ пѣли въ пространствѣ. Онъ не говорилъ съ ней и даже будто не замѣчалъ ее, но его полное безысходной муки и отчаянія лицо, его какая то особенная стремительность приводили въ ужасъ дьячиху.

— Иной разъ, можетъ быть, всего съ минуту я его вижу, а за эту минуту онъ разъ десять пронесется мимо меня. И сколько же муки, да нѣтъ, и не муки, а чего то жуткаго, страшнаго, чего по нашему и назвать не сумѣешь, въ его лицѣ! А несется онъ словно убѣжать отъ чего-то хочетъ и видно по лицу, что самъ не вѣритъ, что можетъ убѣжать. Надежды въ лицѣ не видать, и жуткое оттого лицо его. О, не приведи, Господи, и видѣть, какое жуткое лицо его!

Впослѣдствіи эти видѣнія измѣнились; душа князя стала входить въ общеніе съ Евфросиніей Петровной, они вступали въ бесѣду другъ съ другомъ, князь жаловался ей на свои страданія и мѣрку за участь дѣтей; Евфросинія Петровна, какъ умѣла, утѣшала и ободряла его. Что видѣнія эти не были фантазіей и не являлись на почвѣ собственныхъ размышленій Евфросиніи Петровны, этому неоспоримымъ доказательствомъ служило то, что они обыкновенно *предшествовали* какому-нибудь печальному событію въ княжеской семьѣ. Такъ, когда княгиня, размотавъ всѣ забранныя впередъ съ арендатора имѣнія и занятыя чуть не подтройныя векселя деньги, не задумываясь, рѣшила для сокращенія расходовъ взять двухъ старшихъ сыновей изъ учебныхъ заведеній, князь явился Евфросиніи Петровнѣ и сказалъ, что дѣти погибли и что виновникомъ ихъ гибели должно считать не княгиню, а его, такъ какъ онъ долженъ былъ постоянно помнить, съ какою матерью оставляетъ ихъ и ставить долгъ отца выше всякихъ оскорбленій. Зная о рѣшеніи княгини, жившей тогда въ Петербургѣ, Евфросинія Петровна не только, конечно, не могла заранѣе, но даже и въ то время, когда это совершилось, такъ какъ слухъ о томъ, что дѣти дома и не учатся, дошелъ до имѣнія лишь спустя нѣсколько мѣсяцевъ. И много было подобныхъ случаевъ. Я, по моему возрасту, повятно, не могла тогда разбираться въ этихъ явленіяхъ какъ должно, но помню, разъ у насъ были гости и зашелъ разговоръ на эту тему, причѣмъ мать моя высказала удивленіе, почему, когда Евфросинія Петровна была раньше, по ея словамъ, на томъ свѣтѣ и видала тамъ умершихъ, она не могла сообщаться съ ними, хотя и понимала, что другъ съ другомъ они какъ-то общались и къ ней устремлялись, а съ княземъ она и говорить, и слышать, и понимать его, хотя онъ тоже умершій. Это недоумѣніе не замедлило разъясниться, и, по моему, такимъ объясненіемъ, какое едвали могла придумать простая неграмотная женщина, да и придумывать которое ей не было ни какой надобности, такъ какъ сама она разницы въ этихъ двухъ явленіяхъ не понимала, а говорить ей объ этомъ, конечно, никто не говорилъ.

Бесѣдуя однажды съ моею няней, съ которой Евфросинія Петровна была большая пріятельница, она въ моемъ присутствіи, между прочимъ, сказала:

— И такъ мнѣ его (князя) жалко, такой же онъ горькій, да скорбный, что душа разрывается, на него глядячи, а чѣмъ пособить ему—ума не приложу. Разъ говорю ему: да не отчаивайтесь такъ, батюшка-князь. Хотя грѣхъ вашъ и великъ, но велико же и милосердіе Божіе. Молитесь Господу, смѣлѣй, крѣпче молитесь. А онъ отвѣчаетъ: „Молитесь? О, кабы я былъ тамъ, тогда, можетъ быть, я и не страдалъ бы такъ; страдалъ бы за свой грѣхъ, а за дѣтей, можетъ быть, и не мучился бы такъ, потому что все понималъ бы иначе. А моя-то мука въ томъ, что я ни у васъ, ни тамъ. И дѣлать всего того, что дѣлалъ живымъ, не могу и отрѣшиться ни отъ чего прежняго не могу, все и чувствую, и понимаю, и смотрю на все по-вашему. И выходить такъ, что я словно, прикованъ къ столбу и шевельнуться не могу, а на моихъ глазахъ бѣшенныя волки моихъ дѣтей терзаютъ. И защитить ихъ не могу, и хоть бы не видѣть этого—и того не могу. Отъ васъ ушелъ, и тамъ мнѣ мѣста вѣту: *недозрѣлъ*.“

Этимъ разсказомъ Евфросинія Петровны объясняется и то, почему она могла сноситься съ душою князя, тогда какъ общеніе съ другими умершими ей было недоступно, такъ равно разрушается и вѣрованіе о Божественномъ предопредѣленіи относительно срока жизни человѣка. Какъ извѣстно, многіе вѣрятъ, будто всякому человѣку свыше строго опредѣленъ срокъ его земной жизни. Такое вѣрованіе опровергается уже тѣми извѣстными съ библейскихъ временъ и до нашихъ дней случаями, когда по чьимъ-либо молитвамъ безнадежный больной чудесно выздоравливалъ, или кто-нибудь чудесно спасался отъ грозившей ему неминуемой гибели. Извѣстны даже въ этой области воплѣтъ опредѣленные случаи, когда человѣку не грозила лишь, но дѣйствительно предстояла смерть, но по молитвамъ Богъ даровалъ ему жизнь. Такъ, болѣвшему іудейскому царю Езекии явился пророкъ Исаія и сказалъ, что Богъ даруетъ ему жизнь еще на пятнадцать лѣтъ; а въ наши дни одинъ умирающій отецъ горячо молился, чтобы Богъ продлилъ его жизнь, пока онъ устроитъ своихъ дѣтей, и во снѣ ему явился святитель Іоасафъ Бѣлгородскій и сказалъ, что Богъ услышалъ его молитву и продлитъ его жизнь на сколько онъ проситъ, но чтобы онъ старался воспитать дѣтей своихъ въ вѣрѣ и благочестіи. И умирающій дѣйствительно выздоровѣлъ и прожилъ послѣ этого двадцать лѣтъ. Бывали случаи и противоположныя вышеприведеннымъ. Такъ, одному совершенно постороннему лицу сказано было въ видѣніи, что умереть такой-то купецъ, умереть погому, что въ будущемъ онъ по слабости характера похулитъ имя Божіе, но такъ какъ за нимъ есть добродѣтели, то Господь, избавить его отъ этого смертнаго грѣха, прекратить его жизнь, хотя онъ и молодъ еще и здоровъ. И купецъ этотъ дѣйствительно былъ раздавленъ поѣздомъ. Слѣдовательно, срокъ нашей земной жизни заключается не „въ исчисленіи лѣтъ“, но въ нашемъ духовномъ возрастѣ, въ совершеніи нами того, что должны мы были совершить въ нашей земной оболочкѣ.

Князь покончилъ жизнь самовольно, и вотъ изъ разсказавъ этой странной женщины рисуется своеобразное состояніе его за гробомъ. Душа его не дозрѣла до нной формы бытія и у него даже остаются и способъ сообщенія, и образъ мыслей, и понятія, и чувства чисто земныя. Онъ ушелъ отсюда, но не достигъ и иныхъ сферъ, куда отходятъ души другихъ умершихъ. Состояніе, во всякомъ случаѣ, тяжелое и мучительное, какое-то полубытіе съ сохраненіемъ сознанія происходящаго и невозможностью дѣйствовать.

Я не знаю, долго ли духъ несчастнаго князя продолжалъ тревожить Евфросинію Петровну, мы уѣхали изъ тѣхъ мѣстъ и больше туда не возвращались. Но, встрѣтивъ много лѣтъ спустя въ Крыму одну жительницу ближайшаго къ княжескому имѣнію городка, я стала разспрашивать ее о прежнихъ обывателяхъ

и едва только коснулась княжеской семьи, какъ на сцену выплыла и Евфросинія Петровна. Печальна была повѣсть объ этой семьѣ. Конечно, все было быстро промотано, продано; княгиня лежала въ какой-то богадѣльнѣ разбитая параличемъ, предоставленный самому себѣ съ пятнадцатилѣтняго возраста старшій сынъ доуктился до бѣлой горячки и умеръ въ больницѣ, младшій на сохранившіеся за его малолѣтствомъ кое-какіе крохи отцовскаго наслѣдства купилъ себѣ клочъ земли и самъ нахалъ ее, ведя жизнь простаго крестьянина; а средній, добрый и слабохарактерный, превратился въ страждущаго нищаго. Къ нему постоянно примазывались всякія темныя личности, которыя и эксплуатировали его титуломъ, выпрашивая милостыню и затѣмъ прокучивая ее.

— И тутъ произошло одно очень странное обстоятельство, рассказывала моя знакомая.—Этотъ сынъ князя утонулъ въ Днѣпрѣ. Случай этотъ являлся настолько естественнымъ, что надъ нимъ никто и не задумался. Молодой человекъ рѣдко бывалъ въ трезвомъ видѣ и поэтому проще всего было предположить, что онъ полѣзъ пьянымъ купаться и или утонулъ, или умеръ въ водѣ отъ удара. Но по собѣдству съ тѣмъ селомъ, гдѣ было княжеское имѣніе, живетъ какая-то женщина, и вотъ ей, незадолго передъ этимъ случаемъ, во снѣ или тутъ было что-то въ родѣ галлюцинаціи, явился князь-отецъ въ такихъ мукахъ и страданіяхъ, что она, бросивъ все, прискакала въ нашъ городъ, въ надеждѣ добыть здѣсь какія-либо свѣдѣнія о княжеской семьѣ. Женщина эта была настолько взволнована видѣніемъ, что упала передъ исправникомъ на колѣни и умоляла и заклинала его употребить всѣ старанія узнать мѣстожителство сыновей князя, говоря, что кому-то изъ нихъ предстоитъ что-то столь ужасное, что князь-отецъ въ видѣніи говорилъ ей: „лучше убейте его, посадите въ тюрьму, только не это, не это“. Сразу всѣ стали въ тупикъ передъ этимъ рассказомъ. Что же предстояло молодому князю такое, передъ чѣмъ лучшимъ удѣломъ являлась васильственная смерть, убійство? Но женщина рыдала и молила. Въ городѣ никто тогда не зналъ, куда разбрелась княжеская семья, но, когда по неотступной просьбѣ этой женщины полиція стала наводить справки, тутъ какъ то сразу обнаружилось, что смерть молодого князя не была несчастнымъ случаемъ, а несомнѣнно самоубійствомъ. Бѣдный молодой человекъ! Брошенный съ отроческихъ лѣтъ на произволъ, безъ всякой опоры и поддержки, онъ, какъ ни опустился, а въ концѣ-концовъ, все таки не выдержалъ, не снесъ своего чудовищнаго, по сравненію съ дѣтствомъ, положенія.

Такъ закончила свое повѣствованіе о княжеской семьѣ моя знакомая.

(„М. В.“ К. Иксуль).

Жа поляхъ газетъ и Журналовъ.

Памяти пастыря-цѣлителя. Покорнѣйше прошу въ вашей газетѣ объявить случай, бывшій въ моей пастырской практикѣ. Около 15 лѣтъ назадъ, въ бытность мою священникомъ при Покровской церкви г. Бѣлополя, харьковской епархіи, я, однажды, былъ приглашенъ для напутствованія св. Тайнами мальчика 12—14 лѣтъ, который болѣлъ злокачественнымъ дифтеритомъ. Изъ разсказа матери больного я узналъ, что городской врачъ отказался, въ виду безнадежности лѣченія, продолжать таковое и объявилъ, что мальчикъ долженъ умереть чрезъ нѣсколько часовъ. Дѣйствительно, лично я убѣдился, испытавъ нѣкоторыя мѣры, въ рѣшительной невозможности причастить больного, ибо

горло его было столь поражено, что онъ не могъ принять даже нѣсколько капель воды. Но такъ какъ больной былъ еще при сознаниі, то я ограничился одною исповѣдью. Удрученная тяжкимъ горемъ мать, въ слезахъ, просила меня составить краткую телеграмму на имя нынѣ почившаго Кронштадтскаго пастыря, съ просьбой помолиться за болящаго сына, хотя и сама сознавала близость смерти послѣдняго. Просьбу матери я охотно исполнилъ и телеграмма немедленно была послана. Между тѣмъ, мальчикъ, уже нѣсколько сутокъ не принимавшій ни пищи, ни воды и не спавшій, вдругъ уснулъ и проспалъ около 8 час. Много разъ мать прислушивалась къ едва замѣтному дыханію больного и приходила въ сомнѣніе: не умеръ ли сынъ ея? Но вдругъ больной заговорилъ, весьма твердо скававъ: „мама! сварите мнѣ жидкое яйцо. Я во снѣ видѣлъ батюшку, отца Іоанна, и онъ мнѣ велѣлъ съѣсть жидкое яйцо, и сказалъ, что я буду здоровъ“. Желаніе мальчика, конечно, обрадовало убитую горемъ мать, которая немедленно сварила яйцо въ жидкую, и мальчикъ съ удовольствіемъ, безъ всякой боли въ горлѣ, съѣлъ его. Съ той минуты мальчикъ началъ постепенно поправляться отъ нездоровья, наконецъ, окончательно выздоровѣлъ, сталъ дюжимъ парнемъ, отбылъ воинскую повинность и нынѣ здравствуетъ. („Кол.“ Свящ. А. Луженковъ.)

Въ то самое время, какъ русскіе люди, въ роли „воспитателей“ дѣтей умышленно обходятъ вопросы религіи, Церкви и отводятъ „маленькій народъ“ отъ Христа (см. „Бесѣду въ этомъ № Д. П.) массоны—евангелисты работаютъ энергично, создавая изъ русскихъ православныхъ дѣтей кадры будущихъ послѣдователей своего ученія. И мы, православные, молчимъ, молчимъ—лѣнныя и равнодушныя, вмѣсто того, чтобы со всей энергіей ринуться въ борьбу съ соблазнами нашихъ дѣтей. Гдѣ же наша вѣра? Все, что предпринимается—это *почти ничто*. Во всемъ—мало настоящей, горячей любви, нѣтъ энергіи пламеннаго сердца, форма заглушаетъ духъ и великое дѣло спасенія душъ юнаго поколѣнія остается только въ области благихъ намѣреній. Гдѣ же вы, друзья маленькаго народа, горячіе любовью, изнывающіе сердцемъ о томъ, что дороже жизни? Проснитесь! Смотрите, какъ работаетъ врагъ. Вотъ что читаемъ мы въ „Русской Землѣ“ (№ 907-й):

„1-го марта массоны, называющіе себя евангелистами открыли гласныя собранія для дѣтей. Послѣднихъ собралось человекъ до ста (воспитанники и воспитанницы городскихъ училищъ, гимназій и т. д.) въ возрастѣ отъ 10-ти до 15-ти лѣтъ.

Дѣтямъ прежде всего велѣно было стать на колѣни и просить Бога, чтобы Онъ благословилъ собраніе и вложилъ бы въ ихъ сердце желаніе посѣщать ихъ. Дѣти исполнили это въ точности, но ни одинъ ребенокъ не имѣлъ права осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ, хотя всѣ собравшіяся дѣти были русскими и православными. Затѣмъ дѣти были раздѣлены на три группы, и съ каждой группой сталъ заниматься отдѣльный проповѣдникъ. Что говорили имъ эти проповѣдители, покрыто мракомъ неизвѣстности, такъ какъ взрослымъ предложено было отойти подальше. Послѣ этого одинъ изъ проповѣдниковъ показывалъ дѣтямъ картины земной жизни Спасителя. Показывая картину „Искушеніе Иисуса Христа сатаною“, онъ обратился съ вопросомъ:

— А можетъ ли вамъ явиться сатана?

Дѣти сказали, что можетъ.

— Тогда что же вы должны дѣлать, если вамъ явится сатана?—продолжалъ ораторъ.

Дѣти молчали.

— Когда вамъ явится сатана, вы должны съ нимъ обращаться не грубо, но вѣжливо, какъ и Христосъ.—Таково было заключеніе,

По окончаніи собранія имена и адреса дѣтей были записаны, чтобы въ случаѣ не аккуратнаго посѣщенія собраній распорядители имѣли возможность прийти на домъ и спросить о причинѣ отсутствія.

И къ чему все это поведетъ?

Нашихъ дѣтей приглашаютъ вѣжливо встрѣчать сатану—распаркиваться передъ нимъ и приглашать его „войти“... Да онъ *уже вошелъ* въ жизнь, и сѣлъ и занялъ видное мѣсто...

Ждать нельзя. Энергичный врагъ, которому способствуютъ „свободы“—въ его свращающей работѣ—у дверей нашихъ дѣтскихъ,—болѣе—онъ уже повелъ въ свои аудиторіи нашихъ дѣтей, забытыхъ нами. Проснемся и вступимъ въ борьбу за спасеніе дѣтей—этой будущей Россіи.

Въ „Словѣ“ извѣстный писатель Чириковъ дѣлаетъ слѣд. признаніе:

Въ гсстяхъ у артиста Ходотова читалась новая пьеса г. Шолома Аша — „Бѣлая Кость“. Пьеса вызвала среди русскихъ литераторовъ нѣкоторое недоумѣніе тенденціей автора идеализировать одно изъ дѣйствующихъ въ пьесѣ лицъ, Розу, которая, на нашъ взглядъ, являла собою самую заядлую мѣщанку-хищницу изъ мелкобуржуазнаго еврейскаго мірка, способную вызывать одну только антипатію. Начались разговоры. Недоумѣніе русскихъ литераторовъ еще болѣе усилилось, когда авторъ пьесы сказалъ искреннюю горячую рѣчь, смыслъ которой сводится къ тому, что мы, Русскіе, не можемъ понять этой пьесы, и чтобы Роза предстала предъ нами героиней фанатическаго склада, спасающей еврейскую аристократическую кровь,—необходимо самому быть Евреемъ или прожить съ Евреями 5000 лѣтъ. Никто изъ товарищей-Евреевъ на это не возражалъ. Когда дошла очередь говорить о пьесѣ до меня, я, отдавъ должное достоинствамъ пьесы и указавъ на ея недостатки, перешелъ къ затронутому авторомъ вопросу о взаимопониманіи. Я сказалъ, что если мы Русскіе, оказались неспособными понять еврейскую бытовую пьесу, то отсюда слѣдуетъ, что и вы, Евреи, неспособны понимать, т. е. чувствовать, нашъ русскій бытъ; многое „бытовое“ изъ русской жизни въ художественномъ воспроизведеніи на сценѣ рождаетъ въ моей душѣ цѣлую цѣпь воспоминаній, настроеній и переживаній, которыхъ оно не рождаетъ въ душѣ Еврея. И наоборотъ. Затѣмъ я высказалъ недоумѣніе, почему нѣкоторые изъ присутствующихъ писателей и журналистовъ съ „модернисткой новадкою“, объявившихъ смерть быту, въ данномъ случаѣ, при обсужденіи пьесы г. Шолома Аша, пьесы узко бытовой, совершенно примирились и съ реализмомъ и съ бытомъ, а одинъ изъ рецензентовъ-модернистовъ, единымъ взмахомъ пера только что положившій кляксу на дорогое намъ имя Рѣпина, теперь, пріѣхавъ послѣ чтенія пьесы и не читавъ ея, произнесъ очень лестное слово для автора а относительно идейности заявилъ, что никакихъ идей не требуется. Не слѣдуетъ ли отсюда, что умеръ только русскій бытъ, а еврейскій остался въ неприкосновенности? Далѣе я говорилъ о томъ, что національность и бытъ неразрывно связаны между собою, высказалъ сожалѣніе о томъ, что въ нѣкоторой части еврейской интеллигенціи вопросъ о національности превалируетъ надъ всѣми другими; что началось это со времени отдѣленія еврейской интеллигенціи отъ единой с.-д.—ской партіи, что когда-то на меня, русскаго интеллигента, воспитаннаго и вскормленнаго отвлеченными идеалами братства и равенства, произвело весьма огорчительное впечатлѣніе, сказалъ, что если мнѣ Русскому, горюются прежде всего и громче всего заявлять, что „мы Еврей“, то мнѣ позволительно отвѣтить, что я—Русскій...

Въ этомъ мѣстѣ рѣчи я услышалъ тихій, но явственный ропотъ со стороны нѣкоторыхъ литераторовъ-Евреевъ, словно я сдѣлалъ очень скверное признаніе. Это задѣло мое національное самолюбіе (да будетъ позволено имѣть его русскому писателю!) и я счелъ нужнымъ подтвердить это заявленіе въ рѣзкой формѣ:

— Да, я Русскій. Не „истинно-русскій“, а просто Русскій... Впрочемъ, мнѣ все равно, какъ вамъ будетъ угодно это признать!.. И если вы заявляете, что мы, Русскіе, неспособны понимать вашего быта, то мнѣ остается пожалѣть, что меня въ Петербургѣ критикуютъ не Русскіе, ибо большинство критиковъ здѣсь—Евреи...

Едва ли нужно что нибудь добавлять къ этому. Развѣ одно: *такая храбрость* въ наши дни дѣлаетъ нѣкоторую честь беллетристу...

ИСКРЫ.

„Юморъ—это бальзамъ, приклады-
ваемый великодушнымъ человѣкомъ
къ язvamъ сердца“.

Т. Карлейль.

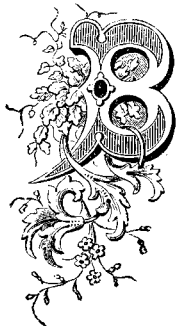
„И при смѣхѣ иногда болитъ
сердце“.

(Изъ притчей Соломона).

НОВЫЙ ХЛЕСТАКОВЪ.

(Наброски карандашомъ).

I.

Въ редакціи маленькой провинціальной газеты, завѣ-
дующій газетой сидѣлъ у стола и писалъ передо-
вую статью.

Вошелъ разсылный и произнесъ:

— Сергѣй Даниловичъ, васъ хочетъ видѣть
какой-то господинъ.

Публицистъ, не оборачиваясь и продолжая
писать, промолвилъ недовольнымъ тономъ:

- Убирайся, некогда... Знаешь, теперь не приемные часы.
- Стало, сказать, чтобы завтра пришелъ?
- Да, да!.. убирайся, не мѣшай!

Разсылный вышелъ.

Но онъ черезъ минуту вернулся снова.

— Сергѣй Даниловичъ, они... очинно просятъ... Говорятъ; нужно... Они не здѣшніе.

— Тѣфу ты... Узнай фамилію... и спроси: что ему собственно, надо? И почему именно меня?

Разсылный опять ушелъ и, вернувшись, доложилъ:

— Ихняя фамилія Утюгинъ... Они-съ изъ Петербурга... изъ писателей!..

— Утюгинъ? промолвилъ публицистъ... Какъ Утюгинъ?

— Да-съ, Утюгинъ..

— Неужели тотъ... проси!

Онъ положилъ перо и оглянулся, слышавъ шаги.

2.

Въ редакціонный кабинетъ входилъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, полный, съ маленькой лысиной, одѣтый въ пиджакъ изъ тонкой англійской матеріи, напоминающей „рогожку“.

— Извините, пожалуйста!..

Завѣдующій редакціей поднялся на встрѣчу вошедшему.

— Утюгинъ!

— Покоевъ!

— Редакторъ „Извѣстій“?

— Завѣдующій... чѣмъ могу служить?

— Я проѣздомъ... Вы, навѣрное, слышали мою фамилію?

— Помилуйте... Если только имѣю честь разговаривать съ авторомъ набросковъ „Профили и тѣни“?

— Онъ самый!..

— Очень пріятно... Прошу покорно... Чѣмъ могу служить?

— Видите...

Онъ поправилъ монокль и произнесъ:

— Я проѣздомъ... Но я хотѣлъ-бы кое-что дать вамъ.

— Сдѣлайте одолженіе!

— Разказикъ, маленькую повѣстужку...

— Очень рады... Но... мы не можемъ платить, какъ... вамъ, вѣроятно, платятъ.

— О, конечно! Я понимаю... А знаете... я не прочь и поработать у васъ... Хотите?

— Очень лестно... Но... надо поговорить съ издателемъ...

— Пожалуйста...

— Вы гдѣ остановились?

— Въ „Китаѣ“...

— Я поговорю съ издателемъ...

— А я завтра заѣду къ вамъ...

— Отлично...

— Въ это же время?

— Нѣтъ, лучше пораньше...

Утюгинъ всталъ.

Они простились.

Провинціальный публицистъ проводилъ столичнаго писателя до самыхъ дверей.

3.

Сергѣй Даниловичъ прямо изъ редакціи поѣхалъ къ издателю.

— Что такое? встрѣчая своего главнаго сотрудника, спросилъ издатель.

— Вы знаете, Максимъ Афанасьевичъ: въ городѣ гость изъ Питера!

— Кто такой?

— Утюгинъ!

— Какой Утюгинъ?

— Извѣстный писатель...

— Ахъ, это что... „Профили“?

— Да, ла...

— Прелестныя вещи... Хлестко, ярко... остроумно.

— Блестящее перо!

— Но что-же: онъ затѣмъ?

— Проѣздомъ... Но вотъ въ чемъ дѣло-то: онъ былъ въ редакціи.

— У насъ?

— Да... Предлагаетъ рассказикъ...

— Дорого?

— Не знаю... И не только рассказикъ, но... и поработать вообще не прочь...

— Вотъ какъ!

— Знаете:—это недурно!

— Поди, дорого!

— Надо поговорить... Я сказалъ, что не можемъ много...

— Ну?

— Я, говорить, понимаю... Ну, а знаете: онъ понравится!

— Еще-бы!.. Къ подпискѣ... Это кстати... Хорошо-бы утереть носъ „Брехунцу“!

— О, какъ хорошо-бы!

— Да... да... Но надо поговорить... Если очень дорого, то... согласитесь...

— Понравится!..

— Да, но все-же... гдѣ взять?

Они принялись обсуждать.

4.

Петербургскій писатель пилъ чай, когда къ нему явился Покоевъ.

— Очень радъ! А я только что думалъ о васъ... Милости просимъ! Чайку?

— Не откажусь...

— Прекрасное дѣло: за чаемъ отлично разговаривать...

Онъ велѣлъ явившемуся на звонокъ лакею, подать стаканъ.

— А что вашъ издатель: говорили съ нимъ?

— Да... я передалъ...

— И что же?

— Да онъ радъ... Конечно, знаете... наши средства...

— Ну, понятное дѣло!.. Я и не спрошу столько... какъ напр. съ „Вѣстника“.

— Вы развѣ тамъ?

— Я до сихъ поръ тамъ не печатался... но уже получилъ приглашеніе и даю романъ.

— Романъ?

— Да... Я писалъ маленькіе эскизы...

— Они у васъ восхитительны!

— Мерсі... Да, удались... Но я хочу попробовать большую вещь...

— Большой романъ?

— Листовъ 30! Пока написаны всего три главы... Я ихъ читалъ въ „обществѣ“... всѣ въ восторгѣ...

— Но вы еще не скоро кончите?

— Да... не раньше года!.. Я пишу быстро... Выписываю, но пишу быстро... „Вѣстникъ“ взялъ уже съ меня слово и далъ мнѣ авансу тысячу рублей... Бойтесь, что отдамъ другимъ — ха, ха, ха!..

— А почему съ листа? полюбопытствовалъ Покоевъ.

— Пятьсотъ!

— Большой гонораръ!

— Андреевъ беретъ больше... Нынче не прежнія времена... Но вы... не бойтесь. Я не такія деньги спрошу съ васъ... А... у васъ построчно?

— Да, построчно.

— И почему?

— Мы скромно... три, даже двѣ...

— Какъ?

— Ну, конечно, не вамъ... вамъ...

— Сколько же мнѣ?

Онъ улыбнулся.

— Я, думаю, копѣекъ... шесть... даже семь!

— Даже семь!

Въ его голосѣ прозвучала иронія.

— Больше не можемъ!

— Вѣрно?

— Ей-Богу-съ!

— Ну! я не торгошъ!.. Провинціальную печать надо поддерживать.

— Конечно!..

— А вотъ что, не хотите-ли, я буду присылать два раза въ мѣсяць изъ Петербурга?

— Разказы?

— Нѣтъ, а „наброски“... „Невскіе профили.“ Изъ жизни столицы, ея типы...

- Это недурно!
- Я, знаете, на это мастеръ... нечего скромничать: какъ романъ—еще Богъ вѣсть, а эти вещички мнѣ удаются... Вы сами сказали...
- Прелестны!
- Вотъ видите... Стало быть идти?
- А условія-съ?
- Ну, пусть семь копѣекъ строчка...
- А большіе фельетоны?
- Такъ 500, 600 строкъ!..
- Это значить 25, 35 фельетонъ?
- Немножко побольше: 35, 45.
- А если повѣсть?
- Могу и повѣстуху...
- Условія тѣ-же?
- Пусть и тѣ-же!
- Знаете что... Заѣзжайте сами завтра въ редакцію, будетъ издатель... Мы и рѣшимъ.
- Отлично! А сегодня я кончу фельетонъ для „Болтуни“... Немножко о вашемъ городѣ... о прессѣ...
- Вы ужъ не больно нась!..
- Кого васъ?.. Прессу?.. О, я за провинціальную печать!.. Однако, вашъ чай... позвольте, я прибавлю горячаго...

5.

О чемъ разсуждали издатель и его главный сотрудник—покрыто мракомъ неизвѣстности.

Они оба были въ редакціи, когда пріѣхалъ Утюгинъ.

Покоевъ познакомилъ съ Утюгинымъ издателя.

Произошелъ обмѣнъ любезностей.

Утюгинъ заговорилъ о своихъ впечатлѣніяхъ, и собициль нѣсколько наблюдений... Касаясь мѣстной жизни—онъ выказалъ большое остроуміе.

И Покоевъ, и издатель, отъ души смѣялись.

— А какъ... наша проза? вдругъ промолвилъ Утюгинъ.

— Проза?

Издатель переглянулся съ Покоевымъ.

— Да... я такъ называю наши дѣловые разговоры! произнесъ Утюгинъ.

— Ахъ, это!..

— Я очень радъ... началъ издатель... Большая честь... Конечно, и подписчики... но...

— Но?..

— На счетъ фельетоновъ... Нельзя-ли... поменьше?

— То есть?

— Строчекъ по 400 самое большое?

— То есть 28 рублей?

— Да!

— Не стоитъ... игра свѣчь.. Я и то.. между прочимъ... но... это слишкомъ пустое дѣло!

— Наши средства...

— Здѣсь есть еще газета?

— О, тамъ еще... меньше средствъ!

— Не скажите! Мнѣ предлагаютъ...

— У васъ уже были? встревоженно спросилъ издатель.

— Больше... Ждутъ отвѣта!

— Но вы-же... съ нами... у насъ?

— Вы предлагаете пустяки!.. Будемъ говорить серьезно!

— Съ большимъ удовольствіемъ!

— Я дамъ повѣстужку и буду писать два фельетона изъ невской жизни... и вы... будете мнѣ платить за нихъ 100 рублей.

— За фельетоны?..

— Да! Ну, а за повѣсть семь копѣекъ строчка!

— Большая?

— Н-нѣтъ... строкъ около тысячъ трехъ!

— Это можно!

— Я вышлю ее вамъ черезъ... мѣсяць! А вы дадите мнѣ подъ нее и подъ фельетоны задатокъ—авансъ?..

— Видите—теперь... передъ подпиской... Если-бы... спустя...

— Ну, что это за деньги! Я согласенъ взять всего... всего триста рублей!..

— Значить, за всю повѣсть, еще... даже больше?

— А фельетоны?.. Сто рублей!..

— Правс... это.. тяжело...

Они начали убѣждать, доказывать... въ сущности — торговаться...

— На счетъ... вѣрности, вы не бойтесь: я напишу условіе... да и мое имя...

— О, не это, конечно!..

— Я думаю!..

Опять тѣ-же рѣчи...

— Знаете, ваши противники мнѣ даютъ... Я, въ случаѣ, если не сойдемся, туда и ѣду... не буду скрывать! Но признаюсь—ваша газета—мнѣ симпатичнѣе!

— И на что вамъ триста рублей? вдругъ произнесъ издатель... Вы не нуждаетесь-же...

— Да? Такъ вотъ-же вамъ правда: я проигрался въ дорогѣ... долгъ чести... И сейчасъ-же высылаю 200 р. въ N-скъ! А на 100 ѣду... Не случись этого грѣха, неужели я сталъ-бы... Ха, ха, ха!

Снова разговоры...

Они длились около часу—и... закончились такимъ рѣшеніемъ: Утюгинъ получаетъ 300 руб. сейчасъ, пишетъ условіе, и за 100 рублей даетъ не два, а три фельетона...

— Поменьше, но три!.. Это лучше!

Послѣдовало согласіе.

— И мы объявляемъ вашу фамилію?..

— Конечно!

6.

Въ редакцію одной изъ петербургскихъ газетъ,—вечеромъ вошелъ высокій красивый блондинъ и, еще не здороваясь ни съ кѣмъ, промолвилъ со смѣхомъ:

— Читали? а? каково!

— Что такое?

— Нѣтъ, это уже слишкомъ!

— Да въ чемъ дѣло?

— Дайте мнѣ газетку...

Онъ назвалъ ту газету, которой руководилъ Покоевъ.

— Вотъ оно! Смотрите!

Блондинъ развернулъ и, отыскавъ мѣсто, произнесъ, подавая газету редактору:

— Читайте!

Тотъ началъ читать.

„Нашъ извѣстный высокоталантливый нувеллистъ, г. Утюгинъ, только что вчера уѣхавшій изъ нашего города—изъявилъ согласіе на постоянное участіе въ нашей газетѣ. Онъ будетъ писать свои остроумные „Профили“ и также мы можемъ обѣщать читателямъ его новую повѣсть. Надѣмся.. и т. д.

— Да! сказалъ редакторъ, бросая газету:—это, дѣйствительно... храбро! Но вы не обѣщали имъ?

— Конечно, нѣтъ!.. Я никого и не знаю тамъ... Да и зачѣмъ! Когда мнѣ! Но главное не это, а то, что „недавно уѣхавшій!“ Мило! Я сижу здѣсь, и вдругъ...

— Но что-же это можетъ значить!

— Это изъ рукъ вонъ! Я самъ не понимаю...

— Выходитъ, какъ будто кто-то себя выдалъ за васъ? сказалъ секретарь.

— Положительно!.. Но... это...

— О, нынче и это возможно! Вѣдь выдавалъ-же какой-то Красѣевъ себя за Альбова? А жуликъ, выдававшій себя за Потапенко? Мнѣ рассказывали, что какой-то господинъ въ одномъ губернскомъ городѣ выдавалъ себя за Данченко!

— Времена!

— Что вы намѣрены дѣлать?

— Я хочу послать депешу туда. Пусть разъяснятъ дѣло.

— Самое лучшее! согласился редакторъ... а то помѣстите письмо въ нашей газетѣ.

— Это само собой!.. А я сейчасъ пошлю депешу!.. Это... уже верхъ нахальства ..

7.

Покоевъ, которому подали депешу, превратился, что называется, въ знакъ вопросительный.

Нѣсколько минутъ онъ сидѣлъ, какъ пораженный громомъ.

Потомъ вдругъ вскочилъ, нахлобучилъ шапку, накинулъ шинель и полетѣлъ къ издателю.

— Мы одурачены! Мы надуты какимъ-то жуликомъ! закричалъ онъ, вбѣгая въ кабинетъ патрона.

— Кто? Мы? Почему? Что такое?

— Читайте!

Покоевъ кинулъ на столъ депешу.

Лицо издателя поблѣднѣло.

— Значить... значить...

Его губы тряслись.

— Значить мы обмануты? Кто-же это былъ?

— Жуликъ!

— И вы... вы повѣрили!

— И вы тоже!

— Но вы первый... вы пріѣхали, сообщили...

— Кто-же могъ знать!

— Ахъ, какъ было не догадаться... Ну, гдѣ были глаза у меня! Извѣстный писатель и будетъ такъ... это невѣроятно!..

— Если проигрался?

— Ему-бы выслали изъ Петербурга!.. Ахъ, ахъ!..

— Но что же дѣлать?

— Что дѣлать! Остается одно—признаться, все рассказать... То-то будутъ ликовать наши враги... Мы сами дали поводъ... Отлично!

Покоевъ рвалъ волосы съ отчаянія.

— Кто-же мнѣ заплатитъ деньги! Кто? вопилъ издатель.

— Я, я! рыцарски воскликнулъ завѣдующій.

Издатель успокоился.

Въ газетѣ появилась статья „Покаяніе“. Но въ ней, помимо покаянія, было еще больше яда... Досталось-таки неизвѣстному жулику!..

А гдѣ былъ онъ? Читалъ-ли о себѣ?

Если—да, то отъ души, вѣроятно, хохоталъ!

Что ему!

Онъ свое взялъ...

Наступили „чудныя времена“...

Веселый Устюжанинъ.

ЧТО МОЖЕТЪ ДАТЬ ГРАММОФОНЪ.

(Письмо въ редакцію).

Я пріѣхалъ въ Москву навѣстить больного товарища, къ которому утромъ же и отправился.

Отворившая мнѣ дверь горничная, ввела меня въ столовую, и попросила немного обождать.

Черезъ затворенную дверь въ смежную комнату, неслись звуки граммофона, исполнявшаго Херувимскую.

— Баринъ, теперь, какъ заболѣлъ, всегда такъ молится,—пояснила дѣвушка.

Когда громмофонъ смолкъ, то она постучала въ дверь.

Вышла хозяйка и, поздоровавшись, провела меня къ мужу.

Послѣ привѣтствій, товарищъ сказалъ:

— Болѣзнь лишила меня возможности посѣщать храмъ, а между тѣмъ, душа такъ жаждетъ напитаться звуками церковныхъ пѣснопѣній, и вотъ, я завелъ себѣ граммофонъ... Ты ничего не будешь имѣть, если пѣніе продолжится при тебѣ?

Я послѣшилъ увѣрить друга, что охотно послушаю и самъ.

Жена завела снова и раздалась чудные звуки сначала „Достойной“, потомъ „Отче нашъ“ и, въ заключеніе—концерта Бортнянскаго—„Радуйтесь Богу, помощнику нашему!“

Я слушалъ и чувство благоговѣйнаго умиленія овладѣло мною. Пѣніе дало душѣ религиозное настроеніе.

Подъ лишившіеся дивные звуки концерта, я невольно вспомнилъ, какъ печально пришлось мнѣ встрѣтить мивувшую Пасху въ имѣньи, гдѣ я живу съ семьей круглый годъ. Благодаря половодью, мы не могли попасть въ храмъ. Это насъ очень огорчило. Мы зажгли свѣчи на пасхальномъ столѣ, пропѣли соответствующія молитвы, но душа рвалась въ храмъ... Мы вышли на крыльцо и стали прислушиваться... И вдругъ, съ порывомъ вѣтра, донесся до слуха ударъ колокола. Этотъ единственный, услышанный нами ударъ, исполнилъ сердце неописуемой радостью. Мы перекрестились.

— Вотъ, тамъ поютъ теперь „Христосъ воскрес!“—воскликнула жена, и прибавила съ завистью:—счастливые сосѣди, они все услышутъ...

При граммофонѣ могли бы услышать дивныя пѣснопѣнія и мы въ своемъ уединеніи...

Когда граммофонъ смолкъ, я высказалъ свои мысли товарищу, прибавивъ въ заключеніе:

— Этакъ можно, пожалуй, составить изъ пластинокъ всю обѣдню?

— Къ сожалѣнію—нельзя,—отвѣтилъ онъ.

— Почему же?

— Не наѣта... Завѣдующіе магазинами—иностранцы; въ нашемъ церковномъ пѣніи они ничего не понимаютъ. Вотъ почему полной обѣдни и не составлено. А сдѣлать это было бы необходимо: мало ли такихъ больныхъ, прикованныхъ къ постели, какъ я?.. А старики и старухи, которые не могутъ посѣщать храмъ, а молиться желали бы подъ звуки церковныхъ пѣснопѣній, дающихъ высокое настроеніе душѣ... а школы, крестьяне, или наконецъ, жители вообще глухихъ угловъ, развѣ вы всѣ не нуждаетесь въ этомъ?

— О, еще и какъ!

— Ну, вотъ... да всѣхъ и не перечесть, кому граммофонъ могъ бы принести существенную пользу!

Товарищъ увлекся и сопровождалъ свою рѣчь оживленной жестикуляціей.

— А у тебя есть и свѣтская музыка?—спросилъ я.

— Да, есть кое что изъ разныхъ оперъ... найдется также нѣсколько маршей и хорошихъ народныхъ пѣсень... И только... Когда станешь покупать пластинки, то сдѣлай тоже хорошій, чистый выборъ... не соблазнился опереткой или цыганщаной, разной пошлостью не засорилъ душъ своихъ дѣтей... Я держусь того мнѣнія, что каждую такую техническую новинку, надо использовать съ ея лучшей стороны... Зачѣмъ граммофонъ дѣлать проводникомъ въ массы разной пошлости, развращающей души людей, если онъ можетъ исполнить службу болѣе высокой?.. Съ граммофономъ можно устраивать въ глухихъ селахъ концерты, составленные изъ нашихъ лучшихъ духовныхъ композиторовъ, въ исполненіи образцовыхъ хоровъ. Гдѣ же иначе крестьяне могутъ услышать Бортнянскаго, Турчанинова, Кастаньскаго, Малашкина и др. композиторовъ, а граммофонъ и сдѣлаетъ ихъ достояніемъ широкихъ массъ. Это послужило бы отвлеченіемъ отъ пьянства. Въмѣсто того, чтобы напиться, крестьяне пошли бы въ концертъ. Духовную музыку они любятъ и сердцемъ понимаютъ ее. И вотъ, провели бы вечеръ по человѣчески, а не по скотски. Всѣ получили бы благотворный нервный подъемъ, и умиротворенные отошли бы на отдыхъ, чтобы встать поутру здоровыми и бодро принятыя за обычный трудъ... Вѣдь хорошее исполненіе будетъ развивать у крестьянъ слухъ и вкусъ, а также укрѣплять любовь къ возвышенному. Конечно, говоря о граммофонѣ, я имѣю въ виду лишь тѣхъ, которые не могутъ слышать исполненія самихъ образцовыхъ хоровъ и по неволѣ должны довольствоваться граммофономъ. Затѣмъ: пользованіе имъ такъ же не исключаетъ устройства хоровъ: чѣмъ ихъ образуется больше, тѣмъ будетъ лучше. Несмотря на свои недостатки, грамафонъ все же способенъ доставить много хорошихъ минутъ... Только не надо мѣшать духовныя мелодіи съ цыганскими... Это все равно, что слышать изъ однихъ и тѣхъ же устъ и хвалу Богу и цыганскую чепуху...

— Можно ли будетъ достать чтонибудь въ исполненіи Капеллы?—поинтересовался я.

— Представь себѣ, что начево!..

— Жаль.. Отчего же это?

— Говорятъ: дорого возьмутъ.

— Но вѣдь платятъ же дорого Шаляпину, Собинову и другимъ опернымъ пѣвцамъ?

— Да, но ихъ пластинки зато очень быстро расходятся... держать ихъ выгодно... Пластинки же съ духовной музыкой расходятся медленно и потому магазины не стараются расширять ихъ выборъ. Объ этомъ должны позаботиться

тѣ, кому это вѣдать надлежитъ, кто заинтересованъ распространеніемъ духовно-нравственнаго просвѣщенія народа. Они то должны пригласить и Капеллу и Синодальный хоръ. Впрочемъ, что я говорю: Синодальный хоръ долженъ бы даромъ напѣть пластинки. Изъ пластинокъ съ образцовымъ исполненіемъ надо составлять цѣлыя коллекціи, и разсылать въ народныя бібліотеки, какъ теперь рассылають книги... И это надо дѣлать бесплатно, или по очень удешевленной цѣнѣ, такъ напримѣръ: вмѣсто 2-хъ рублей за пластинку брать полтинникъ... Расходы все равно окупятся, потому, что магазины берутъ на этомъ товарѣ страшный процентъ... А тутъ люди поработали бы идейно... Вѣдь пойми: на такое высокое дѣло, какъ народное образованіе, нельзя смотрѣть, какъ на источникъ наживы, обогащенія издателей-предпринимателей... Вѣдь это—Божье дѣло!.. Ахъ, да что я, впрочемъ: прежде всего надо найти такихъ просвѣтителей-заботниковъ... Укажи ихъ мнѣ... найди!

Я видѣлъ, что разговоръ сильно взволновалъ больного и потому поспѣшилъ уйти. По пути домой я задумался надъ словами товарища и понялъ, какъ онъ былъ правъ! Дѣйствительно, тѣ, кому вѣдать надлежитъ, вичего не сдѣлали для использованія граммофона въ цѣляхъ здороваго развлечения и религіозно-нравственнаго воспитанія народа. Вѣдь чѣмъ чаще призывать людей къ Небу, тѣмъ болѣе будетъ заглушаться въ нихъ все земное, низменное; съ пробужденіемъ въ чловѣкѣ чловѣческаго, будетъ усыпляться въ немъ животное... Не потому ли теперь такъ широко разлился разгулъ страстей, что чловѣкѣ поникъ взорами долу и заботится лишь о насыщеніи физическомъ, позабывъ объ утоленіи голода духовнаго. Между тѣмъ душа требуетъ такого же питанія, какъ и тѣло. Отъ отсутствія духовной пищи организмъ утратилъ необходимое равновѣсіе, и чловѣкѣ пересталъ управлять страстями, сдѣлавшись ихъ рабомъ... Не слѣдуетъ ли теперь особенно позаботиться напитать всѣми мѣрами и способами изголодавшуюся народную душу, чтобы скорѣе возстановилось утраченное равновѣсіе, и чловѣкѣ снова почувствовалъ себя господиномъ и владыкою надъ своими дисциплинированными страстями и чувствами.

М. Нильскій.

СМѢСЬ.

СКОТЫ И ЛЮДИ.

(изъ календаря).

Когда собакѣ въ день холодный
Я далъ ненужную мнѣ кость,
Лизнулъ мнѣ руку несъ голодный,
Забывъ свою собачью злость.

Когда жъ отъ бѣдствій, горшихъ казни,
Спасенъ былъ мной пріятель мой—
По человѣческой пріязни
Онъ заплатилъ мнѣ клеветой.

Забавно, право, въ нашемъ вѣкѣ,
Гдѣ такъ горды собою всѣ,
Скотство отмѣтить въ человѣкѣ,
И *человѣчность* въ бѣдномъ псѣ.

Дядюшка и Тетушка. Великимъ постомъ, въ самую распутицу, Императоръ Николай Павловичъ ѣхалъ въ Петербургъ въ саняхъ въ одиночку по Невскому проспекту. Онъ ѣхалъ тихо, потому что снѣгу было мало, а воды и грязи—пропасть.

Государь замѣтилъ, что всѣ, кто шелъ Ему навстрѣчу, снимая шляпу, улыбались.

— Не забрызгало ли меня грязью? спросилъ онъ своего кучера.

Кучеръ обернулся и видитъ, что за Царскими санями прицѣпилась дѣвочка лѣтъ 10-ти въ изношенномъ старенькомъ платьѣ, мокрая и грязная. Кучеръ, улыбаясь, сказалъ Государю, въ чемъ дѣло.

Императоръ Николай Павловичъ повернулся къ дѣвочкѣ. Не робѣя, она сказала:

— Дядюшка, не сердись... видишь, какая мокрота, а я-то вся измокла.

Императоръ приказалъ остановиться, посадилъ ее рядомъ съ собою и отвѣтилъ:

— Если я тебѣ дядюшка, такъ слѣдуетъ и тетушку тебѣ показать. Въ Зимній дворецъ!—приказалъ онъ кучеру.

Во дворцѣ Государь самъ привелъ дѣвочку къ Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ и сказалъ:

— Вотъ тебѣ еще новая рождественница.

Государыня обласкала бѣдную дѣвочку и, узнавъ, что она круглая сирота, пом стила ее въ домъ трудолюбія и положила на ея имя въ Опекунскій совѣтъ 600 руб. на приданое.

Меньше словъ—больше пользы. Одинъ докторъ терпѣть не могъ, чтобы больные много разспрашивали его о болѣзни. Знаящая это женщина, пришла къ нему, показала руку и сказала только:

— Обожгла.

— Припарку.

На второй день она сказала:

— Лучше.

— Продолжайте.

Спустя недѣлю женщина пришла и сказала:

— Зажило. Сколько?

— Съ такой умной женщины, какъ вы, ничего не возьму, — отвѣтилъ докторъ.

Блѣлая лисица. Въ Тобольскѣ на аукціонѣ ясака одинъ инородецъ изъ Сургута доставилъ совершенно бѣлую лисицу. „Сиб. Лист.“ по этому поводу сообщаетъ, что знатоки не могли на мѣстѣ оцѣнить эту величайшую рѣдкость.

Американскія свѣчи. Американецъ Списа только что получилъ всемірный патентъ на изобрѣтенныя имъ новыя свѣчи. Изобрѣтеніе это примѣнимо ко всѣмъ вообще свѣчамъ—стеариновымъ, пальмовымъ и даже къ уже вышедшимъ изъ употребленія салнымъ свѣчамъ добраго стараго времени. Сущность выдумки м-ра Списа заключается въ томъ, что обыкновенная свѣча, изъ какого бы то ни было матеріала, обертывается фольговымъ листомъ олова, окрашеннымъ въ любой цвѣтъ и оставляющимъ свободнымъ лишь верхній конической конецъ (запаль) свѣчи.

Въ Америкѣ уже открытъ большой заводъ для выдѣлки свѣчей Списа и образована акціонерная компанія для ихъ распространенія. Американцы, судя по отзывамъ газетъ, въ восторгѣ отъ новой свѣчи: говорятъ, она совершенно не оплываетъ и горитъ значительно спорѣе, чѣмъ обыкновенная свѣча. Преимущество ея заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что при ея горѣніи у горячаго конца всегда получается фольговое кольцо, не дающее свѣчѣ оплывать и дѣлающее сгораніе стеарина или другого горячаго матеріала болѣе полнымъ и совершеннымъ. Стоимость фольги вмѣстѣ съ работой по ея наклеиванію на свѣчу—ничтожная и не превышаетъ 2% фабричной стоимости стеариновой свѣчи.

Любопытно отмѣтить, что нѣчто подобное свѣчамъ Списа уже было предложено нѣсколько лѣтъ тому назадъ однимъ русскимъ изобрѣтателемъ. Это былъ какой-то послушникъ одного изъ нашихъ монастырей, которому пришла въ голову счастливая идея: натирать внѣшнюю поверхность свѣчи графитомъ, игравшимъ здѣсь ту же самую роль, что и фольга Списа. Но изобрѣтеніе это въ примѣненіи къ церковнымъ свѣчамъ не получило надлежащаго разрѣшенія, а примѣнить свое изобрѣтеніе къ обыкновеннымъ свѣчамъ скромный изобрѣтатель, кажется, и не пытался.

«Бой» между писателемъ и издателемъ. Одинъ „литературныхъ дѣлъ мастеръ“ поставлялъ въ одну уличную газету повѣсти и рассказы, при чемъ ради полученія большей построчной платы, уснащалъ ихъ безконечными разговорами въ два-три слова, въ родѣ такихъ:

— Видѣлъ ты его?

— Да.

— Гдѣ?

— Въ саду.

— Когда?

Издатель, находя это невыгоднымъ для себя, предложилъ плату не со строки а съ буквы; „писатель“ согласился и на эти условія, и въ слѣдующей же главѣ повѣсти ввелъ дѣйствующимъ лицомъ зайку, который тянулъ слова такимъ образомъ:

— Я... я... и пр... пр... прошу вв... ввась не... не... не ппос... ступпа... пать такъ ббо... болѣе!

Издатель пришелъ въ отчаяніе.

Почта „Дневника Писателя.“

Вологда.—Гр-му. Вы пишете, что въ „Кормчемъ“ напечатано стихотвореніе, принадлежащее Круглову, съ подписью N, и говорите, что эти „стихи вы читали въ „Душен. Чтеніи“. Да, эти стихи потомъ вошли и въ сборникъ „Любовь и Истина“ А. В. Круглова. „Кормчій“ напечаталъ стихотвореніе не цѣликомъ. Но почему онъ подписалъ N, а не Кругловъ, не извѣстно. Мы писали редактору „Кормчаго“, объяснили кому принадлежать стихи и просили поправить ошибку, но редакторъ ничего не отвѣтилъ на письмо и не нашелъ нужнымъ исправить свою (конечно, небольшую) ошибку. Вотъ *это уже*, конечно, недопустимо и является нарушеніемъ литературной этики. Перепечатывать можно, но не надо скрывать фамилій, надо указывать источникъ, а если сдѣлана ошибка—то признаться въ ней.

Народн. школамъ, учителямъ, войскамъ и священнослужителямъ. Отдѣльно портретъ о. Іоанна не изданъ нами. Но въ виду желанія многихъ имѣть портретъ, а также отд. приложеніе, № 2-й „Дн Писателя“ гдѣ помѣщено иллюстр. приложеніе: „Памяти великаго священника Земли Русской“—готовы высылать за 30 к. в.м. 60 к.—школамъ, войскамъ и священнослужителямъ. Деньги можно присылать марками. Также для ознакомленія съ журналомъ и янв. № высылается за 30 к. в.м. 60 к.

Тобольскъ. П-ку. Драма, о которой вы спрашиваете, начнется печатаніемъ съ іюльской книги.

Вологда.—Л-чу. Просимъ передать А. Ф. Басову, что мы не знаемъ его адреса, а посылать №№ до востребованіе—оказывается напраснымъ: они не достигаютъ цѣли. Пусть А. Ф. укажетъ точный адресъ и кстати вспомнить свое общаніе.

Редакторъ-Издатель *А. В. Кругловъ.*

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1909 ГОДЪ

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

на ежедневную, кромѣ послѣпраздничныхъ дней, умѣренно-прогрессивную политическую, литературную, общественную и экономическую газету

„ГОЛОСЪ САМАРЫ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

для городскихъ на годъ—5 р. 55 к., на полгода—3 р. 5 к., 3 мѣс.—1 р. 55 к., 2 мѣс.—1 р. 5 к. и 1 мѣс.—55 к. Для иногородн. на годъ—6 р. 55 к., на полг.—3 р. 55 к., 3 мѣс.—1 р. 85 к., 2 мѣс.—1 р. 25 к. и 1 мѣс.—65 к.

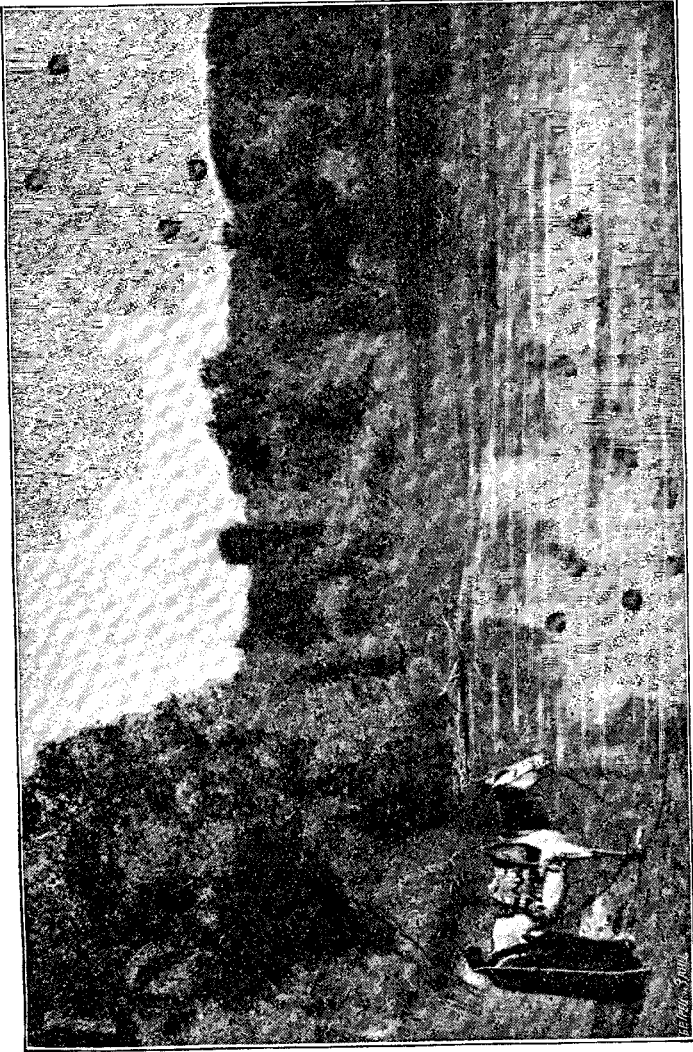
Редація и Контора газеты помѣщается въ д. Киселева, Саратовск. улица, № 53.

Редакторъ-Издатель С. Я. Богусевскій.

Открыта подписка на 1909 г. (изд. 24-й г.).

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

Издается съ 1885 г.—Одобрень всеми вѣдомствами. 52 №№ Литератур.-Художеств. журнала большого формата, до 2,000 стр. текста и до 300 иллюстрацій. 12 книгъ душеполезнаго чтенія, которыя до 2,000 стран. будутъ выходить въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца. Въ составъ этихъ книгъ войдутъ сочиненія: 1 Прологъ. Обработ. Священ. П. Поляковъ. 2 „Сынъ Человѣческой.“ Опроверженіе ложныхъ теорій о Лицѣ Иисуса Христа и собраніе свидѣтельствъ со стороны не вѣрующихъ о высокомъ достоинствѣ характера, жизни и дѣлъ Его. Докторабогословія, профессора Филиппа Шаффа. 3. Сыны свѣта. Второй сборникъ церковно-историч. повѣстей Л. И. Денисова. 4—5. Новая скрижаль. Объясненіе всѣхъ церковныхъ службъ, обрядовъ, молитвословій и предметовъ церковнаго обихода. Архіепископа Веніамина Нижегородскаго. 6. Два міра. Повѣсть изъ первыхъ временъ христіанства. Н. Галестинава. 7—8. Доказательства истинности христіанской вѣры на основаніи буквальнаго исполненія вѣтхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ пророчествъ. Извѣстн. англ. богослова Кейта. 9. „Воззрять нань. Его же прободоша“. Карт. изъ зем. жизни Спасителя. М. Монорла. 10. Весе́ды объ отношеніи церкви къ христіанамъ. Проф. Киевск. Духовн. Академіи Я. К. Амфитеатрова. 11. Книгиня-инокиня. Ист. пов. изъ русской придворной жизни XVIII в. Н. К. Клименко. 12. Апокалипсисъ. Толкованіе Святаго Андрея, Архіеписк. Кесарійскаго, съ подробн.-историко-догмат. очеркомъ Ив. Ювачева. Кромѣ того еще будутъ даны: Полный кругъ Господнихъ празднико́въ. Составилъ Е. Поселянинъ. Это описаніе Господнихъ празднико́въ вмѣстѣ съ описаніемъ празднико́въ Богородичныхъ (см. ниже Богоматерь.) составилъ полный кругъ всѣхъ празднико́въ во имя Иисуса Христа и Пр. Богородицы. 4 книги свыше 700 стр. большого форм. Православныя Русскія Обители. Полное роскошно иллюстрированное описаніе всѣхъ православныхъ русскихъ монастырей въ Россійской Имперіи и на Аѳонѣ. 4 книги свыше 700 стр. большого форм. Богоматерь. Полное иллюстрированное описаніе всѣхъ (602) иконъ Богоматери съ приложеніемъ описанія земной жизни Пресвятой Богородицы и посвященныхъ Ея имени празднико́въ подъ редакціей Е. Поселянина. Подписная цѣна: на журналъ безъ доставки въ Спб. пять руб., съ дост. и перес. по всей Россіи шесть рублей. Допускается разсрочка: При подпискѣ 2 рубля, къ 1 апрѣля 2 рубля и къ 1 іюня остальные. Главная контора: С.-Петербургъ, Стремянная, 12, соб. д.

Р'ка Гордань.

усталые взоры зеленый Иерихонский оазисъ и извивающійся далѣе узкою голубою лентою Иорданъ, а за нимъ—синяя цѣпь Моавитскихъ горъ, какъ бы стоящихъ на стражѣ знойной Аравіи.

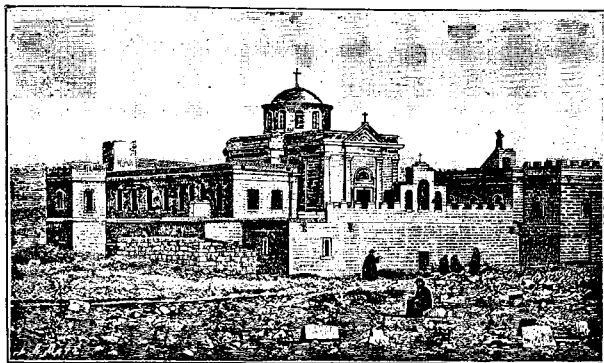
По спускающейся внизъ дорогѣ живописно растянулся многолюдный караванъ русскихъ богомольцевъ, направляющихся прямо къ священной рѣкѣ. Обогнавъ караванъ, мы поѣхали правѣе Иерихона къ югу; здѣсь, сдавленное со всѣхъ сторонъ высокими горами, зыстыло въ неподвижности мрачное Мертвое море.

По сыпучимъ пескамъ, среди обнаженныхъ отъ зелени холмовъ, между колючимъ терновникомъ истомленные отъ зноя, мы подѣхали къ монастырю преподобнаго Герасима—подвижника Иорданской пустыни. Отслуживъ здѣсь молебенъ и насладившись прохладой, мы двинулись далѣе къ Иордану.

Миновавъ источникъ преподобнаго Герасима, къ которому звѣрь-послушникъ (левъ) ходилъ за водой, черезъ часъ пути, мы достигли священной рѣки, берега которой красиво и густо обрамляютъ свѣсившіяся надъ водой ивы. По преданію въ предѣлахъ этой мѣстности совершилось крещеніе Богочеловѣка, когда при отверстныхъ небесахъ „Отецъ во гласѣ, Сынъ плотію во Иорданѣ, Духъ же Святыи въ видѣ голубинѣ явился“ (Треб. молитва на освящ. иконы Пресв. Троицы). Какое счастье для христіанина видѣть во очію эти дорогія сердцу мѣста!

Караванъ не заходившій въ монастырь преп. Герасима, былъ уже здѣсь; богомольцы въ часѣ прибрежныхъ ивъ снѣжно одѣвались въ приготовленное на смертныи часъ платье, желая освятить его въ струяхъ Иорданскихъ.

Вскорѣ о. іеромонахъ началъ служить молебенъ; лишь только крестъ при пѣніи тропаря „Во Иорданѣ крещающуся Тебѣ Господи“ коснулся воды, всѣ богомольцы благоговѣнно начали погружаться въ священныя струи. Зрѣлище было глубоко-умилительное!

Монастырь Іоанна Крестителя.

Погрузившись трижды въ Иорданъ и взявъ съ собою немного воды, мы поѣхали къ монастырю Іоанна Крестителя, совершенно затерявшемуся въ сожженной пустынѣ, въ которой когда то раздавался гласъ вопіющаго „покайтесь!“

Дорога сильно утомила нашихъ лошадей, и онѣ рады были краткому отдыху у монастыря, гдѣ мы служили молебенъ „величайшему изъ рожденныхъ женами“.

Затѣмъ еще около часа мы двигались по знойной песчаной пустынѣ; и лишь въ 4 часа по полудни достигли цвѣтущаго оазиса, въ которомъ пріютилась

жалкая арабская деревушка—Ериха. Отъ древняго же Іерихона не осталось ничего; среди лачугъ красиво выдѣляется большой русскій домъ въ два этажа съ плоской крышей, широкой каменной террасой; по преданію на этомъ мѣстѣ стоялъ нѣкогда домъ мытаря Закхея; въ напомяніе стого на фасадѣ зданія красуются евангельскія слова, сказанныя Спасителемъ Закхею: „днесь въ дому твоёмъ подобаетъ Ми быти“ (Ев. Лук. 19, 5.).

Русскій домъ въ Іерихонѣ.

По прибытіи сюда каравана, въ просторномъ помѣщеніи нижняго этажа, о. Тихономъ было совершенно всенощное бдѣніе при воодушевленномъ участіи богомольцевъ.

Вечеромъ на закатѣ солнца я посѣтилъ, находящійся не подалеку, обширный фруктовый садъ нашей Іерусалимской Миссіи. На деревьяхъ висѣли зрѣлые апельсины и лимоны, гранаты, персики, абрикосы и бананы. Исполнскіе пѣвѣтущіе олеандры наполняли воздухъ благоуханіемъ. Надъ всѣмъ этимъ раемъ мѣстами возвышались стройныя, какъ минареты, пальмы съ кудрявыми вершинами. Трудно маѣ—сыну холоднаго сѣвера—удержаться отъ удовольствія сорвать свою рукою хотя одинъ румяный плодъ. Уже смеркалось, когда я возвратился на подворье; вскорѣ наступила и ночь. Тихій и молчаливый днемъ Іерихонъ проснулся; съ высоты плоской крыши русскаго дома я долго любовался пылавшими въ разныхъ мѣстахъ кострами, около которыхъ толпились дикія дѣти пустыни, и варили себѣ незатѣйливый ужинъ; снизу долеталъ гортанный говоръ бедуиновъ, а также плачь и хохотъ полунагихъ и до нельзя грязныхъ ребятишекъ, блеянье козъ и овецъ, пронзительные и жалобные крики ословъ, словно жаловавшихся на свою горькую долю, тяжелое рабство и голодовку. Временами черезъ это море звуковъ прорывались дикіе напѣвы арабскихъ пѣсней подъ нестройный и своеобразный аккомпаниментъ пастушеской свирѣли. Но едва потухли костры, и замеръ въ воздухѣ этотъ диссонирующій аккордъ пустыни, какъ на смѣну ему послышались новые щемящіе звуки: жалобный вой, вышедшихъ на охоту голодныхъ шакаловъ.

Вскорѣ взошла луна; при ея блѣдномъ сіяніи выплыли изъ мрака спящій Іерихонъ, притягающая къ нему пустыня и окрестныя горы; было видно даже и Мертвое море. Невольно вспоминаешь, что на днѣ мрачныхъ соленыхъ водъ Мертваго моря, нашли общую могалу пять грѣшныхъ городовъ. По другую сторону Мертваго моря неясно обрисовываются горы, съ высоты которыхъ, оживнулъ предсмертнымъ взоромъ обѣтованную Землю согрѣшившій предъ Богомъ Моисей.

Тамъ и былъ скрытъ отъ современниковъ прахъ этого славнаго пророка—бого-видца и вождя народа Божія.

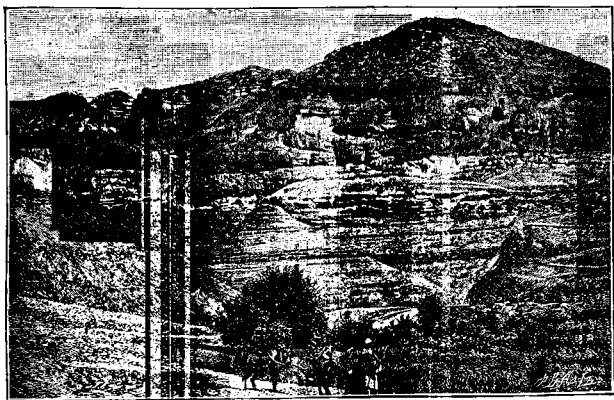
За этими горами расположена та суровая пустыня, въ которой спасалась препод. Марія Египетская.

Не сохраняя слѣда минувшаго и стремительный Иорданъ, покорно осушившій вѣкогда дно свое и снова на немъ похоронившій дивный путь, по которому шествовалъ „немокрено“ яко по суху побѣдоносный Израиль.

Хранить молчаніе и Иорданская пустыня—свидѣтельница нечеловѣческихъ подвиговъ, просіявшихъ въ ней подвижниковъ, коими процвѣла она „яко кринь“.

А Иерихонъ? Что можетъ повѣдать о быломъ эта жалкая Ериха? Что общаго въ этой мирно спящей деревушкѣ съ Иерихономъ древнихъ временъ—грознымъ, роскошнымъ и неприступнымъ? Не осталось ничего—кромѣ нѣкотораго созвучія именъ.

Заклятіе вождя израильскаго Исуса Навина (Кн. Ис. Нав. 6, 25.) все еще тяготѣетъ надъ этимъ мѣстомъ: три раза вставалъ Иерихонъ изъ праха развалинъ и три раза снова обращался въ нихъ; суждено ли ему возстать въ четвертый разъ и опять украситься пышными дворцами?

Сорокадневная гора.

Прежде чѣмъ возвратиться въ Иерусалимъ, намъ надлежало посѣтить Сорокадневную гору, на которой Господь постился сорокъ дней и былъ искушаемъ сатаною. Гора эта высится своею красноватою вершиною къ западу отъ Иерихона.

Подкрѣпившись легкою закускою изъ помидоровъ, салата и неизбѣжныхъ маслинъ, мы въ 8 ч. утра, простились съ Иерихономъ и отправились къ горѣ. Ѣхать въ экипажѣ можно было лишь до источника пророка Елисея. По просьбѣ жителей Иерихона, пророкъ своей молитвой устранилъ горечь изъ воды источника и сдѣлалъ ее вкусною и здоровою.

Этотъ единственный источникъ живить и поддерживаетъ собою весь оазисъ. По словамъ нашего проводника—этотъ живой ручеекъ раздѣленъ владѣльцами садовъ на многія русла, при чемъ по каждому изъ нихъ вода отпускается въ опредѣленные часы сутокъ; благотѣльное значеніе этого ключа всегда цѣнилось очень высоко; не даромъ сарацены въ эпоху крестовыхъ походовъ назвали этотъ родникъ „сокровищемъ дикой пустыни“ или еще „пустыннымъ алмазомъ“ (Рыцарь въ Палестинѣ. В. Скотта).

Отъ источника нужно было идти пѣшкомъ. Солнце нещадно палило насъ

знойными лучами, когда мы поднимались въ гору по извилистой и крутой дорогѣ. Достигнувъ небольшого православнаго монастыря, пріютившагося на полугорѣ подобно ласточкину гнѣзду, мы отдохнули съ минутою около того камня, который, по преданію, не разъ служилъ сѣдалищемъ и для Господа. Взявъ у о. настоятеля бинокль и пройдя со страхомъ и трепетомъ по предательски легкому, висящему надъ зіяющей пропастью, монастырскому балкончику, мы продолжили свое путешествіе.

Пропасть росла, горизонты расширялись, а мы все выше и выше поднимались по кругой и узкой тропѣ,—все ближе и ближе къ каменистой ярко-сѣрой отъ солнечныхъ лучей вершинѣ.

Понадобилось полтора часа для того, чтобы съ низменной Иорданской долины очутиться на высотѣ 980 метровъ, у воротъ каменной стѣны, которой обнесена небольшая площадка, занимающая вершину горы. Иноками предположено выстроить здѣсь храмъ и пріютъ для паломниковъ, посѣщающихъ гору; но дѣло почему-то подвигается очень медленно: еще даже не выровнена самая площадка; дикіе камни загромодили ее; они же увязали собою и всю гору, придавая ей мрачный, унылый видъ пустыни. Сюда, принявъ крещеніе отъ Іоанна „возведенъ бысть Духомъ Іисусъ искушиться отъ діавола“ (Матѣ. 4, 1).

Не эти ли камни вкрадчивый лукавый голосъ искусителя предлагалъ взять кавшему Господу Іисусу превратить въ хлѣбы: „аще Сынъ еси Божій, рци, да камень сіе хлѣбы будутъ“ (Матѣ. 4, 3). И не здѣсь ли прозвучалъ въ отвѣтъ ему твердый божественный гласъ: „Отойди отъ Меня сатана!“ (—10). При видѣ этой пустынной и мрачной дебри невольно срывается съ устъ горячая мольба здѣсь къ Христу-Волгу, дабы Онъ далъ и намъ немощнымъ силу и крѣпость побѣждать своего исконнаго врага.

Взобравшись на самую верхнюю точку и отдыхая отъ труднаго подъема, всѣ мы долго любовались чрезвычайно красивыми при яркомъ солнечномъ освѣщеніи окрестными видами; особенно веселитъ взоры возвышающаяся на западѣ, какъ граненый обелискъ, наша русская Елеонская колокольня; черезъ вершины ближайшихъ іудейскихъ горъ она видна отсюда какъ на ладони.

Съ прочихъ сторонъ (сѣв. вост. и южн.) намъ представлялась все та же вчерашняя картина въ болѣе широкихъ размѣрахъ и при другомъ освѣщеніи: Іерихонъ и прилегающія къ нему изумрудныя поля—зеленое пятно на желтомъ фонѣ угрюмой пустыни; далѣе—та же голубая лента священной рѣчки, обрамленная зеленой бахромой, и сивѣющія за-иорданскія горы; то-же спокойное неподвижное Мертвое море, отражающее въ себѣ синеву неба и прибрежныя скалы.

Все это—внизу; а надъ нами—лазурь южнаго неба, въ которой съ крикомъ кружатся журавли; а надъ ними въ недосыгаемой высотѣ парятъ едва замѣтные орлы, высматривая въ стадахъ себѣ добычу.

Пора было возвращаться въ Іерусалимъ. Мы съ большою неохотой покинули эти высоты. По выходѣ изъ воротъ огады я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи еще разъ полюбоваться окрестностями. Рискую оборваться въ пропасть, я обошелъ по узенькой тропинкѣ вокругъ огады. Особенно жутко было на сторонѣ, обращенной къ Іордану: обрывъ тѣнитъ тропинку къ самой стѣнѣ. Цвѣточки, похожіе на макъ, пробиваются по скату среди нагроможденныхъ камней, невольно привлекая къ себѣ взоры путниковъ. Но рѣдко рука неосторожнаго дерзаетъ сорвать ихъ.

Спустившись съ горы, мы сѣли въ ожидавшій насъ экипажъ и скоро выѣхали на вчерашнюю дорогу. Вступая въ іудейскія горы, я еще разъ прощальнымъ взоромъ окинулъ пустыню и полный впечатлѣній двухъ минувшихъ дней, возвратился въ Іерусалимъ.

V.

ЕЩЕ ШЕСТЬ ДНЕЙ.

Прошло всего лишь шесть дней со времени возвращенія моего съ береговъ священной рѣки, а впечатлѣній за цѣлый годъ; съ момента пробужденія и до конца дня душу ни на минуту не покидаетъ какое-то особенное чувство радости; чувство такой же радости, а иногда и блаженства сіяетъ и на всѣхъ лицахъ.

Какъ пріятно бываетъ выйти на обширный миссіейскій дворъ или въ садъ, и на далекой чужбинѣ повсюду видѣть родныя русскія лица!

Здѣсь, подъ сѣнью національнаго флага при русскомъ Консульствѣ, подъ защитой благодѣтельнаго Русскаго Палестинскаго Общества и подъ духовнымъ руководствомъ нашей Іерусалимской Миссіи, какъ въ теплое гнѣздышкѣ собралась вся святая Русь: подъ кровлями миссіейскихъ подворій можно встрѣтить пылкаго, подвижнаго, говорливаго бессарабца и флегматичнаго малоросса, юркаго ярославцаи молчаливаго сибиряка, на чело котораго суровая природа наложила печать серьезности.

Лишь кавасы-черногорцы, да торгующіе греки своимъ видомъ диссонируютъ съ общей массой паломниковъ. Но говорятъ они по русски, хотя и коверкая слова. Отъ взрослыхъ туземцевъ не отстаютъ и ихъ дѣти. Утромъ около хлѣбной лавки можно каждый день слышать, какъ маленькій—лѣтъ пяти, не больше, сынъ свободной Эллады, взобравшись на опрокинутую бочку и вызывая у прохожихъ добродушную улыбку, словно колокольчикъ звенить по русски: „хлѣба, матуська, хлѣба! Кому тлеба (треба т. е. нужно) голячій (горячаго) хлѣба“!

Тихо и мирно течетъ жизнь нашихъ богомольцевъ въ Іерусалимѣ, не опустительно они посѣщаютъ храмы, какъ бы стараясь восполнить здѣсь этотъ пробѣлъ своей будничной жизни, гдѣ за разными мірскими дѣлами и заботами имъ не всегда доступно посѣщеніе церкви. Все свободное отъ продолжительныхъ великопостныхъ богослуженій время они употребляютъ на паломничество къ безчисленнымъ святынямъ Іерусалима и на обзоръне его достопримѣчательностей.

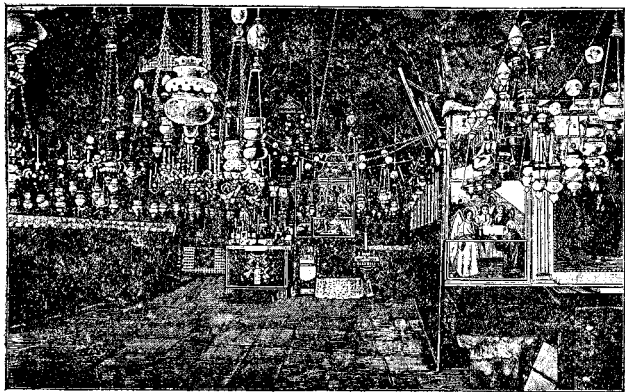
Есть въ окрестностяхъ Іерусалима еще одна, дорогая для всѣхъ христіанъ могила, къ которой столь же ревностно какъ и ко гробу Господню стремятся богомольцы, и несутъ туда годами копившіяся слезы и горе; могила эта—погребальная пещера, въ которой три дня—подобно Сыну Своему и Богу—почила тѣломъ Матерь Божія—усердная заступница рода христіанскаго.

Туда-то прежде всего и послѣшилъ я съ проводникомъ по возвращеніи съ Іордана. Перейдя за городомъ по мосту черезъ Кедронъ, мы скоро очутились на томъ мѣстѣ, гдѣ ютилась когда то въ тѣни блѣдно-зеленыхъ оливъ евангельская Геосиманская весъ: что же мы видимъ нынѣ?

Только бѣдное зданіе на мѣстѣ святомъ,
Только имя одно отъ селенія!
Тяжело вошелъ въ землю надгробный пріютъ
Время гложетъ слѣды украшеній;
Сколько міра и чистой отрады
Въ углубленьи скалы, въ яркомъ свѣтѣ огня,
Видно малое бѣлое ложе;
Непорочное тѣло почило три дня

И тобой вознесёно о, Боже!
 И съ тѣхъ поръ здѣсь горячія слезы блестятъ,
 И всѣхъ странъ приношенія благія,
 И молитвъ оиміамъ, и цвѣтовъ аромать
 Предъ тобою Приснодѣва Маріа!

Началась литургія, когда мы спустились по вѣсковымъ ступенямъ въ полумракѣ святилища, въ глубинѣ котораго находится изсѣченная въ натуральной скалѣ отдѣльно стоящая кувуклія, т. е. часовня съ гробовой пещерой внутри.

Погребальная пещера Богоматери.

Тридневное ложе, къ которому, по окончаніи литургіи въ числѣ прочихъ богомольцевъ приложился и я, служить нынѣ для грековъ и армянъ престоломъ; здѣсь же вблизи „Честнѣйшей“ дщери своей нашли упокоеніе и родители ея святые Іоакимъ и Анна; гробницы ихъ находятся въ половинѣ выходной лѣстницы; а противъ нихъ на другой сторонѣ той же лѣстницы пріютилась третья славная гробница—праведнаго Іосифа Обручника. Вселясь блаженными душами въ небесномъ Іерусалимѣ, всѣ эти приснопамятные галилеяне и тѣломъ пожелали упокоиться въ земномъ Іерусалимѣ.

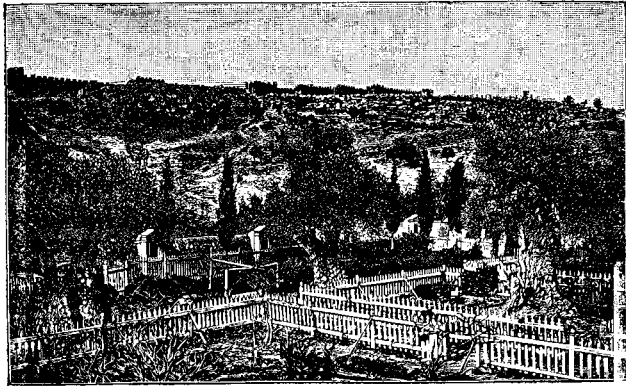
Выйдя изъ храма, мы направились въ русскій Геосиманскій участокъ къ храму во имя св. равноапостольной Маріи Магдалины, который, возвышаясь среди молодыхъ кипарисовъ, уже давно привлекалъ мое вниманіе своимъ архитектурнымъ видомъ и золотыми главами; сооруженный на средства Августѣйшихъ дѣтей почившей императрицы Маріи Александровны, на молитвенную память о ней, храмъ этотъ можно сказать—красивѣйшій изъ всѣхъ храмовъ Святой Земли. Великолѣпному внѣшнему его виду вполне соответствуетъ пзщная внутренняя отдѣлка; особенно хороши нѣкоторые мозаическіе образа: св. равноапостольной Маріи Магдалины надъ входомъ въ храмъ, св. Николая Чудотворца въ алтарѣ,—и Верещагинская живопись въ бѣломъ мраморномъ иконостасѣ.

Храмъ этотъ построенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ,—по преданію,—во время торжественнаго шествія въ св. градъ, глядя на него, Господь заплакалъ о предстоящемъ разрушеніи его и сказалъ:

„О, если бы и ты, хотя въ сей твой день узналъ, что служить къ миру твоему! Но это сокрыто нынѣ отъ глазъ твоихъ: ибо придутъ на тебя дни,

когда враги твои обложатъ тебя окопами и окружаютъ тебя и стѣснятъ тебя отовсюду, и разорятъ тебя и побьютъ дѣтей твоихъ и не оставятъ въ тебѣ камня на камнѣ за то, что ты не узналъ времени посѣщенія твоего. (Ев. Лук. 19, 41-44).

Стоя на высококомъ церковномъ крыльцѣ, мы долго любовались прекраснымъ видомъ Иерусалима, которому вѣкорѣ (въ 71 году по Р. ХР.) пришлось пережить исполненіе печальнаго пророчества, когда жители его, осажденные римскимъ полководцемъ Титомъ, перенесли на себѣ всѣ ужасы долгой осады: тогда, неизмовѣрно мучимые голодомъ, они съ жадностью грызли кожу со щитовъ и обуви, не гнушались падалюю и—ѣли даже собственныхъ дѣтей!

Геосиманскій садъ.

Не узналъ ты, Иерусалимъ, „времени посѣщенія твоего!“

Посѣтивъ мимоходомъ такъ называемый царскій домикъ, сооруженный при входѣ въ участокъ, и обративъ вниманіе на лежащій по близости камень—по преданію—мѣсто явленія Божіей Матери св. ап. Ѳомѣ—мы зашли еще въ сопредѣльный участокъ латинянъ, чтобы видѣть 8 очень древнихъ маслянъ, по всей вѣроятности послѣднихъ отпрысковъ геосиманскаго сада современнаго Христа. Какъ же не зайти туда, на то мѣсто, гдѣ Господь за день до искупительной смерти молился Отцу Своему Небесному о чашѣ голгоетскихъ страданій, орошая землю кровавымъ потомъ; „бысть же потъ Его, яко капли крове, каплющія на землю“, какъ повѣствуетъ св. Лука (22, 44)

Невольный трепетъ объемлетъ душу при воспоминаніи этихъ страшныхъ минутъ жизни Богочеловѣка на землѣ:

Ни одна душа людская
Не испытала никогда
Той боли тягостной, какая
Въ Его груди была тогда.

Отдавшись всецѣло охватившимъ меня чувствамъ, я лишь на обратномъ пути ощутилъ голодъ и нѣкоторую усталость. Я возвратился домой довольный всѣмъ видѣннымъ и испытаннымъ.

На склонѣ Елеона есть еще одинъ русскій участокъ, въ которомъ находится пещера съ гробами пророческими. Съ этой-то пещеры мы и начали на дру-

гой день свое дальнѣйшее восхожденіе изъ Геосиманскихъ предѣловъ на вершину Елеона; войдя черезъ небольшое отверстіе въ глубокое подземелье, мы увидели множество ходовъ въ небольшія погребальныя пещерки съ ложами для покойниковъ. Неприглядно и сыро въ этомъ мѣстѣ упокоенія, ясно и живо напоминающемъ посѣтителю о тлѣнности всего земного и о неизбежности послѣдняго конца.

Далѣе мы зашли въ латинскій монастырь Кармелитокъ, заключающій въ себѣ то мѣсто, гдѣ по преданію, Господь научилъ учениковъ своихъ молиться Отцу Небесному. Для большого напомниманія объ этомъ внутри монастыря на стѣнахъ обширной четырехъ-угольной крытой галлерей, на 33 языкахъ написана молитва Господня, въ томъ числѣ и на рускомъ („московит“), но съ невозможными орфографическими ошибками.

Наконецъ мы достигли и главной святыни Елеона, горько сожалѣя лишь о томъ, что она находится въ рукахъ иновѣрцевъ: мусульманская часовня покрываетъ собою отпечатлѣвшійся въ натуральной скалѣ слѣдъ отъ стопы „вознесшагося отъ земли на небо Христа Живнодавца“.

Знойный день склонялся уже къ вечеру, когда мы подошли къ плоской вершинѣ Елеона, занятой также русскимъ участкомъ земли. Какъ отраднo сознавать, что куда бы только ни ступилъ нашъ русскій богомолецъ въ Палестинѣ, вездѣ онъ находилъ нынѣ русскій кровъ, родное гостепрѣимство: въ преддверіи Святой Земли—въ Яффѣ, въ самомъ святомъ градѣ и около него въ Геосиманіи, на Елеонѣ, въ Горней, въ Мамврійской долинѣ, въ знойномъ Иерихонѣ, Ветъ-ужалѣ и далекомъ Назаретѣ.

Вѣчная память усопшимъ и слава живымъ русскимъ труженикамъ Святой Земли!

Войдя въ храмъ Вознесенія Господня на Елеонѣ, мы очутились у дорогой для русскихъ могилки одного настоятеля русской Миссіи—архимандрита, отца Антонина (въ мирѣ Андрей Ивановичъ Капустинъ, сынъ священника с. Батурина, Шадринскаго у. Пермской губ.) На его долю выпало вполнѣ заслуженное счастье покоиться подъ сѣнью имъ же самимъ сооруженнаго храма.

Миръ праху его!

Храмъ, какъ видно, построенъ на развалинахъ древняго, болѣе обширнаго храма, о чемъ свидѣлствуютъ обломки колоннъ, какъ внѣ храма, такъ и внутри его; послѣднія служатъ подставками для подсвѣчниковъ; кромѣ колоннъ о старинѣ свидѣлствуетъ часть пола древняго храма, выложеннаго красноватымъ мраморомъ, какъ бы въ напомниманіе потомкамъ о потокахъ мученической крови, пролитой здѣсь невѣрными.

Посѣтивъ затѣмъ сооруженный на раскопкахъ домикъ, въ которомъ открыта часть древняго пола тонкой мозаической работы съ изображеніемъ рыбъ, птицъ и звѣрей, и осмотрѣвъ хранищуюся здѣсь древнюю церковную утварь (дискосъ), мы направились къ келіи простого и гостепрѣимнаго старца—игумена Пареевнѣ, сподвижника достопамятнаго о. Антонина по украшенію русскаго Елеона. Богъ благословилъ труды этихъ замѣчательныхъ людей полнымъ успѣхомъ, высятся къ небу молодые темнозеленые кипарисы, зеленѣютъ по склону горы маслины, отгѣняя собою бѣлизну сооружений: храма, отдѣльно стоящей колокольни, музея, подворья и келій.

Утоливъ голодъ и жажду, я посѣтилъ къ колокольнѣ здѣшняго храма. Это краса и гордость наша! это самое высокое сооруженіе во всей Палестинѣ—достойный надгробный памятникъ почившему строителю. Съ высоты колокольни

гулко разноситъ славу русскаго имени по дебрямъ Іудейскихъ горъ самый большой, въ 308 пудовъ колоколь.

Несмотря на то, что Елеонъ самъ по себѣ высокъ и съ вершины своей открываетъ широкій кругозоръ, всякій, кто только въ силахъ, считаетъ за удовольствие подняться на головокружительную высоту колокольни.

Взойдя по чугунной винтообразной лѣстницѣ на верхній ярусъ колокольни, я обошелъ кругомъ остроконечнаго купола по узенькому балкончику, нарочно-устроенному для посѣтителей. Не знаю какъ выразить свой восторгъ и изумленіе передъ тѣмъ, что открылось тогда моему восхищенному взору! Горизонтъ чрезвычайно раздвинулся! Сколько царствъ увидѣли бы съ этой высоты соглядатаи Іисуса Навина: Аммонитское, Моавитское, Амморейское, Филистимское и еще много другихъ!..

Внутри купола меньшихъ размѣровъ лѣстница ведетъ еще выше двухъ рядовъ оконъ. Тамъ, сидя на послѣдней 285 ступени и касаясь рукою подножія креста, подъ шумъ и завываніе вѣтра я долго любовался святымъ градомъ въ небольшое слуховое оконце.

Много величественныхъ картинъ и красотъ природы видѣлъ я за время своего путешествія, но не многія изъ нихъ оставили у меня въ памяти такой неизгладимый слѣдъ, какъ этотъ тихій Елеонскій вечеръ и ночь.

Скоро знойный день догорѣлъ надъ Святой Землей. Быстро ступились вечернія тѣни; потухла заря, и все исчезло во мракѣ, лишь вверху сіяли надъ Святой Землею неизмѣримо далекія звѣзды...

Но вотъ изъ-за каменистыхъ горъ Іудеи показалась луна, борясь со мглой ночи, нѣжные, блѣдные лучи ея все дальше и дальше проникали въ глубокія лощины и озаряли окрестность. Выплыли изъ мрака сонные грады и веся; спятъ въ ней усталые отъ дневной суеты бѣдные люди, но не спитъ природа; она уже очнулась отъ короткаго сна и живетъ какой-то таинственной жизнью, похожей на грезу, на волшебную сказку.

Сидя на склонѣ горы и сердцемъ стараясь объять необъятное, недоступное для внѣшнихъ чувствъ, я долго прислушивался къ тихимъ голосамъ ночи, которые доносили до меня согрѣтый дыханіемъ пустыни вѣтерокъ. И чудилось мнѣ, словно я слышу, какъ шумятъ высокими вершинами ливанскіе кедры, журчатъ горные потоки, неслышно струится священная рѣка, какъ качаютъ вѣтвями прибрежныя ивы и шепчутся между собою сѣдыя маслины и широколистые баваны. А Іерусалимъ? Я никогда не забуду—выражаясь словами знаменитаго путешественника (Фарраръ)—впечатлѣнія, произведеннаго видомъ св. града, который съ его башнями, минаретами и мерцающими огнями купался въ блескѣ пасхальнаго полнолунія. (299 примѣч. на II т. жизни Іисуса Христа).

Утромъ слѣдующаго дня, посѣтивъ ближнюю пещеру, въ которой много лѣтъ въ образѣ мужа подвизалась преподобная Пелагія Антиохійская, мы отправились на западную вершину Елеона. Эта вершина извѣстна подъ названіемъ „Малой Галилеи“, или еще „горы мужей галилейскихъ“, такъ-какъ на ней, по преданію—„мужіе галилейстїи“—святые апостолы Христовы услышали ангельское благовѣстіе о второмъ пришествіи на землю Сына Божїа: „... Сей Іисусъ вознесшійся отъ васъ на небо также придетъ, имъ же образомъ видѣсте Его идуща на небо“ (Дѣян. I, II).

Осмотрѣвъ греческія сооруженія въ малой Галилеѣ, мы снова спустились въ Геосиманію и оттуда, съ терраски царскаго домика около двухъ часовъ лю-

бовались невиданнымъ мною зрѣлищемъ: мусульманское населеніе города и окрестныхъ селеній отправлялось изъ Іерусалима къ Мертвому морю на одну изъ горъ, гдѣ процвѣтала раньше лавра преподоби. Евѳимія, обращенная нынѣ въ мусульманскій монастырь

По мусульманскимъ преданіямъ на томъ будто мѣстѣ скончался пророкъ Моисей, и тамъ находится гробъ его — „Неби-Муса.“ Туда-то и стекаются многія тысячи правовѣрныхъ, чтобы достойнымъ образомъ отпраздновать память великаго Боговидца. Шумныя процессіи ихъ со священными знаменами одна за другой выходили съ „Гарамъ-экъ-шерифа,“ т. е. со священнаго двора Омаровой мечети чрезъ Геессиманскія городскія ворота. Далеко было слышно ихъ дикое ритмичное пѣніе, сопровождаемое необузданной пляской и заглушаемое отчасти дружнымъ хлопаньемъ въ ладоши, барабаннымъ боемъ, бубнами и литаврами; кричатъ и пляшутъ до изнеможенія, до потери сознанія; нѣкоторые особенно фанатичные, въ экстазѣ, рвутъ на себѣ платье и немилосердно истязуютъ себя до тѣхъ поръ пока не падаютъ обезсиленные на руки товарищей; а видъ крови изъ многочисленныхъ кинжалныхъ ранъ, наносимыхъ себѣ подобными фанатиками, еще болѣе опьяняетъ толпу, и она неистово скачетъ многія версты, поднимая за собою пыль и стора я отъ полуденнаго зноя.

Среди другихъ особенно интересна была процессія столь же шумная, состоявшая исключительно изъ мальчиковъ-подростковъ до 15 лѣтъ. Любопытно было смотрѣть, какъ курчавый запѣвало съ фанатичнымъ смуглымъ личикомъ, сидѣна спиной одного изъ товарищей, выдѣлывалъ двумя кинжалами въ тактъ пѣнію поразительно-ошасныя штуки.

Подобныя процессіи называются здѣсь „фантазіями“ (съ удареніемъ на слогѣ „зі.“).

Незамѣтно прошли и послѣдніе три дня. Въ Лазареву субботу, увлекаемый общимъ стремленіемъ богомольцевъ въ Виоанію, я еще разъ сходилъ туда чрезъ Елеонъ прямой и, быть можетъ той самою дорогою ...

По коей Онъ ходитъ любилъ
И этотъ путь въ души убогой
Благоговѣнне возбудилъ.

За многояудствомъ мнѣ такъ и не пришлось на этотъ разъ посѣтить погребальную пещеру Лазаря; но я вознаградилъ себя тѣмъ, что прошелъ еще далѣе селенія—въ греческій монастырь, гдѣ скорбящая о смерти любимаго брата Марѳа встрѣтила Господа, отчего и самый монастырь называется „монастыремъ встрѣчи“.

Лазаревой субботой и недѣлей Ваий начинается въ Іерусалимѣ сплошное многоядневное церковное празднество. Шумно справляетъ Іерусалимъ вербное воскресенье; да и какъ не торжествовать? Святая Церковь своими священными пѣснями сама приглашаетъ къ тому вѣрныхъ чадъ своихъ: „Веселися Іерусалиме! торжествуйте любящіе Сіона!“ Она же указываетъ и причину этого духовнаго веселія: „Царствуй бо во вѣки Господь силъ пріиде“ (8 пѣснь канона на нед. Ваий.)

Вооружась пальмовою вѣтвюю, я съ миссійскою братіей присутствовалъ за торжественнымъ богослуженіемъ этого дня въ храмъ Воскресенія Христова. Литургію совершалъ самъ патріархъ Іерусалимскій, блаженнѣйшій Даміанъ, въ сослуженіи престарѣлаго митрополита Никифора, четырехъ другихъ епископовъ, мно-

жества архимандритовъ (въ томъ числѣ и нашего о. Леонида) и священниковъ. Въ общемъ богослуженіе было очень торжественно, особенно крестный ходъ съ ваіями въ концѣ литургіи кругомъ кувукліи. Торжество это удвоилось бы, если бы пѣль сколько-нибудь сносный хоръ; но къ сожалѣнію греческое унисонное пѣніе способно раздражать и не особенно тонкій слухъ. Древній русскій паломникъ св. земли гунень Даниль (XII в. по Р. Хр.) въ свое время пѣніе латинявъ простодушно сравнивалъ съ верещаніемъ („латина же въ велицемъ алтарѣ начаша верещати свойски“), но нынѣ—да простятъ мнѣ греки—этотъ терминъ болѣе подходящъ къ греческому пѣнію.

Нельзя также не пожалѣть и о нѣкоторомъ недостаткѣ благочинія въ греческомъ богослуженіи и должнаго уваженія къ святости храма; напр. не рѣдко можно видѣть, какъ черезъ царскія врата, столь ревниво оберегаемая у насъ на Руси, ходятъ лица не посвященные.

Вообще, побывавъ однажды за греческимъ богослуженіемъ, я уже не особенно жалѣлъ, если мнѣ не приходилось иной разъ присутствовать за нимъ; была и еще одна причина, по которой я предпочиталъ русскіе храмы греческимъ: мало назидательнаго слушать богослуженіе на непонятномъ нарѣчій. „Когда ты молишься на незнакомомъ языкѣ, то стоящій на мѣстѣ простолодина, какъ скажетъ „аминь“ при твоёмъ благодареніи? Ибо онъ не понимаетъ, что ты говоришь. Ты хорошо благодаришь, но другой не вазидается. (I Кор. I, 16-17).

Въ наступившій затѣмъ Великій Понедѣльникъ, который по выраженію св. церкви уже „начатки страданій Господнихъ свѣтлоноситъ“, я до полудня пробылъ въ нашемъ Троицкомъ соборѣ, внимая трогательному евангельскому повѣствованію о преисполненной чудесъ жизни Господа и о страданіяхъ Его. Послѣ обѣда въ домовой церкви Миссіи и по мѣстному обычаю три іерея: русскій, грекъ и арабъ, торжественно совершали чинъ отпѣванія надъ двумя умершими паломниками. Церковница была переполнена народомъ; не мало было пролито и сочувственныхъ слезъ. Многіе изъ престарѣлыхъ быть можетъ и сами желали умереть на земной родинѣ своего Господа.

Въ числѣ прочихъ богомольцевъ пошелъ и я проводить усопшихъ соотечественниковъ на мѣсто ихъ временнаго упокоенія. Тихо двигалась по городу наша печальная процессія, трогательно звучала трисвятая пѣснь. Смолкала при нашемъ приближеніи бойкая арабская рѣчь. Съ видимымъ любопытствомъ сторонились прохожіе, далеко провожая насъ глазами; лишь фанатичная турчанка, горлоливо скользя по узкому тротуару, закрывала свое лицо темной фатой при видѣ ненавистныхъ „гяуровъ“. (Турецкое слово „гяуръ“ означаетъ собаку; такъ турка зовутъ христіанъ).

Вотъ мы и на Сіонѣ, гдѣ среди кладбищъ грековъ, армянъ, латинявъ, американцевъ, протестантовъ и мусульманъ, отведенъ уголокъ и для русскихъ.

Сколько кладбищъ окружаютъ св. Градъ! Куда ни глянешь, куда ни ступишь, вездѣ—могилы, могилы и могилы! Іерусалимъ—это по преимуществу городъ могилъ; да и самъ то онъ

Нынѣ какъ могила, или пепелище,
Между горъ пустынныхъ и овраговъ дикихъ,

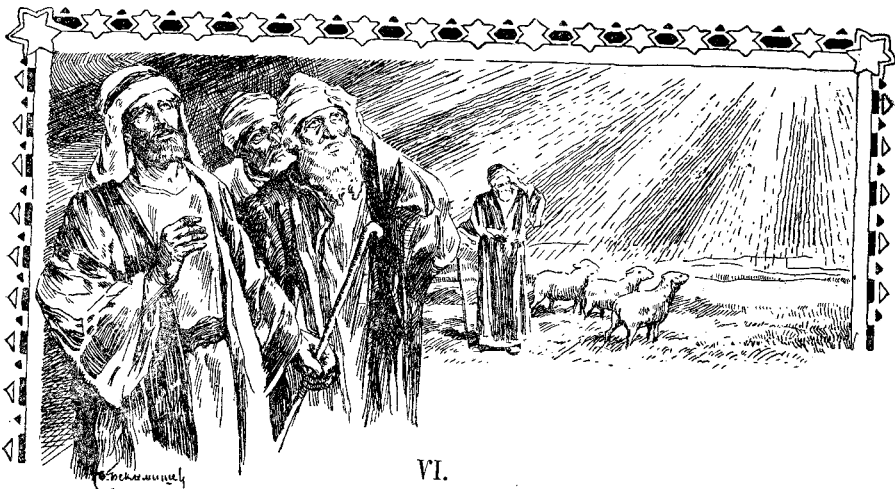
ибо въ гробу Господнемъ—слава Іерусалима;—въ могилѣ на глубинѣ двадцати футовъ погребено его прошлое. „И теперь, говоритъ Фарраръ, въ новѣйшемъ

Иерусалимъ кто хочетъ искать остатковъ древняго, много разъ разрушавагося города время Христа, долженъ искать ихъ на двадцать футовъ ниже поверхности, да и тамъ едва ли найдеть ихъ. Въ одномъ только мѣстѣ сохранилось нѣсколько огромныхъ подпочвенныхъ строеній, и то какъ бы для того только, чтобы показать, какую громадную развалину представляютъ они. Здѣсь каждую пятницу собираются немногіе удрученные бѣдностью іудеи, останавливаются каждый въ своемъ саванѣ, приготовленномъ для погребенія, и вопять о погибшей славѣ своего разрушеннаго и оскверненнаго храма“ (Жизнь Иисуса Христа т. II. гл. XL—IX).

Закончимъ настоящій очеркъ классическимъ изреченіемъ Франкеля, который при видѣ Иерусалима, воскликнулъ: Гробы на гробахъ въ гробахъ!“

Ликъ Спасителя.

VI.

ЗА ВИБЛЕЕМСКОЙ ЗВѢЗДОЙ.

Поклонившись Гробу Господню, я захотѣлъ, выражаясь словами священной пѣсни „тѣломъ и душою къ Виблеему граду взыти, Владыку видѣти рождшагося“. И вотъ желаніе мое исполнилось.

Раннимъ утромъ, 23 марта, въ сопровожденіи послушника Мисси, я выѣхалъ изъ святого Града въ Виблеемъ мимо Яффскихъ воротъ и башни Давида, дорогою волховъ, путеводимыхъ чудесной звѣздою.

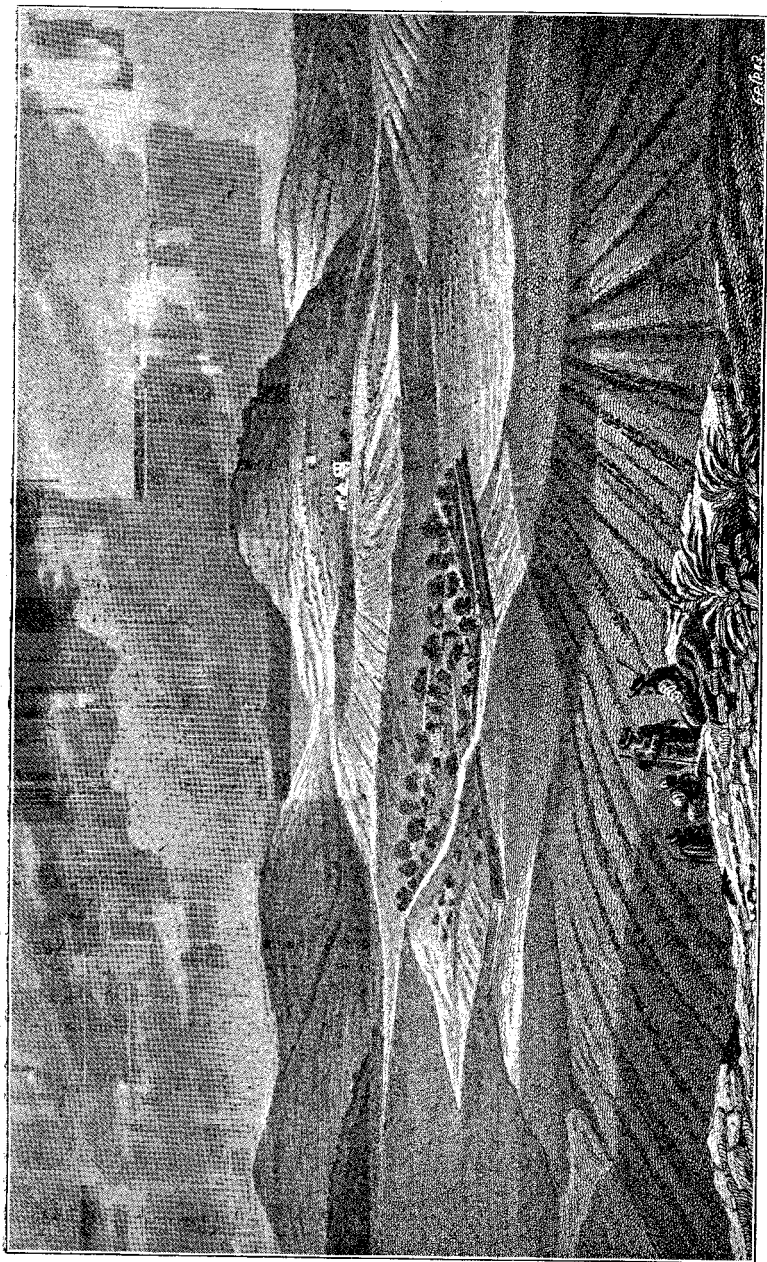
Вначалѣ путь лежалъ мимо желѣзнодорожной станціи и возвышавшейся противъ нея „Горы злого совѣщанія“, на которой, въ загородномъ домѣ первосвященника Каиафы происходило „нечестивыхъ собраніе“.

Слугникъ указалъ мнѣ направо отъ дороги загородный домъ іерусалимскаго патріарха (Катамонъ). Здѣсь, по преданію, былъ домъ Симеона Богопріимца, гдѣ этотъ праведный мужъ много лѣтъ томился ожиданіемъ Мессіи.

Миновавъ такъ называемую „цистерну (колодезь) волховъ“, у которой, по преданію, эти халдейскіе астрологи снова увидѣли чудесную звѣзду родившагося Христа, мы приблизились къ монастырю св. прор. Іліи.

Далѣе, въ верстѣ разстоянія, находится долина, извѣстная подъ именемъ „гороховаго поля“, потому что на ней въ изобиліи находятъ камешки, очень похожіе на горохъ. По преданію, однажды Богоматерь, проходя здѣсь мимо земледѣльца, сѣявшаго горохъ, спросила у него, что онъ сѣетъ?—Камни,—грубо отвѣтилъ онъ Ей, и получилъ въ отвѣтъ: „Да будетъ по слову твоему“! И вотъ, будто бы съ той поры появился здѣсь этотъ удивительный каменный горохъ. Паломники свято вѣрятъ этому преданію. За недостаткомъ свободнаго времени для собранія этого гороха, они покупаютъ его у арабскихъ ребятишекъ, для которыхъ это поле служитъ доходной статьей.

Въ недалекомъ разстояніи отъ Виблеема, при спускѣ въ долину, мы приблизились къ невысокому каменному зданію, похожему издали на часовню. Здѣсь погребена любимая жена праотца Іакова, поставившаго каменный столбъ на ея могилѣ. И „сей есть столбъ надъ гробомъ Рахилинымъ даже до сего дне“. Христіане, магометане и евреи одинаково глубоко чтутъ память праматери; Рахили и любовно оберегаютъ мѣсто ея вѣчнаго упокоенія.

Виллемъ.

Недалеко отъ Виелеема находится христіанское арабское селеніе—Бетъ-Джала, въ которомъ имѣется русская учительская семинарія для дѣвочекъ-арабокъ, содержащаяся на средства Р. И. П. Общества.

Вскорѣ экипажъ нашъ, страшно громыхая колесами, помчался по каменной мостовой Виелеема. На его узкихъ и извилистыхъ улицахъ царило большое оживленіе. Всюду слышался гортанный говоръ. Навстрѣчу попадались неряшливо одѣтые арабы и красивыя арабки въ своихъ оригинальныхъ высокихъ бѣлыхъ головныхъ уборахъ, напоминавшихъ монашескій клобукъ, за что паломники и прозвали ихъ „митрополитками“. По обѣимъ сторонамъ улицы, черезъ открытыя окна и двери домовъ, видны мастерскія перламутровыхъ издѣлій, которыми и славится современный Виелеемъ.

Было около семи часовъ утра, когда мы выѣхали на большую для восточнаго города площадь къ храму Рождества Христова. Караванъ паломниковъ, почевавшихъ въ здѣшнемъ греческомъ монастырѣ, выступалъ въ дальнѣйшій путь къ Дубу Мамврійскому, до котораго оставалось отъ Виелеема еще около 25-ти верстъ.

Выступление каравана сопровождалось характерной епеной. Утро выдалось хмурое и холодное. Облака густого тумана быстро и низко неслись вадъ землей. Нѣсколько разъ уже накрапывалъ дождь. Погода хмурилась все болѣе и болѣе, предвѣщая полное ненастье. Молодой кавасъ-черногорецъ, зная, быть можетъ по собственному опыту, что значить здѣсь ненастье въ пути, рѣшительно отказывался вести караванъ къ Дубу, энергично убѣждая паломниковъ вернуться въ Іерусалимъ. Извѣстно многимъ, какъ одинъ назаретскій караванъ сильно пострадалъ отъ непогоды: она застала путниковъ среди большого перехода, вдали отъ пріюта. Подвигаться впередъ сдѣлалось невозможнымъ. Укрыться отъ буревавшей стихіи было негдѣ и нечѣмъ; люди сбились въ тѣсную толпу и грѣли другъ друга дыханіемъ. Много богомольцевъ умерло въ тотъ разъ отъ жестокой простуды. Послѣ этого случая было принято за правило пережидать съ паломниками сомнительную погоду на удобныхъ стоянкахъ.

Но этотъ примѣръ не устрасилъ нашъ караванъ.

— Коли помереть—такъ померемъ!.. кричали богомольцы кавасу:—Не твое это дѣло!.. Отворяй двери, веди насъ!

Кто то запѣлъ „Заступница усердная!“

Многосотенная толпа подхватила мотивъ и трогательная молитва широко разнеслась по воздуху.

Сердитый кавасъ не могъ долѣе сопротивляться и караванъ двинулся изъ Виелеема къ Дубу.

Намъ спѣшить было некуда, такъ какъ пути наши расходились: караванъ пошелъ не по прекрасной шоссированной дорогѣ, а напрямикъ, по неудобнымъ тропинкамъ, прямо черезъ горы и долины.

По уходѣ паломниковъ я отправился въ пещеру Рождества Христова, находящуюся подъ алтаремъ греческаго соборнаго храма. Пройдя по обширному притвору среди 40 мраморныхъ коринтскихъ колоннъ, единственно напоминающихъ о прежнемъ богатствѣ и великолѣпїи храма, сооруженнаго и украшеннаго царицей Еленой, я вступилъ въ самый храмъ, но и въ немъ не на чѣмъ было сосредоточить вниманія, кромѣ древнихъ мозаикъ по стѣнамъ, до низкаго деревяннаго рѣзного иконостаса довольно тонкой работы. Невольно захотѣлось поскорѣе увидѣть тотъ убогій и въ то же время славный вертепъ, который, по вдохновенному выраженію св. Романа Сладкопѣвца—принесенъ былъ землей въ даръ Неприсутому. Съ обѣихъ сторонъ алтаря въ вертепъ этотъ ведутъ двѣ лѣстницы по 15 ступеней каждая.

КЪ СТОЛЪТІЮ РОЖДЕНІЯ Николая Васильевича ГОГОЛЯ.

СОБРАНІЯ ЕГО СОЧИНЕНІЙ И ЛІТЕРАТУРА О НЕМЪ.

- ГОГОЛЬ, Н. В. Собраніе сочиненій, 8 томовъ, изд. „Дешевыя Библіотека“ А. С. Суворина. Ц. 1 р. въ перепл. 2 р.
- Иллюстрированное изданіе сочиненій подъ редакціей Е. Ляцкого. 3 тома. Ц. 2 р.
- Тоже. Подъ редакціей П. В. Смирновскаго въ одномъ томѣ. Ц. 1 р. 75 к.
- Подъ редакціей Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока въ одномъ томѣ. Ц. 1 р. 25 к.
- Съ биографическимъ очеркомъ В. И. Яковенко, въ одномъ томѣ. Ц. 1 р. 25 к.
- Полное собраніе сочиненій. Подъ редакціей П. В. Выкова, въ одномъ томѣ. Ц. 2 р. 50 к.
- Полное собраніе сочиненій съ его біографіей и примѣчаніями, подъ редакціей проф. А. И. Кирпачникова, въ трехъ томахъ Ц. 3 р. 50 к.
- Подъ редакціей Н. С. Тихонравова, въ двѣнадцати томахъ. Ц. 2 р. 50 к.
- Избранныя сочиненія для юношества, подъ редакціей А. Острогорскаго, въ двухъ томахъ Ц. 1 р.
- АВЕНАРИУСЪ, В. П. Гоголь-гимназистъ. Первая повѣсть изъ біограф. трилогіи. Ц. 1 р. 25 к.
- Гоголь-студентъ. Вторая биографическая повѣсть. Ц. 1 р. 25 к.
- Школа жизни великаго юмориста. Третья биографическая повѣсть. Ц. 1 р. 50 к.
- ЛУКАШЕВИЧЪ К. Школьный праздникъ въ память Н. В. Гоголя, съ рисунками и нотами Ц. 50 к.
- АВЕНАРИУСЪ, В. П. Н. В. Гоголь. Биографическій очеркъ Ц. 10 к.
- АННЕНСКАЯ, А. Н. Н. В. Гоголь, его жизнь и литературная дѣятельность Ц. 25 к.
- АРИСТОВЪ, Н. Я. Сочиненія Н. В. Гоголя со стороны отечественной науки Ц. 1 р. 50 к.
- БЪЛНИНСКИЙ, В. Г. Письмо къ Гоголю Ц. 10 к.
- ГОГОЛЕВСКИЙ СВОРНИКЪ, изд. Рус. Библиологическаго Общества. 1902. Ц. 1 р.
- ЗЕЛИНСКИЙ, В. Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя. Двѣ части, Ц. по 1 р. за часть.
- ИСТОМИНЪ и ГОВОРОВЪ, Біографіи писателей. Н. В. Гоголь и др. Ц. 65 к.
- КАЛЛАШЪ, В. Н. В. Гоголь и его письма. Ц. 75 к.
- Н. В. Гоголь въ русской поэзіи Ц. 50 к.
- КАМАНИНЪ, И. Научныя и литературныя произведенія Н. В. Гоголя по исторіи Малороссіи. Ц. 75 к.
- КАЧЕНОВСКИЙ, Болѣзнь Гоголя. Критич. изслѣдованіе. Ц. 75 к.
- КОРАВЛЕВЪ, В. Н. Литературныя замѣтки: Гоголь. Ц. 1 р.
- КОТЛЯРЕВСКИЙ, Н. Н. В. Гоголь. 1829—1842. Очеркъ изъ исторіи русской повѣсти и драмы. Ц. 2 р. 50 к.
- МАЙКОВЪ, Б. Н. В. Гоголь: Подробный разборъ его главнѣйшихъ произведеній Ц. 1 р.
- МЕРЕЖКОВСКИЙ, Д. С. Гоголь. Творчество жизни и религія. Ц. 1 р.
- Гоголь и чортъ. Изслѣдованіе Ц. 1 р. 80 к.
- ОВСЯННИКО-КУЛИКОВСКИЙ, профес. Гоголь. Ц. 1 р.
- ПАМЯТИ ГОГОЛЯ. Научно-литературн. сборн. Изд. историч. обществомъ, подъ ред. Н. Дашкевича. 1902. Ц. 4 р. 50 к.
- ПАМЯТИ В. А. ЖУКОВСКАГО и Н. В. ГОГОЛЯ. Изд. Академіи Наукъ. Вып. 1 съ 4 фототипіями. Ц. 1 р. 50 к. Вып. 2. Пѣсни, собранія Н. В. Гоголемъ. Ц. 1 р. 80 к.
- ПОКРОВСКИЙ, В. И. Н. В. Гоголь. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Ц. 75 к.
- ПЪТУХОВЪ, Е. В. Памяти Н. В. Гоголя и Жуковскаго. 1903. Ц. 60 к.
- СМИРНОВСКИЙ, П. Н. В. Гоголь, его жизнь и литературная дѣятельность съ образцами изъ его сочиненій. Для школьнаго и народнаго чтенія. 2 т. Ц. 75 к.
- СОЛОВЬЕВЪ, Н. В. Гоголь. Біографія и разборъ его главнѣйшихъ произведеній. Ц. 80 к.
- ТИХОМИРОВЪ, Д. О жизни Николая Васильевича Гоголя и его безсмертныхъ сочиненіяхъ. Чтеніе для школы и народа. Ц. 10 к.
- ХАЛАНСКИЙ, ПРОФ. Н. В. Гоголь, какъ романистъ и поэтъ русской дѣятельности. 1902. Ц. 30 к.
- ПИСЬМА Н. В. ГОГОЛЯ. Редакція В. И. Шенрока, въ четырехъ томахъ Ц. 6 р.
- НЕВСКИЙ ПРОСНЕКЪ ПОВѢСТЕЙ Н. В. ГОГОЛЯ. Ц. 25 р.
- ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧИКОВА или мертвыя души. Поэма Н. В. Гоголя. Текстъ по редакціи Н. С. Тихонравова, художествен. отдѣлъ выполненъ подъ наблюденіемъ П. П. Глѣбича и М. М. Далькевича. Въ роскошн. перепл. ц. 16 р.
- ГОГОЛЬ НА РОДИНѢ. Альбомъ художествен. фототипій и гелиографуръ, относящихся къ памяти Н. В. Гоголя. Ц. 12 р., въ перепл. 15 р.
- СТО ЧЕТЫРЕ РИСУНКА къ поэмѣ „Мертвыя души“, рисоваль А. Агинъ, гравироваль Бернадский. Ц. 1 р. тоже въ перепл. 3 р.
- ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ Н. В. ГОГОЛЯ. Сборникъ для дѣтей школьнаго возраста. Съ біографіей А. Нестерскаго. Съ портретами Н. В. Гоголя работы художника Моллера и Иванова. М. 1909. Ц. 20 к.
- ГОГОЛЕВСКИЙ СВОРНИКЪ 1809—1909 гг. Подъ ред. Д. И. Тихомирова. Ц. 60 к.
- Н. В. ГОГОЛЬ. Біографическій очеркъ С. Орловскаго. Съ 14 рис. Ц. 20 к.
- ПОДВИЖНИКЪ СЛОВА. Новые матеріалы о Н. В. Гоголѣ. И. Щеглова. Съ двумя оригинальными рисунками. И. Е. Рѣпина. 1909 Ц. 1 р.

Отдѣльныя брошюры для школъ и народа отъ 2 коп. и дороже. Продаются въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“

А. С. Суворина, СПБ. Невскій, 40.

III-й г. изданія. ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1909-й годъ. III-й г. изданія.

НА

„ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ для всѣхъ, подъ редакціей **А. В. Круглова**, при ближ. участіи въ трудахъ редакціи **А. Н. Догановичъ**, при **сотрудничествѣ извѣстныхъ писателей и ученыхъ.**

Программа журнала ОБЫЧНАЯ для ЕЖЕМЪСЯЧНЫХЪ изданій.

Художественною частью журнала завѣдуетъ художникъ **С. В. Беклемишевъ.**
Всѣ годовые подписчики (хотя бы и подп. въ разсрочку)

П О Л У Ч А Т Ь :

12 №№ (11-ть книгъ, такъ какъ июль-августъ выйдетъ въ одной книгѣ, увеличеннаго объема) иллюстрированнаго журнала.
18 ОЧЕРКОВЪ, которые составятъ книгу „Подъ небомъ Палестины“ о. **Михаила Пеньковского.** (Очерки, со многими иллюстраціями,—будутъ при брошюроваться листами къ каждой книжкѣ, имѣя особую нумерацію).

- 4** КНИГИ-ПРЕМИИ, каждая въ отд. иллюстрирован. обложкѣ. Изъ этихъ книгъ
- 1** КНИГА подъ названіемъ „Другъ несчастнаго человѣчества“ проф. **И. Т. Тарасова** (жизнь и дѣятельность врача-идеалиста).
- 1** КНИГА подъ названіемъ „Въ дали вѣковъ“ (Странички исторіи). Разн. авторовъ.
- 1** КНИГА подъ названіемъ „Русская слава“. (Очерки и этюды о герояхъ). Разн. авторовъ.
- 1** КНИГА подъ названіемъ „На службѣ народу“. Очерки **А. Н. Догановичъ**, **А. В. Круглова** и др.

8 ОТДѢЛЬНЫХЪ КАРТИНЪ, на мѣловой бумагѣ, на разные сюжеты.

„Дневникъ Писателя“ въ 1909 г. будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками отъ **6** до **9** печ. листовъ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Безъ доставки. Съ дост. и пер. по Имперіи.

На годъ со всѣми преміями.	3 р. 60 к.	4 р. — к.	За границу
На 6 мѣс. безъ преміи.	2 р. — к.	2 р. 40 к.	только на годъ.
На 3 мѣс. (безъ преміи.)	(не прин.).	1 р. 50 к.	6 р. 50 к.

(Подписавшіеся на годъ въ разсрочку получаютъ преміи какъ годовые).

Допускается разсрочка при подпискѣ на годъ: **2 р.** при подпискѣ, **2 р.** къ 1-му марта. Подписывающіеся въ разсрочку предувѣдомляются, что недоплатившимъ второго взноса къ 1-му марта высылка мартовской книжки будетъ задержана до полученія взноса. За перемѣну всякаго адреса **35 к.**

Для полковыхъ и ротныхъ библиотекъ и вообще для казенныхъ и общественныхныхъ учреждений и лицъ, подписывающихся черезъ г.г. казначеевъ—разсрочка по соглашенію съ Конторой. При этомъ на каждые 10 платныхъ экземпляровъ 1 экз. бесплатный. Магазинамъ и конторамъ, принимающимъ подписку, уступка **25 к.** съ годового экземпляра, при внесеніи подписной суммы за годъ полностью.

Полный комплектъ ж. „Дневникъ Писателя“ за 1907 годъ съ преміей—**Об.** рассказовъ **А. В. Круглова:**

Въ конторѣ	1 р. 95 к.
Съ пер. въ Евр. Россіи	2 р. 50 к.
„ „ въ Сибирь	3 р.

Полный комплектъ ж. „Дн. Писат.“ за 1908 г. съ прилож. 48 Дневничковъ:

Въ конторѣ	2 р. 50 к.
Съ пер. въ Евр. Россіи	3 р.
„ „ въ Сибирь	3 р. 80 к.

За премію „Наканунъ службы народу“, очерки **А. Н. Догановичъ**, добавочныя **50 к.**

Подписку, объявленія и вообще всю корреспонденцію для журнала адресовать: Москва, Тверская, д. гр. Олсуфьевой, контора журнала „Дневникъ Писателя“, Издателью-редактору **А. В. Круглову.**—Телеф. 83-00.

Редакторъ-издатель **А. В. Кругловъ**

Отдѣльная книга журнала **40 к.** Съ дост. и пер. **60 к.**